

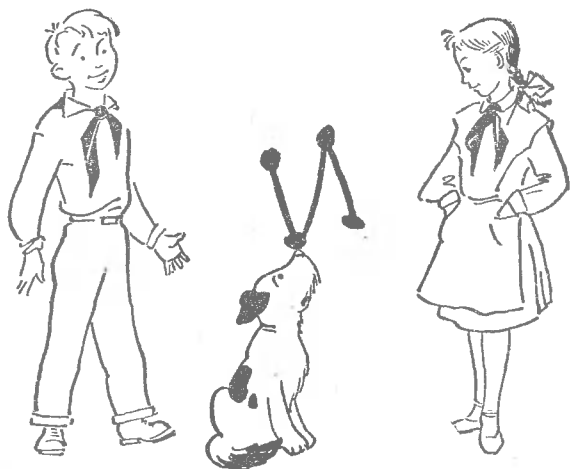
Иосиф Дик

ДЕВУЧОНКІ
И
МАЛЬЧИШКИ

Иосиф Дик

ДЕВУЧОНКИ

МАЛЪУИШКИ

Издательство ЦК ВЛКСМ
Молодая Гвардия • 1960 •

ОБ АВТОРЕ

Иосиф Иванович Дик родился 22 августа 1922 года в семье старого большевика И. О. Дическу-Дик, члена Румынской социал-демократической партии с 1909 года и члена КПСС с 1917 года.

Детство писателя прошло в Москве, на Садово-Каретной улице, в 3-м Доме Советов, где жило много участников Октябрьской революции, а в первые годы пятилетки всегда останавливались делегаты партийных съездов, конференции, ударники, испанские революционеры, шувбундовцы.

Еще будучи школьником, Иосиф Иванович начал писать стихи. И первые его строчки были посвящены революции, Ленину, чей автограф, подаренный отцу, хранился в семье как священная реликвия.

Первый рассказ «Мой друг» молодой писатель напечатал 20 июня 1940 года в газете «Рыбинская правда».

После окончания десятилетки Иосиф Иванович поступил в Ленинградский горный институт, но через год, когда началась Великая Отечественная война, студенту-горняку пришлось сменить лекции по минералогии на занятия по штыковому бою и на изучение устройства огневых точек самолетов, бомб и электрических сбрасывателей.

Окончив авиационно-техническое училище, И. И. Дик попал на фронт и в мае 1942 года под Харьковом был тяжело ранен.

После госпиталя Иосиф Иванович сдает экзамены в Литературный институт имени Горького и в творческих семинарах К. Г. Паустовского, В. Г. Лидина и Л. А. Кассиля из поэта, пришедшего в институт с военными стихами, «перековывается» в прозаика, пишущего для детей.

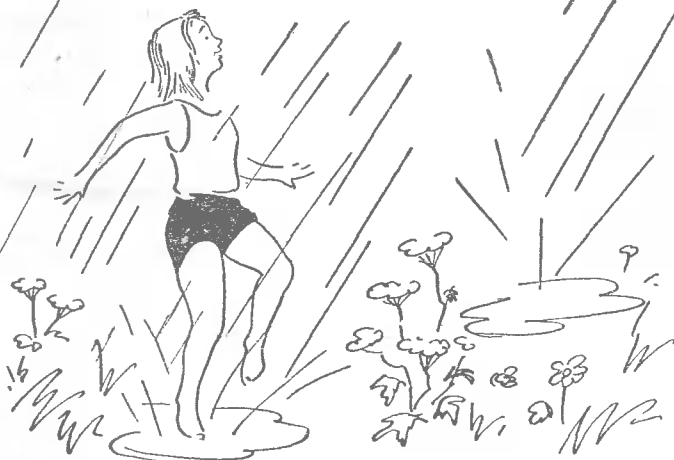
В 1949 году И. И. Дик становится членом Союза писателей.

Его книги для детей «Золотая рыбка», «Огненный ручей», «В нашем классе», «На буксире» вышли большими тиражами у нас в СССР и за границей.

В настоящем сборнике помещены новые рассказы писателя, недавно законченная им повесть «В дебрях Кара-Бумбы» и комедия «Петька в космосе», которая идет во многих детских театрах страны.

РАССКАЗЫ

МАННАЯ КАША

лагере в воскресенье целый день были родители, а к вечеру они уехали в заводских автобусах, и ребятам сразу стало грустно.

Но всех рассмешил дежурный по столовой Валька Курочкин. Он тащил через лужайку бачок с манной кашей. И вдруг — трах! — споткнулся и вылил всю кашу на траву.

Третий отряд сразу выскочил из столовой и побежал к белой дымящейся луже. И тут Севка Глухов сказал:

— Ага, Валька, оставил нас без ужина, теперь корми за свой счет! Или сухой паек гони!

— А ко мне сегодня никто не приезжал... — жалобно сказал Валька. — Нет у меня продуктов!

— Ребята, — вдруг сказала Вера Лапшина, — а давайте принесем из тумбочек все родительские гостинцы и разделим их поровну, а? Вот и будет ужин!

— Давайте! — поддержали ее ребята, и все побежали за продуктами.

Не побежал в спальню только один Валька. Но ребята его накормили очень хорошо: и пирога дали, и колбасы, и конфет...

А потом пионеры всем отрядом пошли на колхозную ферму и привели оттуда к столовой двух коров. И коровы стали лизать манную кашу со сливочным маслом. Не пропадать же добру!

ПИРОГ С НАУИНКОЙ

Федя Петров торопился из школы домой: скорей бы поесть! Сегодня опять его бутерброд с колбасой съел Мишка Бутылкин.

На большой перемене Федя в буфете положил свой завтрак на стол и пошел за чаем. Вернулся — бутерброда нет, а Мишка стоит у стола, жует и нагло ухмыляется.

И, кстати, не у одного только Феди этот Мишка отнимал завтраки. Он бесцеремонно заглядывал в сумки и к Свете Крюковой — Фединой соседке по парте, и к Петьке Тихонову — худенькому мальчишке с большими ушами, и к другим ребятам.

Сначала все Мишку жалели. И действительно, почему не поделиться с товарищем — ешь на здоровье! Но вскоре все заметили, что Мишка уже нахально стал требовать угощения:

— А ну-ка, Федька, покажи, что у тебя сегодня в меню? Опять колбаса? И чем тебя только дома кормят! Вот у Светки бутерброд — это да! С паштетом! И с жареным лучком да с яичком!

И странное дело, эти разговоры обычно происходили на большой перемене, после того как Мишка покупал себе в буфете сметану, винегрет или студень.

Как-то Света ему сказала:

— Не думай, Мишка, что я какая-нибудь жадина, но ведь это некрасиво — попрошайничать!

— Ух ты, комарик! — усмехнулся Миша и надавил ей пальцем нос.

Маленький Петька Тихонов, у которого Мишка как-то, роясь в сумке, раздавил яйцо всмятку, сжав кулаки, подскочил к нему:

— Ну ты, бутылка зеленая! Ты поосторожнее! Ты поосторожнее! Ты чего к девчонке пристал?

— Кто бутылка зеленая? — оторопел Мишка Бутылкин.

— Ты! — твердо ответил Петька. — И не думай, что если ты здоровый, так ты уж тут и бог и царь!

— Ой, комедия! — деланно засмеялся Мишка и поднес к Петькиному лицу кулак. — А с товарищем Кулаковым ты знаком?

Он размахнулся, и вдруг Петька, будто сам по себе, отлетел в угол класса. А Мишка засунул руки в брюки и как ни в чем не бывало вышел в коридор.

Федя подбежал к Петьке и сказал, что надо сейчас же пойти в учительскую и рассказать обо всем Клавдии Сергеевне. Но Петька, похрамывая после падения, гордо вскинул голову. Нет, он никогда не был ябедой!

Конечно, будь Федя сильным, он бы подошел к Мишке и так бы ему трахнул — тот три раза бы в воздухе перевернулся! Но что он мог сделать с этим человеком? И, впрочем, дракой делу не поможешь.

Федя целый день ходил хмурый и задумчивый. Он строил планы мести. Ему хотелось то вылить Мишке на голову ведро чернил, то отрезать у него на пальто все пуговицы или зашить рукава, а то наложить ему в портфель сто лягушек. Он даже уроки не готовил. И только лишь к вечеру, когда мама, ожидая папиного прихода с работы, стала накрывать на стол, гениальная мысль осенила Федю...

Наутро в школе на большой перемене Федя с Петькой и Све-

той сели за круглый стол в буфете и стали завтракать. За соседним столом Мишка уплетал за обе щеки борщ и пшеничную кашу. Потом, сытый, с красным лицом, он подошел к ребятам и сказал:

— Ну-с, граждане, завтракаете? Приятного аппетита! А я пришел к вам подкрепиться. Возражения будут?

И он сел на свободный стул и стал заглядывать в тарелки к ребятам.

— Ну, какой у вас сегодня ассортимент? — говорил он. — Хо, что я вижу?! Пирожки! Можно попробовать?

— Нет, — сказал Федя.

Но Мишка уже схватил самый большой пирожок и быстро запихнул его в рот.

— Ай, ай! — покачал он головой. — Нехорошо быть жадным!

И тут произошло неожиданное. Когда Мишка стал жевать пирожок, глаза у него вдруг выпучились.

— Ребя! — прошептал он. — Что это такое, ребя?!

Вид у него вдруг стал жалкий: лицо посинело, в глазах — слезы.

— Что с тобой, Мишенька? — спросил Петя.

— Вы... Вы мне перцу по...под...сыпали! — задыхаясь, проговорил Мишка.

— А ты ешь, угощайся! — улыбнувшись, сказала Света. — Нам не жалко. Сегодня у нас пирожки по-кавказски!

...В этот день Миша ушел с уроков. «По болезни».

После этого случая он уже не лазил по ребячьим сумкам.

НАХОДКА.

Витя шел по бульвару удивительными зигзагами. Не обращая внимания на прохожих, он устраивал... взрывы. Подойдет к одной куче листьев и по ней ногой — трах! Подойдет к другой и снова — трах! А листья, как из пушки, — вверх! И долго летают в воздухе.

Витя — белобрысый мальчик с синими большими глазами. На нем кепка козырьком на затылок, через плечо на веревочке висит портфель, от которого пахнет ваксой.

Для того чтобы портфель выглядел новым, Витя чистит его.

Мальчику хочется есть. Сегодня мама дала ему на завтрак рубль, но Витя потратил деньги не по назначению. Он купил себе бумажные пистоны и забавлялся ими во время школьных перемен. Пистоны оглушительно стреляли, когда по ним били каблуком, и все ребята завидовали Вите.

Но вот Витя погнался по бульвару какой-то упругий газетный комок, который выскочил из кучи. Витя бил по нему и с разбегу, и с места, и «через ножку». Наконец, подогнав комок к выходу с бульвара — здесь уже проходила трамвайная линия, — Витя положил его на блестящий, будто отникелированный рельс и топнул по нему ногой.

Вдруг перевязанный веревочкой комок развернулся, и Витя увидел под ногами... деньги. Это были двадцатипятирублевки, лежавшие на рельсах, словно синий веер.

— Клад! — прошептал Витя и моментально схватил деньги, прижал их к груди и что есть силы понесся домой. Ему все время казалось, что за ним кто-то бежит.

«Фу, черт! Даже не верится! — подумал Витя, взлетев к себе на третий этаж. — Вот бывает же: шел, шел — и нашел».

Он быстренько сосчитал двадцати-пятирублевки. Их было ровно двенадцать, новеньких, хрустящих.

«Обалдеть можно! Триста рублей!»

У Вити вдруг отчаянно заколотилось сердце и что-то сжалось в животе. Ему было и радостно и страшно. Нет, этого никогда не может быть, чтобы на улице просто так лежали деньги. Их, наверное, кто-нибудь специально положил — проверить людскую честность. Но все-таки кто же будет бросать специально такие деньги на землю? Видно, они кем-то потеряны! И, значит, их можно тратить!

Дома Витя незаметно от мамы спрятал деньги в темный чуланчик. Здесь лежали старые галоши, газеты, утюги, бутылочки из-под лекарств, и сюда редко кто заглядывал.

За столом он сидел молча, уткнувшись в тарелку. Запах картофельного супа приятно щекотал ноздри, но зачем наедаться супом, когда можно пойти в магазин и взять двадцать пирожных, даже тридцать?! А что, если, правда, купить тридцать пирожных, угостить маму, всех соседей и самому наесться на целый год?

А еще можно накрыть во дворе стол и поставить на него всяких яблок и печений, а потом позвать всех ребят. «Что за праздник у вас?» — будут спрашивать прохожие, а ребята хором ответят: «Это Витя Горчаков угощает! Он добрый». Но, конечно, все это глупости. Яблоки и пирожные съешь, а назавтра все равно опять их захочется. Надо что-нибудь из вещей

купить, чтобы надолго хватило. Но что? Ботинки? Шапку? Пальто?

Витя почувствовал, что голова у него пошла кругом. Ему так спокойно жилось, а теперь прямо места себе не найдешь. Маме деньги показать — начнет спрашивать, откуда взял, и еще, чего доброго, отнимет. Надо, скажет, найти хозяина. А где его найдешь? А ребятам показать — позавидуют или скажут: «Давай тратить на всех». А жалко их без толку тратить...

После обеда Витя решил пойти на улицу, чтобы прикинуть, на что можно потратить деньги с толком. Шагать по проспекту с деньгами было очень приятно. Первым делом он выпил стакан газированной воды за сорок копеек и разменял первую бумажку. Потом он зашел в рыбный магазин и съел пирожок с вязигой и бутерброд с красной икрой. Вязига от обыкновенного риса отличалась лишь тем, что пахла рыбой. И Витя понял, что потратил шестьдесят копеек без толку. А может быть, и с толком, потому что в следующий раз он никогда не купит такого пирожка.

Есть больше не хотелось, и тогда Витя поехал в мебельный магазин. То, что он задумал, было просто невероятно. Он решил купить шкаф, погрузить его на такси и привезти домой.

Но в мебельном магазине была толкучка: привезли алюминиевые кровати-раскладушки — и Вите расхотелось покупать шкаф. Он решил ехать в зоопарк.

В центре парка на маленьких ослах и пони по кругу катались ребяташки. Витя сначала прокатился на осле, потом на пони, а в другом месте зоопарка залез на верблюда. По бокам верблюда висели две корзиночки, и справа от Вити вдруг очутилась какая-то девочка. У нее были длинный нос и светлые волосы, а на макушке висел голубой бант, который развязался. К Витиному верблуду за хвост был привязан другой верблюд, и, когда караван под предводительством старика с кожаной сумкой и билетиками, как у кондуктора, тронулся, девочка схва-

тила Витю за руку. Витя хотел отдернуть руку и сказать: «Чего хватаешься?» — но, увидев, что девочка побледнела, успокоил ее:

— Это еще ничего, а других вот тошнит.

Караван медленно двигался по аллеям. Справа и слева в высоких клетках рычали тигры, выли шакалы и летали попугаи. А в огромном котловане с каменным барьером по серым скалам ходил белый медведь.

Свою спутницу по каравану Витя потерял в толпе в ту же минуту, когда девочка вылезла из корзинки на деревянный помост. Потом он ее увидел с мамой около газетного киоска. Но подойти к ней не решился. И стало Вите почему-то грустно. Нет, надо было бы взять с собой кого-нибудь из знакомых мальчишек.

Побродив еще немного по аллеям и съев три эскимо, Витя отправился домой.

И хотя мама всегда говорит, что деньги летят очень быстро, при подсчете оказалось, что за целый день было истрачено всего-навсего семь рублей.

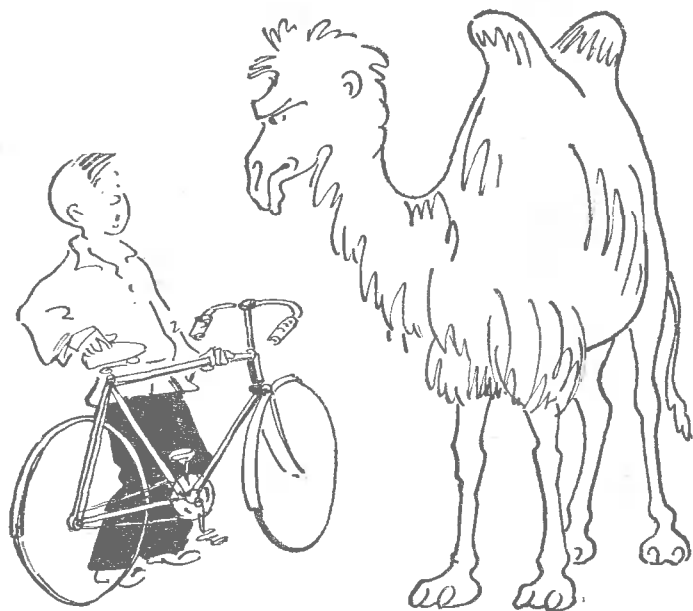
В чуланчике Витя начал заворачивать в чистую газету свое богатство и вдруг обнаружил в старом бумажном комке записку. Как он раньше не обратил на нее внимания?

«Дорогая мамочка! Поздравляю тебя с днем рождения. Целую. Алеша».

Витя вздохнул. Вот не было печали — хозяин нашелся! Шел, наверное, к маме и потерял. Но нет ли адреса еще на бумажке? Нет! И, значит, у этих денег все же Витя хозяин! А почему теперь Витя хозяин?

Витя вдруг представил себе незнакомую «мамочку». Она почему-то походила на Пелагею Павловну, жившую под Витиной квартирой. Маленькая, морщинистая старушка в черном платке. У нее был только один зуб, впереди. Витина мама в праздники всегда угощает Пелагею Павловну пирогами. Старушка тоже имела где-то взрослого сына, но в каком городе он жил, Витя не знал.

Вечером, когда Витя лег спать, в животе у него

что-то урчало. Наверное, переел мороженого. Вите захотелось сразу уснуть, и он стал считать слонов. «Раз слон... два слона». Но вдруг Вите показалось, что вместо слонов он считает свои деньги. Да, да, у него в руках деньги, как синий веер. И даже больше, он стоит в магазине и покупает велосипед и два пирожка. А затем к нему подходит верблюд и по-человечьи говорит: «Ага, попался! Теперь я скажу старушке!» И Пелагея Павловна хочет укусить Витю своим единственным зубом.

Витя проснулся в шесть часов утра. «Что же делать? — думал он. — Ну хорошо, положим, я деньги как-нибудь верну хозяину. Но ведь это благородный поступок! А кто о нем узнает? Может быть, сходить с этими деньгами в «Пионерскую правду»? Главный редактор, конечно, сразу распорядится, чтобы Витю сфотографировали и написали о нем такую заметку:

«Вчера ученик 4-го класса «Б» Витя Горчаков нашел крупную сумму. Не истратив ни копейки, Витя решил вернуть деньги пострадавшему. Пионер просит пострадавшего зайти по адресу: 4-й Колобовский, дом № 27, квартира № 8. С часу дня до шести вечера. На снимке: Витя Горчаков с деньгами».

Но этот план Витя отклонил сразу. Ну, положим, что редактор напечатает такую заметку. Ее все прочтут, и тогда любой человек сможет прибежать в редакцию и сказать: «Отдайте! Это я потерял!»

А как его проверишь? Но, конечно, для этой проверки можно будет отвести специальный кабинет. Витя будет сидеть за большим столом и каждого спрашивать: «А как вас зовут?» Вот тут-то он их и поймает! Но нет, наверно, никто не придет за чужими деньгами.

В общем после долгих размышлений Витя решил, что, как бы он ни хотел вернуть хозяину деньги, вернуть он их едва ли сможет. Не найдешь человека. И, следовательно, эти триста рублей он может тратить с легкой душой.

С этого дня у Вити началась веселая неделя. Он почти каждый день ходил в кино. Покупал себе шоколадные конфеты, пирожные, приобрел в спортивном магазине ручной силомер, купил на подставке рыбий скелет, в магазине ДОСААФ, увидев старый, ржавый телеграфный аппарат, тоже его купил. Зачем ему были нужны силомер, рыбий скелет, телеграфный аппарат, он и сам не знал, но все-таки обладать такими вещами было очень приятно. Витя спрятал их в чуланчике и иногда сжимал в кулаке силомер и рассматривал устройство рыбьей головы. А телеграфный аппарат он разобрал и превратил в кучу интересных деталей.

На последний рубль Витя купил себе «уди-уди» — смешную пищалку с резиновым чертиком на конце.

Деньги пролетели быстро, незаметно, и теперь без них Вите было как-то легче. Не надо ходить по магазинам, не надо бояться, что про деньги узнает мама.

А в субботу папа принес с завода получку — пять-

сот рублей за полмесяца. Они взяли с мамой в руки карандаши и стали распределять деньги на питание, на оплату квартиры, телефона, газа, на трамвайные расходы, на папиросы папе, на парикмахерскую.

Папа был серьезен. Он сокращал то «папиросную» статью, то «киношную».

— М-да! — говорил он. — Тут надо бы выкроить что-нибудь Витюшке или на ботинки, или на зимнюю шапку. А то замерзнет скоро паренек.

— Ну, давай выкраивать. — отвечала мама, и они снова писали на бумажке цифры.

Перед ужином папа торжественно сообщил, что зимняя шапка уже «выкроена» и надо завтра же пойти за ней в магазин. А иначе деньги можно распустить по мелочам, и тогда Витя простудится, останется «без головы».

— А пальто, брат, мы тебе еще через месяц соорудим. Вот я на сверхурочную работу останусь, — улыбнулся папа.

— Ладно, я подожду, — сказал Витя и подумал, что если бы он не истратил те триста рублей, то пальто можно было бы купить хоть сегодня. Но стойте, на каком основании он мог на эти деньги покупать пальто? Он что, заработал их? Нет. Это были чужие деньги. И, может быть, незнакомый Алеша вот так же, как и папа, сидел и «выкраивал» на обеды, на одежду для своей матери. А Витька взял и «махнул» их в два счета! Не понес в милицию, не настаивал на розыске хозяина, а потихоньку проел их, протратил. Ведь, честное слово, можно было в милицию отнести! И, может быть, нашелся бы этот самый Алеша. Вот бы обрадовался! Полмесяца не зря работал!..

У отца было усталое лицо. В тонких упругих пальцах с вьевшейся в них металлической пылью карандаш еле заметно дрожал. У отца всегда пальцы чуть-чуть дрожали, когда он приходил с работы, — это Витя заметил давно. Но сегодня ему особенно больно было это видеть. Ему почему-то казалось, что и у неизвестного для него Алеши были такие же руки.

ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ

Когда Коля Евдокимов, староста третьего класса «В», на перемене при всем честном народе назвал Сережку Филатова мямлей, тряпкой и человеком без воли за то, что он опоздал в класс и тем самым подвел ребят, Сережка твердо решил доказать Евдокимову, что все его обвинения беспочвенны. Да, он опоздал потому, что проспал, но что он человек без воли — это еще бабушка надвое сказала.

— Ну, и как ты докажешь, что у тебя есть воля? — спросил на перемене Евдокимов.

— А вот докажу, — сказал Сережка. — Наблюдай с этой минуты за мной.

И действительно, с этой минуты Сережка на глазах преобразился.

Перед уроком он при всем классе съел кусок мела, потом попросил принести с улицы какую-нибудь льдышку, положить ему за пазуху и посмотреть, дернется ли у него хоть один мускул на лице.

Мускул не дернулся.

Наконец, когда начался урок арифметики, он устался на Марию Яковлевну и, не мигая, смотрел на нее все сорок пять минут.

— Ты что, Сережа, болен? — спросила Мария Яковлевна, заметив его стеклянный взгляд.

— Да нет, спасибо, здоров, — по-прежнему не мигая, ответил Сережа.

— Он нам волю свою доказывает, — усмехнулся Коля Евдокимов.

— А-а... — поняла учительница. — Благородное занятие. — И усмехнулась. — Только такое доказательство не серьезное...

— А на мелочах ведь тоже можно доказывать, — сказал Сережа.

— Ты, конечно, прав, — ответила Мария Яковлевна. — Но разве, не мигая целый урок, ты добиваешься чего-нибудь полезного?

В общем так или иначе, а на всех переменах Сережа в присутствии любопытных ставил над собой опыты. Он то выпивал в буфете три бутылки клюквенной воды, то брался пальцами за два оголенных электрических провода и блаженно улыбался.

Ему так понравилось проверять свою волю, что, придя домой, он не успокоился на достигнутом, а стал придумывать себе новые испытания.

Когда под вечер Коля Евдокимов, живущий по соседству, зашел к Сережке, маленькая Сережина сестренка Люся, открыв дверь, с испуганным лицом сообщила:

— Ты знаешь, Коля, наш Сережка, кажется, с ума сошел. Папы и мамы дома нет, и я прямо не знаю, что с ним делать. Сегодня у нас на обед студень, и вот Сережка как пришел из школы, так и ест его до сих пор. И знаешь чем?

— Чем? — спросил Коля.

— Вязальной спицей!

И впрямь: Сережка, сидя за столом, тонкой стальной вязальной спицей гонял по тарелке кусочек скользкого студня и никак не мог его подцепить.

— Ты что, уже окончательно?! — спросил Коля, покрутив указательным пальцем около виска.

— Это очень хорошо, что ты пришел сюда, — довольный, сказал Сережа. — Ты завтра должен в классе подтвердить, что я вязальной спицей съел тарелку студня. И если хочешь, мы сейчас с тобой будем соревноваться. Вот бери спицу!

— А давно ты этим занимаешься? — спросил Коля.

— По будильнику ровно два часа тридцать две минуты! — с гордостью сказал Сережа. — А ты чего пришел?

— Да у меня тут никак задачка не получается. Может, нам ее вдвоем, а?

Тогда Сережа слизнул языком кусочек студня, сказал: «Победа за нами!» — и ребята сели заниматься. Но вскоре позвонила Колина мама и позвала Колю обедать.

— А ты вот что, попробуй-ка все-таки один ее решить. — сказал Сережа. — Посиди, подумай. Неужели у тебя воли нет? И я тоже попробую.

Коля ушел.

Через час он позвонил Сереже. К телефону подошла Люся.

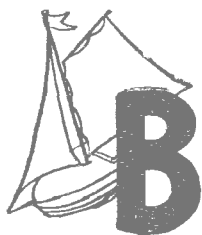
— А где Сережка? — спросил Коля.

— Сережа? А что?

— А он задачку решил?

— Да, — сказала Люся. — Он решил ее за десять минут, а потом сказал, что в задачке, наверное, опечатка, раз ответы не сходятся, и снова стал студень гонять. А потом он себе язык проколол... и в больницу побежал!

ХИТРОЩИЙ ПАРЕНЬ

Все это случилось довольно необычно. Однажды, приблизительно дней за пять до Первого мая, председатель совета дружины Сеня Карасев и дед Аким, школьный сторож, поехали на лошади в город.

Был базарный день. На рынке, заставленном голубыми колхозными палатками и длинными деревянными столами, шла вовсю предпраздничная торговля. То тут, то там играли баяны, тренькали балалайки. В граненых боках никелированных самоваров отражались телеги с сеном, мешки с картофелем, медленно движущаяся людская толпа и солнце, щедрое апрельское солнце, которое, казалось, за зиму, скрытое в облаках, соскучилось по людям и теперь не жалело для них своего тепла.

Побродив с часок по базару и купив все, что надо было для украшения школы: красную материю на лозунги, три кило мела, разноцветной бумаги для флажков, электрических лампочек и разной мелочи, — Сеня Карасев и дед Аким сели на телегу и медленно поехали по улице.

Над железными крышами — на некоторых из них Сеня увидел крестообразные телевизионные антенны — колебался нагретый солнцем воздух. Булыжная мостовая была уже суха, и по ней, ревя сиреной, катился желтый туполобый автобус «Москва — Симферополь».

Вдруг Сеня заметил какую-то странную процессию ребят, шествующую по тротуару.

Впереди шел рослый мальчишка в кепке. Он держал на плече медную трубу. Следом шагал другой мальчик, с колыхающимся листом фанеры на голове, на котором были прикреплены какие-то фотографии. А за ними еще четверо несли маленькие лодки с белыми парусами, прозрачные самолеты из папиросной бумаги, железный паровоз с трубой и двумя вагонами — пассажирским и товарным.

— Эй, дед, подвезите! — вдруг крикнул рослый мальчишка, что шагал с трубой. — Дадим за это в подзорную трубу посмотреть.

— А далеко ехать? — спросил Сеня, соскочив с телеги и разглядывая паровоз. — Сами делали?

— Сами. А ехать-то нам километра три — до конца города.

— Дед Аким, заберем? — спросил Сеня и, не дожидаясь ответа, скомандовал: — Ну, ползайте!

Мальчики в один миг забрались на телегу и, рассевшись по краю, свесили ноги.

— К Маю готовитесь? — ткнув пальцем в толстый сверток с красной материей, спросил паренек, которого ребята звали Мишей.

— К Маю, — ответил Сеня. — Уж разукрасим школу, как надо! А вы куда?

— На лекцию. Наша станция юных техников сегодня в одном клубе лекцию проводит. А это наши модели, на выставку.

— На выставку? — Дед Аким недоверчиво взгля-

нул на парусную лодку, которую бережно держал в руках один из мальчиков. — Чего ж ее выстав-
лять-то? Была бы корова-рекордистка, тогда дело
другое...

— Корабли тоже можно выставлять, — вступился
Сеня. — Вот жалко, наш учитель физики заболел, а то
бы мы к Первому мая метеостанцию сделали.

— Вот-вот! Я и говорю, если мастерить, так надо,
чтобы польза для хозяйства была. А то какие-то ло-
дочки-колодочки.

— Вы, дедушка, на наши модели не нападайте, —
сказал Миша. — Конечно, лодки наши вас не удержат
на воде, но когда надо будет, мы и для хозяйства
сможем что-нибудь сделать.

— Это что же? Мухоловку? — весело поглядел на
Мишу дед.

Но Миша не ответил. Он закричал: «Тпру!» — и
соскочил с телеги.

— Слезай, ребята, приехали! Ну, дедушка, будьте
здоровы! Тут нам в переулок — и мы в клубе!

Миша протянул руку деду Акиму, Сене, потом
похлопал лошадь по морде и, положив на плечо
подзорную трубу, зашагал с ребятами в переулок.

Когда телега выехала из города, Сеня вдруг по-
думал: «Эх, жалко, я у них адреса не спросил! Мо-
жет быть, они и у нас тоже какую-нибудь выставку
организовали бы».

Но тут же он себя успокоил тем, что десять ки-
лометров от деревни до города не такое уж большое
расстояние и в любой выходной день после праздни-
ков он обязательно пойдет в город и найдет там
станцию юных техников...

Пять дней до праздника пролетели незаметно.
Весна в этот год с зимой расправилась круто. В не-
делю она растопила снега, в другую — высушила
все лужи, а под самый май вдруг укутала зелено-
ватой дымкой каждое дерево. Крохотные листья вы-
глядывали из своих почек, будто птенцы из гнезд.
И первая белая бабочка уже кружилась над влаж-
ной землей.

В день Первого мая Сеня проснулся чуть свет. Он включил приемник на полную мощность и сразу разбудил всю семью.

Радио сначала донесло торжественный бой кремлевских курантов, потом диктор поздравил всех граждан Советского Союза с великим праздником трудящихся, а затем оркестр заиграл торжественный гимн.

Ну, разве можно было проснуться позже в такой день?! Сеня выскочил из дому.

Вся деревня была залита солнцем. Над школой на высокой мачте колыхался большой флаг. А на крыше нового двухэтажного клуба с широкими окнами гремел радиодинамик, похожий на колокол.

Часам к десяти-одиннадцати Сеня направился в школу. Оттуда все пионеры строем пошли в соседнее село на митинг. Там выступали и председатель нового, укрупненного колхоза Иван Петрович Терентьев, и Сенина двоюродная тетка — знатная доярка, Герой Социалистического Труда Василиса Петровна, и директор школы Федор Михайлович.

Вскоре на площади перед сельсоветом на специально построенном помосте начался концерт самодеятельности. Особенно лихо отплясывал трепака дед Аким, хотя его никто и не просил на сцену. Он хотел также танцевать и русскую и лезгинку, но его еле-еле уговорили дать место другим артистам.

А после обеда — уж в этот день Сенина мать постаралась на славу! — к Сене вдруг прибежал Коля Силантьев.

— Знаешь, — сказал он, запыхавшись, — там тебя ищут! Идем в школу.

— Подожди, кто ищет? — удивился Сеня.

— Пойдем, вот сам увидишь!

Подбегая к школе, Сеня увидел такую картину, что не поверил своим глазам. За школьным палисадником около мачты в кругу деревенских мальчишек стоял тот самый паренек Миша, которого Сеня встретил в городе. Тут же Сеня увидел и других городских знакомых, которые были в белых рубашечках и красных галстуках. Около них стоял на земле фанерный ящик, не то будочка, не то скворечник.

— Ну, принимай гостей! — сказал Миша. — С праздником тебя! А лопаты у вас найдутся?

— Найдутся, — ответил Сеня. — А зачем? Ведь сегодня праздник! Может быть, в лес пойдете с нами?

— Вот и хорошо, что праздник. Подарки всегда в такие дни делаются. В лес-то ходим, а пока смотри, что мы принесли.

Миша нагнулся и поднял крышку будочки. Затем он вынул оттуда два термометра, маленькое ведерко со вставленной в него линейкой, флюгер, вату и два стаканчика.

— Тогда дедка твой говорил, что мы с корабличками возимся, а для хозяйства ничего не делаем. Вот мы и решили ему доказать. Столб у вас найдется?

— Найдём, — сказал Сеня. — Это что, уж не метеостанцию ли вы принесли?

— Верно, догадался! — сказал Миша и пошутил: — Либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет... Теперь четыре раза в день погоду для колхоза можно определять.

— А почему четыре? — спросил Коля Силантьев.

— Ну, так на всех крупных станциях. Там, правда, они и круговорот водяного пара учитывают, и местные системы ветров, и куда девается лучистая энергия в атмосфере...

Минут через пять во дворе школы закипела работа. Сюда сбежались ребята почти со всей деревни. Сеня с Колей вырыли яму и вставили в нее невысокий столб. Миша со своими друзьями прикрепил к нему фанерную будочку, а на будочке установил флюгер. Легкая красная стрелка сразу повернулась на юг.

В это время во двор зашел дед Аким.

— А-а, друг-приятель! С Первым маем! — обрадованно сказал он, увидев Мишу. — Ты это как же попал в наши края?

— Ваша лошадь дорогу показала!

— А ты что, говорил с нею?

— На дуге еще тогда, в городе, прочитал: «Колхоз имени Пушкина».

— Та-ак... Хитрющий ты парень! А это что за больница? — Дед Аким удивленно взглянул на будку

и на стоявшие в ней термометры.

— Психрометр.

— Чего-о?! — Дед притворно перекрестился: — Господи, страсть какая! Это что же, его психам под мышку вставляют, что ли?

— Погоду определяют. Прибор для измерения влажности воздуха.

— Ну, а ты, например, сможешь сказать, будет завтра дождь или нет?

— А это и я смогу сказать, — Сеня внимательно посмотрел на флюгер, затем на термометры. — Не будет дождя.

— Здорово! — обрадовался дед Аким. — Значит, я завтра могу к сваяку в гости сходить.

— Да вы можете ходить в гости и без сообщения метеостанции, — сказал Сеня. — Нам, главное, колхоз обслужить. Пускай у председателя свой барометр, а мы будем давать еще добавочные сведения. А попра-

вится наш учитель физики, так еще и скорость ветра начнем измерять.

В этот праздничный день ребята еще долго гуляли по деревне, ходили в лес, жгли костер на поляне.

Поздно вечером всей школой провожали гостей за околицу, где ожидала их грузовая машина.

Расставаясь, Сеня сказал Мише, что в самые ближайшие дни он тоже со своими ребятами придет на станцию юных техников. И, стоя на пригорке, Сеня еще долго видел в вечерней темноте огонек карманного фонарика, которым, как бы салютуя и первомайскому празднику и деревенским ребятам, размахивал Миша на удаляющейся машине.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

разу после ужина Боря развил бурную деятельность. Он аккуратно расставил стулья вокруг стола, налил в графин свежей воды, выключил телефон и разложил на скатерти листы чистой бумаги.

В восемь часов к нему пришли Игорь и Ромка.

— Борь, вытаскивай свой альбомчик! Я тут хорошие марки принес, поменяемся? — еще не сняв пальто, воскликнул в коридоре Ромка.

Но к его удивлению, Боря вдруг сухо ответил:

— Никаких альбомчиков. Сейчас же начинаем работать. Прошу к столу!

Усевшись на стуле, Боря налил в стакан воды, отпил немножко и сказал:

— Заседание редколлегии считаю открытым. Какие у нас задачи? Нам надо написать передовицу — это раз! — Боря согнул один палец. — Надо собрать материал — это два! — Он нажал на второй палец. — И художественно оформить — это три! Я, как ответственный редактор, беру на себя передовицу и оформление, а тебе, Игорь, я поручаю ошибочный отдел.

— Как это ошибочный? — вытаращил Игорь глаза.

— Не бойся, не бойся. Будешь только ошибки в газете исправлять. Ты же ведь хорошо диктанты пишешь, а Ромка будет зав. отделом писем...

— А бухгалтер кто? — спросил Ромка.

— Ты не смейся, — сказал Боря. — У нас дело пойдет по-серьезному и без бухгалтера.

Игорь и Ромка впервые видели Борю таким деловитым. Ромка смотрел на него, и несколько раз ему

хотелось сказать Борьке: «А что ты из себя начальника строишь? Только вчера выбрали, а ты уж и рад командовать!» Но когда Боря дал ему еще одно задание — принести из дому пишущую машинку, — Ромка неожиданно тоже налил в стакан воды и сказал: — Машинка будет!

С этого вечера у Бори началась новая жизнь. Он завел небольшой коленкорный портфельчик, на котором печатными буквами было написано «портфель редакции», и складывал туда ребячьи заметки. По нескольку раз в день он таинственно шептался с Игорем и Ромкой об оформлении, обсуждал с ними карикатуры. Выпуск этого номера газеты был необычным: газета шла на конкурс, объявленный между пятыми классами.

Все шло хорошо, но вот когда Боря решил уже приступить к основной работе с клеем и красками, на одной из перемен в своей парте он нашел заметку за подписью «Красный глаз». В ней говорилось о том, что Ромка Кузнецов очень увлекается марками и забывает об уроках.

Весь день Боря не решался сказать Ромке об этой заметке. Но вечером, когда редколлегия вновь собралась в Бориной квартире — это было последнее заседание, утром стенгазета должна была выйти в свет, — Боря, как бы между прочим, протянул Ромке сложенный вчетверо листок.

— Возьми-ка вот, прочитай! — сказал он.

Чем дальше Ромка читал, тем больше мрачнел.

— Ерунда! — наконец сказал он и усмехнулся. — Тоже мне Красный глаз! Если я один раз про какой-то Иртыш не знал, так об этом сразу в газете печатать?

— А почему же не печатать? — сказал Игорь. — Не увлекайся марками чересчур.

— Наоборот, они мне помогают! Вот скажите, где находится Сальвадор?

— И скажем, — ответил Боря, нахмурившись. — В Центральной Америке. Сальвадор знаешь, а Иртыша-то не нашел?

Ромка исподлобья взглянул на Борю.

— Значит, ты будешь ее печатать?

Секунду Боря колебался. Может быть, действительно не стоит задевать Ромкино имя? Ведь Ромка, в сущности, неплохой мальчишка и к тому же друг. Но потом Боря сказал:

— Если пишут правду, я должен ее печатать.

— Пишут правду! — усмехнулся Ромка. — Откуда ты знаешь, что это правда? А может быть, я совсем и не из-за своих марок пострадал, а по уважительной причине? Материал надо сначала проверить, а потом уже печатать.

— А из-за чего же ты не выучил урока? — спросил Игорь.

— Как из-за чего? — этот вопрос застал Ромку врасплох. — Ну, я... занят был...

— И чего ты, Ромка, тут выкручиваешься? — вдруг сказал Боря. — Ведь я очень хорошо помню тот день, когда ты по географии отвечал. Ты тогда с утра перед уроками в филателический магазин ходил и не занимался. Было? Было. Вот материал и проверен.

— Пожалуйста, печатайте! — сказал Ромка. — Только от руки много не напечатаете.

— Ты не дашь машинку?! — спросил Игорь.

— А что ж ты думаешь, что я на своей машинке да про себя заметку буду писать? Жди! — Ромка схватил пальто и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

— Эх, может быть, не нужно было ссориться, — минут через пять вздохнул Игорь, потому что Боря выложил перед ним штук пятнадцать заметок, которые надо было теперь переписывать от руки.

— Ничего, — сказал Боря. — Нам такие члены не нужны.

Он положил на пол белоснежный ватманский лист и быстро набросал контуры заголовка. Стенгазета называлась «Пионерский горн». Акварельная краска ложилась ровно и мягко. Игорь и Боря то и дело вставляли на ноги, чтобы издали оглядеть свою работу.

И вдруг в тот момент, когда заголовок был уже написан, Игорь, поднимаясь с колен, задел рукой

блюдечко с красно-бурой водой и опрокинул его на ватманский лист. Длинный ручеек наискось пересек газету.

— Тьфу! — мрачно плюнул Боря. — Вот не везет! И машинки нет, и кляксу посадили!

— Какой-то рок преследует! — сказал Игорь. — А может, на завтра отложим? Завтра и Ромку уговорим и на свежую голову что-нибудь придумаем.

— Да чего там откладывать! Надо закончить сегодня, и все! — сказал Боря. — Но что только делать? Заклеить, что ли?

Он полез в свой стол и начал рыться в журналах, ища какой-нибудь рисунок. Но ничего такого подходящего к газете не нашел.

И вдруг Боря вытащил из ящика печатный лагерный плакат. На фоне палаток стоял розовощекий горнист. А внизу было написано: «Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья!»

— Ура! — закричал Боря. — Мы спасены!

Он положил этот плакат на ватманский лист и острым концом деревянной кисточки стал обводить пионера с горном. На газете оставался еле заметный след. Потом Боря провел карандашом по этому следу, и на ватмане улеглась точная копия горниста.

— Игорь, разводи краски! — сказал Боря и смущенно улыбнулся. — Правда, этого пионера мы должны были бы сами нарисовать, но, может быть, примут, а?

Горнисту ребята подрумянили щеки, глаза сделали черными, а горн посыпали золотой блесткой.

Поздно вечером явился Ромка. Он жил в соседнем доме и прибежал без пальто, держа под мышкой пишущую машинку в футляре.

— Давайте, что печатать? — сказал он скороговоркой. — Я с папой говорил. Его тоже однажды критиковали в стенгазете...

— А заметку про себя отпечатаешь? — спросил Игорь.

— Конечно, — сказал Ромка. — Могу хоть в двух экземплярах! Мне не жалко.

Стенгазета вышла яркой и радостной. Боря повесил ее на стену для просушки, и в комнате словно сразу стало светлее.

А на следующий день жюри конкурса, куда вошли пионервожатая Аня и учитель рисования Юрий Осипович, начало рассматривать стенные газеты.

Вскоре ответственные редакторы со своими членами редколлегии были приглашены в пионерскую комнату. Боря вошел последним. Он увидел свою газету, приколотую кнопками к стене, и уже не мог оторвать взгляда от пионера с золотым горном. Ему казалось, что все смотрят на этого пионера и понимают, что его нарисовал не Боря.

Редакторы, как на пионерской линейке, выстроились шеренгой, и пионервожатая Аня объявила результаты конкурса.

— Первую премию, — сказала она, — большую коробку акварельных красок — мы выдаем газете «Пионерский горн»!

Боря подошел к Ане и под аплодисменты присутствующих получил награду.

— Спасибо за краски, — тихо сказал он Ане. — Но этого пионера с горном не мы рисовали. Он был на плакате напечатан.

Боря ожидал, что сейчас ребята закричат: «А-а, на чужой счет живете!» — но, к его удивлению, ничего этого не произошло.

— Правда? — спросила Аня. — Хорошо вы его перерисовали, но мы даем вам премию не только за рисунок. У вас принципиальная газета.

И она, чуть-чуть улыбаясь, посмотрела на Ромку.

ДЕВЧОНКИ и МАЛЬЧИШКИ

(ИЗ ДНЕВНИКА
МИШИ ПТАШКИНА)

15 января. Сегодня я заметил, что Колька Дудкин вдруг посерьезнел. У него были начищены ботинки, и от него с утра пахло духами. Я долго думал, что все это значит, а потом на уроке догадался. Колька написал какую-то записку и сказал мне: «Передай Лельке Сверчковой! Это об общественной работе». Я человек не любопытный, но все-таки эту записку случайно прочитал. Вот так общественная работа! «Леля, я давно хотел сказать одну вещь. Ты помнишь тот день, когда у тебя в раздевалке пропала галоша и мы ее вдвоем искали? Я этот день запомнил на всю жизнь, и я хочу с тобой дружить. С пионерским приветом!»

Когда мы с Колькой шептались, Колбасин — наш староста — сказал:

— Что за разговоры на уроке?

— А ничего, — нашелся Колька, — я у Мишки резинку прошу.

В общем я передал Лельке на соседнюю парту записку. И они с Танькой сразу стали ее читать.

Вот тут-то и произошел самый трагический момент. Когда Колька получил через меня Лелькин ответ, наш чертежник Сергей Петрович, стоявший у доски, вдруг сказал мне:

— Пташкин, ты что Дудкину передал?

— Я... ничего... — сказал я и прошептал Кольке: — Когда древние греки попадались с тайными документами, они эти документы глотали.

Я сказал это в шутку, а Колька, видимо испугавшись Сергея Петровича, взял и вправду проглотил записку. Ой, вот смех!

Но смех смехом, а отсюда все и началось...

На этом я свой дневник обрываю, потому что пришла мама с работы и спросила, что я делаю. Я ответил: уроки.

18 января. Я считаю, что если бы девчонки не были такими гордыми, то наша пионерская работа очень бы наладилась. Я, например, все время хочу поговорить по-человечески с Танькой о шахматном турнире, а она убегает.

В тот день, когда Колька проглотил записку, мы с ним на перемене подошли к Лелькиной парте.

— Ну что? — спросила Лелька. — Ты ответ прочитал?

— Нет, — ответил мой друг, — ты знаешь, я эту записку... проглотил...

А тут Танька ввернула:

— Это очень некрасиво — глотать чужие письма.

— Но ведь эта записка чуть не попала к Сергею Петровичу! — сказал Колька.

— Это Колькин благородный поступок, — добавил я.

Но тут как-то все нескладно получилось. Колька хотел пригласить Лелю вечером на каток, и вдруг входит в класс Колбасин и говорит:

— Лелька, пойдем в воскресенье на каток?

— Я... я... мне кажется... — растерялась Лелька и смотрит на Кольку.

— Но ведь ты свободна? — пристал Колбасин.

— Свободна.

— Вот и прекрасно! Я за тобой зайду. Кстати, там и поговорим о вечере. Вечер — дело серьезное, товарищ руководитель музыкального кружка. Итак, до воскресенья!

И Колбасин вышел из класса.

Мы с Колькой стояли очень разозленные. Да и самой Лельке, видно, было неудобно перед нами, и поэтому она первая заговорила ангельским голоском:

— А вы, Коля и Миша, будете в вечере участвовать? Ты бы, Коля, мог стихи прочитать, а Миша музыку сочинит или песенку.

Но Колька — очень гордый человек — сказал холодно:

— Нет!

Тут девчонки сразу стали юлить:

— Отчего? Почему?

А Колька ответил очень правильно:

— Потому, что кончается на «у»! — и хлопнул дверью.

Вот как бывает! Писали, писали друг другу и — поссорились!

Я знаю, почему все великие люди сочиняют по ночам. Потому что ночью тишина и можно думать, о чем хочешь. А вот интересно, спит ли сейчас Танька или нет?

20 января. Вдруг утром — звонок! Да, кстати, я не случайно так подробно описываю историю с Колькой. Но на его примере надо научиться всем, кто хочет дружить с девочками. Я сегодня угостил Таньку конфетой, а она ее съела и не стала со мной разговаривать. Это невежливо! Раз человек, положим я, хочет спросить, когда мы идем к шефам на завод, надо остановиться и ответить...

Итак, сегодня у меня утром в комнате — звонок!

— Слушай, я придумал! — говорит Колька. — Надо, чтоб у нас был свой музыкальный кружок, без девчонок. Они сами по себе, а мы сами по себе.

— А может быть, лучше всем вместе? — предложил я.

Колька задумался, а потом сказал:

— Стой! Эврика! Правильно! Ты пойдешь к этой Лельке Сверчковой и будешь там играть хоть на барабане, хоть на арфе. И при этом старайся, пусть тебя хвалят!

— Есть, — говорю, — буду стараться на барабане!

Тут Колька понизил голос и так страшно сказал, что у меня даже мурашки по телу пошли:

— А в концерте, в самый ответственный момент

ты им такого набарабань, чтобы они с треском провалились! Гром и молния! Как гроза в Большом театре! Ясно?

Я сказал:

— Но, может быть, ты, Коля, не прав? Когда в древней Греции один какой-то грек с кем-то поссорился, он никому зла не делал, а сам яд выпил.

Колька на меня разозлился:

— Ну что ж, я теперь, по-твоему, травиться должен? Делай, как говорят, и все! Да не забудь, что сегодня воскресенье, вечером они на катке! Там будет эта... Лелька со своим Колбасиным кататься.

Вечером мы с Колькой взяли коньки и перелезли через забор на каток. Вскоре мы заметили Лельку с Танькой, а около них Колбасин увивался — то пистолетиком ездил, то восьмерку делал. А потом мы их догнали, и я хотел им показать, как надо ездить, но случайно упал и коленку расшиб.

Девчонки все закричали: «Ой!» — а Колбасин сказал:

— Так и надо! Чтоб не хвастался!

А Танька обрадовалась:

— Но он же перед нами, перед нами!

Подъехал Колька и, увидев Лелю, растерялся и не мог сказать ей «здравствуйте», хотя она первая с ним поздоровалась. А Колбасин это заметил и съехидничал:

— От волнения юноша потерял дар речи!

Колька посмотрел на него презрительно:

— Дар речи! Потерял! А ну-ка, давайте отсюда! Фьють!

Колька мог ударить Колбасина по шее, но не ударил. Он только толкнул его локтем.

— Ты потише! — сказал Колбасин и, подхватив девчонок, уехал с ними.

А я с Колькой остался сидеть на скамейке, потому что очень болела нога.

23 января. Все-таки Колька мой настоящий друг. Я лежу в постели, а он меня навещает каждый день. Врач сказал, что у меня серьезный ушиб и нужен

покой. Но покоя у меня нет. Например, Колька с утра уже звонил три раза и спрашивал, как аппетит и температура. Я сказал, что течение болезни нормальное. А Колька вызвался достать профессора. Вскоре выяснилось, что профессор у Кольки по уху, горлу и носу и мне не подходит. Я не понимал, почему Колька так стремится, чтобы я побыстрее пошел в школу. А потом понял: он хочет, чтобы я побыстрее втерся в доверие к Лельке и Таньке и попал бы к ним в музыкальный кружок.

Но я и без него очень хорошо втерся в доверие. Лелька и Танька тоже навещают меня. Я уже написал свою музыку для песни «Девчонки и мальчишки», и репетиции у нас идут полным ходом. А Танька говорит, что я баснословно талантливый человек. Ей очень нравится, как я играю на пианино. И мне нравится, как она поет.

26 января. Сегодня днем в классе произошло ужасное событие. Я никогда не думал, что Колька ведет дневник, а он, оказывается, ведет. И этот дневник нашел в классе Колбасин и всем его прочитал. Все дураки хохотали, а мы с Колькой стиснули зубы.

Вечером мы узнали, что Колбасин идет на шестичасовой сеанс в кино, и мы тоже пошли за ним. А потом по дороге из кино незаметно обогнали его и устроили засаду в темном парадном. Он входит в парадное, насвистывает, а мы вдруг встаем перед ним! Он даже опешил:

— Вы?!

А я взял его за шиворот и говорю:

— Ты что Колькин дневник читал?

— Просто так, — отвечает нахально Колбасин. — А ваша Лелечка покраснела!

Тут Колька сказал:

— Покраснела? А ты у нас сейчас посинеешь!

— Вы что же, бить будете?

— Нет, — сказал я, — внушение сделаем!

Может быть, мы бы Колбасина и не били, но он сказал, что мы идиоты, и разъяснил, что идиотами называли в древней Греции таких людей, которые не участвовали в общественной жизни.

Я очень люблю историю древней Греции, но при чем мы?

И тут мы ему дали за идиота!

27 января. Ура! Я узнал, что наш классный руководитель — учитель черчения — очень хороший человек. И это вышло совершенно случайно. Я пришел в учительскую за разными циркулями и кубами для урока геометрии. Здесь сидел Сергей Петрович. И вдруг циркуль у меня упал на пол и разлетелся на две части. Это у него просто винт выскочил. Я начал чинить циркуль за шкафом и вдруг слышу, в учительскую входит Колбасин.

Я хочу разговор Колбасина с Сергеем Петровичем привести дословно, потому что из него можно понять, что мы зря Колбасина выбрали старостой.

Когда Колбасин вошел в учительскую, Сергей Петрович его сразу спросил:

— Что это у тебя, синяк под глазом?

— Нет, — ответил Колбасин. — Кровоподтек. От удара.

И тут началось.

— А что случилось? — спросил Сергей Петрович.

— Меня избили.

— Кто?

— Два ученика.

— Они из нашей школы?! — удивился чертежник.

— Даже из нашего класса.

— Кто, назови?

— Дудкин и Пташкин.

— Коля и Миша?

Я стоял за шкафом и не шевелился. А вдруг меня сейчас позовет Сергей Петрович?

Но он не звал.

А Володька ему начал рассказывать и про то, как я его схватил за шиворот, и про древнегреческого идиота, а потом, наконец, дошел и до драки.

И тут он сам себя выдал с головой.

— Значит, ты, Колбасин, из-за идиота, так сказать, за эрудицию пострадал? — спросил Сергей Петрович.

— Нет, за Колькин дневник, — сказал Володька. — Вот вы посмотрите, что там написано! Только посмотрите! Вот это место, например.

Тут Сергей Петрович стал читать:

«Сегодня я видел Лелю в окне. Она выбивала палкой ковер. Я хотел ей помочь, но не решился. Она на мое окно даже не посмотрела. И почему это я Зину могу звать и Зинка и даже Зиночка, и Таньку тоже как угодно, а вот имя Леля мне произносить трудно? Называю ее только Лелькой или по фамилии — Сверчкова. И почему это?!»

— Видали? Ага! «Почему?» — спрашивает, — обрадовался Володька, — философствует!

— И ты это читал всему классу?

— Да. А что? Пусть глупостями не занимается. Я, как староста, должен...

— Вот ты, оказывается, какой! — Сергей Петрович зашагал по комнате.

— Это еще ничего. Но они, наверное, друг другу письма пишут!

— Ну и что? — спросил учитель.

— А Лелька ему раньше все время говорила: «Коля, прочти Дюма!», «Коля, прочти «Всадника!» Этого самого, знаете, без чего-то там... без головы, кажется... И книжки из библиотеки ему сама доставала.

— Ну и что?

— Они, наверное, в кино вместе ходят, — захлебывался Володька.

— Ну и что?

— Но ведь это же непедагогично!

— Да что ты в этом понимаешь?! Педагогично,

непедагогично! — вдруг рассердился Сергей Петрович.

Тут Володька перепугался.

— Сергей Петрович, простите, я просто пришел как староста, заявить...

— Ты ябедничать пришел, наушничать! Не хочу с тобой разговаривать! Иди в класс!

Я сидел за шкафом и радовался. Так ему и надо, этому Колбасину. Конечно, ябедничать пришел!

Я уж хотел было идти в класс, но тут раскрылась дверь, и я услышал, как в учительскую влетели Лелька и Танька и затараторили, затараторили.

— Сергей Петрович, я никогда не ябедничала, но сегодня просто не могу... — говорит Лелька. — Вы знаете, оказывается, Мишка Пташкин специально подослан Дудкиным в наш оркестр.

— «Подослан»? Какие слова! — удивился Сергей Петрович. — Для чего?

— Для того, чтобы сорвать наше выступление. Когда мы запоем песню, он должен все испортить. А он у нас и на пианино играет и партию барабана ведет.

— Как, одновременно?

— Ну да, левой ногой по барабану бьет. А в зале будут и родители, и шефы придут.

— Это ужасно, это ужасно! И глупо с их стороны! — завопила Танька. — Что делать, Сергей Петрович? Что делать?

Но тут Сергей Петрович спокойно сказал:

— Да-а, загвоздка... Ну что ж, я что-нибудь придумаю.

Когда девчонки ушли, Сергей Петрович зашел ко мне за шкаф и вытащил меня на свет.

— Пташкин, — спросил он, — что все это значит?

Я не знаю, правильно ли я сделал, или нет, но я тут все рассказал Сергею Петровичу и про Колбасина, и про Колькину записку к Леле, и про каток. Но про наш уговор — сорвать концерт — не говорил. И главное, он сам меня об этом не спрашивал. Потом он сказал, что это нехорошо — бить товарища, — и отпустил меня на урок.

Интересно, что же придумает Сергей Петрович для того, чтобы не сорвался наш концерт?

28 января. Сегодня у нас была последняя репетиция. Мы все выступали очень здорово. У нас есть и акробаты, и жонглеры, и дрессированная собака, которая может держать на носу колбасу. Правда, эта колбаса не естественная, из картона, но ее мы так раскрасили, что получилась «краковская». А когда мы Тобику положили на нос настоящую, «чайную» за семнадцать рублей, то он сожрал ее моментально.

Сегодня я разговаривал с Колькой по телефону. Он меня спросил, готов ли я на все.

Я ему ответил: готов! Правда, мне не очень хочется портить собственную песню, но ради друга можно.

Новости! Мы вчера Колбасина переизбрали! Он, как унтер Пришибеев, на всех кричал и ругался. Теперь будет потише.

Я очень волнуюсь за завтрашний концерт. К нам приедут и родители и шефы с завода. Кольке-то ничего не будет, а на меня все шишки посыплются за срыв концерта. Танька на меня не глядит, ну, и я тоже на нее не гляжу. Она стала носить голубую ленточку вокруг головы. До меня дошли слухи, что Танька предлагала снять меня с должности барабанщика, но шумовой оркестр не согласился. Все закричали: «Пусть только Мишка сорвет наше выступление! Мы ему дадим дрозда!» А я не боюсь ваших «дроздов»!

29 января. Эти строки я уже пишу ночью. Час тому назад кончился наш концерт, но я только что пришел в себя.

Представьте себе наш школьный зал, а в нем народу — полно! Там и генералы сидели, и учителя из соседней школы, и какие-то неизвестные мальчишки, и один милиционер (чей-то папа).

Сначала Федька показывал фокусы, потом спела Милка из восьмого класса «А», потом вышел на сцену Тобик, и все ему аплодировали за то, что он не ел колбасу.

Но вот, наконец, и Леля нас зовет. Мы расселись на сцене, занавес раскрылся, и Леля объявила: «Песня о дружбе!» Музыка Миши Пташкина!» Ребята наши закричали: «Да здравствует Пташкин!» А я про себя подумал: «Ух! Как сейчас ударю по барабану!» Но я специально пропустил первый куплет. Пусть, думаю, все послушают, а вот после припева я и ударю!

Но как-то вышло у меня, что я и на втором куплете не поломал ритма. Все поют, и я пою! Больно уж музыка у меня хорошая получилась. И Танька рядом со мной пела:

Девчонки, мальчишки!
Мальчишки, девчонки!
Нам всем подружиться пора!
И будет нам весело в классе,
Да здравствует дружба! Ура!

Но вот подошел третий куплет, и я подумал: «Ну, Лелька, держись! Как сейчас вдарю левой ногой по барабану!»

И только я ногой замахнулся, глядь, а песня... уж кончилась! Ой, что я наделал? Ведь теперь мы с Колькой поругаемся. Он скажет, что я слово не сдержал!

И я решил спрятаться за кулисами. Но тут подошел Сергей Петрович и говорит:

— Миша, почему не идешь в зал пожинать лавры?

А я отвечаю:

— А мне и здесь неплохо. Тихо, уютно. Сергей Петрович, а вы что хотели придумать, чтобы концерт у нас не срывался?

А он улыбнулся и говорит:

— Ничего. Честное слово, ничего. Я просто верил в тебя и в Колю.

И он ушел.

И только он спрыгнул со сцены в зал, подходит ко мне Коляка.

— Ну, Мишка, заказывай себе гроб! Где была твоя левая нога в самый ответственный момент?

— На барабане! — сказал я. — А что?

— А гроза, как в Большом театре? Знаешь, что древние греки делали за такие дела?

— Знаю, — сказал я, — но пойми, я не мог испортить песню о дружбе. Я сам заслушался.

И вдруг Коляка как стукнет меня по плечу.

— Ты знаешь, Мишка, я тоже заслушался! Ну, и молодец же ты у меня, композитор! Хороший оркестр получился!

Тут к нам подошли Лелька и Танька и приглашают нас на танцы. Мы с Колякой хотели на них не обращать внимания, но раз они к нам подошли, то и мы решили больше на них не сердиться. И Коляка сказал:

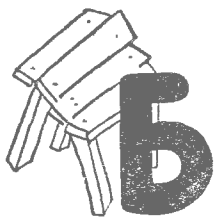
— Спасибо, Леля, за концерт!

Это он ее впервые Лелей назвал. И, пожалуй, я теперь Таньку буду звать Таней.

Кто знает, может быть, она не хотела со мной раньше разговаривать потому, что я ее звал неласково? Не знаю. Но в общем надо подумать над этим вопросом. Обязательно подумаю!

Тял-ляп

Боря Светляков прочел в пионерских «ступеньках»: «Сделай одну-две вещи, полезные для дома», — и решил сколотить табуретку.

Табуретка у него получилась быстро. Но как только села на нее бабушка, так сразу свалилась, захала: «Ох, тут и костей не соберешь!»

Тогда Борька поправил у табуретки подкосившиеся ножки, поставил ее в угол и написал на бумаге, как в музее: «Не садиться».

А когда к нему пришли ребята из класса, он спрятал эту бумажку, показал всем табуретку и похвастался:

— Во! Моя! Это значит, что я уже поднялся на одну «ступеньку»!

Он осторожно сел на свое «изобретение» и стал незаметно себя ногами поддерживать.

А ребята ему сказали:

— А ты ноги от пола оторви! Оторви ноги!

Боря на сантиметр приподнял свои ноги, и вдруг табуретка рассыпалась на части!

И все увидели, как Борька действительно поднялся. Только не на пионерскую «ступеньку», а с пола.

ПЕРВЫЙ ВЗЛЕТ

Когда Вову Морковкина на собрании решили назначить главным голубеводом класса, Пашка Туманов кричал и бесновался.

— Долой Морковкина! — вопил он, размахивая руками. — У него ничего не выйдет!

— А почему не выйдет? — кричали ребята, предложившие Вовкину кандидатуру.

— А потому, что он свистеть не умеет! И мама у него всех голубей перережет.

— Нет, она не перережет, — чуть не плача, говорил Вова. — Она крови боится.

— А они у вас в комнате всю посуду перебьют!

— А я посуду уберу, — не сдавался Вова, — и голубятню сделаю!

Ему очень хотелось оправдать доверие класса. Это было первое общественное поручение.

В общем так или иначе, а кандидатуру Морковкина класс все же отстоял. Вова должен был первым в классе начать гонять голубей, приобрести в этом деле опыт, а затем этот опыт распространить среди своих соучеников.

На следующий день на покупку «опытной пары» голубей в классе было собрано с каждого по пятьдесят копеек, и Вова, громыхая карманами, набитыми мелочью, пошел после уроков к себе домой осваивать новый вид спорта.

Для начала Вова решил узнать, а почему обыкновенный голубь называется голубем мира. Он залез в папин шкаф с книгами и в энциклопедии нашел

удивительное объяснение. Когда древний бог войны Марс однажды отправился в поход, он не мог надеть свой шлем, потому что голубка свила в нем гнездо. И Марс не пошел в поход. И войны не было.

Подведя такую теоретическую базу на случай атак со стороны мамы, Вова перевел всю денежную мелочь в бумажные знаки, а затем принялся учиться настоящему свисту. Он засовывал четыре пальца в рот и рывками выдувал из себя воздух. Однако изо рта вырывалось гусиное шипение. Тогда Вова перешел на два пальца и стал то закладывать между зубов язык, то вытягивать губы. Но и тут ничего не получалось. Мечталось об одном — свистеть через выбитый зуб. Но, к сожалению, такового во рту не оказалось.

Впрочем, однажды в воскресенье, промучившись целое утро, Вова так оглушительно свистнул в два пальца, что из кухни прибежала мама.

— Вова, что ты делаешь? — закричала она. — Это безобразие!

— Нет, это не безобразие, — радостно ответил Вова, — а общественное задание. — И еще раз свистнул.

— Общественное задание?! — удивилась мама. — А может быть, ты еще и голубей будешь гонять?

— Вот то-то и оно! — сказал Вова. — Мне надо завести самца и самочку.

— Боже, что он говорит! — воскликнула мама и позвала из другой комнаты папу.

Когда в столовой появился папа, мама буквально засыпала его словами:

— Вот посмотри, плоды твоего воспитания! Вчера он бегал босиком по двору, а сегодня он уже о голубях думает. Ты слышал, как он свистит?

— Слышал, — ответил папа.

— И не обратил внимания?

— А что же тут такого? Все мальчишки умеют свистеть.

— Но ведь он же себе губы разрывает! Посмотри на его рот — весь красный! А теперь он еще хочет кушать голубей.

— Подожди, Верочка, не шуми, — сказал папа. — Ну и пускай покупает. Голубь — благородная птица.

— Когда Марс, бог войны, отправился в поход, — начал объяснять Вова, — то он...

— При чем тут марсиане? — перебила его мама. — Никаких голубей! Вова, ты понял меня? Никаких голубей! Не хватало, чтобы ты еще шею сломал.

— Mam, я не упаду с крыши, — заныл Вова. — И я себе свистульку куплю вместо пальцев.

Он посмотрел с мольбой на папу: дескать, спасай. Но тот, видно, чтобы не подрывать мамин авторитет, махнул рукой и вышел из комнаты.

У Вовы от горя разрывалось сердце. Если мама и папа против голубей, значит, не видать ему этих птиц. Но как же быть? Ведь Вова не о себе заботился, а обо всем классе. И что же, выходит, значит, Пашка прав, когда кричал: «Долой Морковкина!»? Дудки ему — прав!

И тут Вова решил сесть на трамвай и поехать на птичий рынок.

...Рынок начинался еще задолго до входа на большую асфальтированную площадь с крытыми прилавками. Здесь были сотни людей с голубями, щенками, котятами, кроликами, гусями. Щенки и котята выглядывали из-под воротников рубаш, пальто, телогреек. Гуси кричали в мешках. Кролики сидели в корзинах. Какой-то дядька водил за собой на веревочке здорового серебристого петуха, который время от времени с криком «кукареку» кидался на прохожих. Те со смехом разбегались по сторонам.

Вова разевал рот от удивления. Он не знал, никогда не думал, что в Москве живет столько любителей птиц, рыб и животных.

В ряду кормов для рыб продавалась сушеная дафния и циклопы. В больших консервных банках копошились красные червячки длиной с граммофонную иголку. На развернутых газетках в черной земле извивались белые червячки. Продавец брал их щепот-

ками и укладывал в специальную мерку — пустой спичечный коробок.

— Бери за рупь, — предложил продавец Вове червей. — Самая что ни на есть ихняя еда, вроде ветчины.

— Кому элодею и папоротник? Кому элодею и папоротник? — басил высокий гражданин, держа в одной руке банку с зелеными растениями, а в другой — медицинский пинцет.

За стеклянной банкой в воде растения казались большими, широколистыми, а вынимали их оттуда — они становились тощими и жалкими.

Тут же за прилавками лежали и речной песок цвета яичного желтка, и надутые футбольные камеры, служащие для вдувания воздуха в аквариум, и электрический воздушный компрессор.

А в «птичьем» ряду верещали щеглы, синицы, канарейки, ярко-голубые, с зелеными переливами попугайчики. Вова думал, что они заморские, откуда-нибудь из Чили или с Суматры, но оказалось, что их выводят в Москве.

Но самым большим рядом был голубиный. Продавцы держали голубей и в плетеных корзинах, и в металлических клетках, которые могли складываться в чемоданы. Сидели голуби целыми стаями. «Дутыши», «пегарьки», «воротникастые», «немцы», «почтари» — всех цветов, раскрасок и оттенков — спокойно ворковали и поклевывали зерно. Покупатели для чего-то расправляли им крылья, дули под хвост, раскрывали клювики.

Вова с интересом прислушивался к «ученым» разговорам. Оказалось, что голубь ценится по головке и «платью», то есть по оперению. Лучший голубь — это «немец», и стоит он до трехсот рублей. Эти голуби летают со скоростью экспресса и безошибочно находят свой дом. А «турманы» — это такие голуби, которые могут кувиркаться в воздухе через голову.

Рябоватый парень, у которого голуби торчали из всех карманов, из-за пазухи и голенищ широких сапог, уговорил Вову купить за двадцатку «понятых» — самца и самочку.

— Мечта, а не птица! — сказал он. — Купишь — весь век благодарить будешь. Они тебе в месяц по два яичка приносить будут. Ты их что, для продажи будешь разводить?

— Нет, — ответил Вова. — Как птицу дружбы...

— А-а, ясно... для политики, значит! Во, во! Они самые подходящие... Ну, бери тогда с корзинкой. Отдаю бесплатно!

Когда Вова подъехал на трамвае к дому, в квартиру к себе он идти побоялся. Там опять будет скандал.

Но куда же их все-таки девать?

В подвал отнести — не годится, голубям нужен свет. А что, если на чердак?

И Вова с корзинкой, осторожно переставляя ее со ступеньки на ступеньку, полез по пожарной лестнице на пятый этаж.

— Эй, Морковкин, ты куда? — услышал он за спиной голос Пашки Туманова. — Лунатиком заделался?

— Сам ты лунатик! — усмехнулся Вова. — Я голубей купил!

Пашка, как обезьяна, в один миг влетел на крышу и раскрыл корзинку. От солнечного света голуби стали такими ослепительно белыми, что Пашка невольно зажмурился.

— Ой, какая красота! — восхищенно сказал он.

— Это «понятые», — наставительно сказал Вова. — То есть семья. И у них детеныши будут...

Пашка с усердием на лице взял в руки корзинку и внес ее через слуховое окно на чердак.

Здесь, под железной крышей, Вова вынул голубей и подкинул их — улететь они никуда не могли. Птицы, задев крыльями толстые пыльные балки, разлетелись по сторонам и вдруг доверительно уселись к Вове на плечо.

— Ого! Они тебя уже знают, — изумился Пашка. — А давай их на воздухе погоняем!

— Улетят... — нерешительно сказал Вова.

По-честному говоря, ему очень хотелось запустить свою попку в воздух. А вдруг она какая-нибудь бракованная? Но кто знает, можно ли их уже выпускать,

или надо еще недельку подождать? Впрочем, может быть, они уже привыкли к дому? У них в голове после поездки на трамвае, должно быть, все перемешалось.

— Да смотри, они ведь уже привыкли! — убежденно сказал Пашка. — Полетают, полетают и, вот увидишь, опять прилетят!

И, схватив голубей, он полез обратно через окно на крышу.

«Ну, была не была!» — подумал Вова.

Белая парочка взмыла над крышей и, видно обрадовавшись простору, стала ходить кругами. Потом голуби поднялись к перламутровому облаку и... стремительно скрылись из глаз.

Вова долго глядел им вслед, ждал, ждал и вдруг заплакал.

— М-да... Осечка, кажется, вышла, — почесал заты-

лок Пашка. — Но я думаю, что они просто попить захотели и сейчас вернуться.

— Дурак, не вернуться, — с горечью сказал Вова. — Что же я теперь в классе скажу? Ведь на меня надеялись.

— А то и скажешь, что опыт не удался. Ведь это же была опытная пара?

— Опытная.

— Ну и горевать тут нечего!..

Наутро Пашка с большими подробностями рассказал всему классу о том, как Вова умело гонял у них во дворе голубей, и как эти голуби садились к Вовке на плечо, и как они поднялись к самому облаку и «сами» улетели. И Пашка очень просил, чтобы класс Вову не ругал.

Откровенно говоря, многие ребята очень смеялись над незадачливым Вовой.

Но когда на большой перемене в класс пришла Вовина мама и сказала пионервожатому, что ее сына надо снять с должности главного голубевода, весь класс постановил: не снимать! Во что бы то ни стало уговорить маму! Вова уже знал, как надо обращаться с голубями. У Вовы был уже опыт. А опытных людей, как известно, надо ценить.

МОЙ УЧИТЕЛЬ

Когда я был маленьким, отца я видел довольно редко. Он уходил на работу рано утром, а приходил, когда мы с сестренкой, набегавшись за день, уже видели десятый сон. И даже в выходной день, когда, казалось бы, папа должен был с нами идти в кино и покупать мороженое, он, позавтракав, уходил к себе в комнату и садился там за стол. Через щелку дверей, наблюдая за ним, мы с сестренкой с нетерпением ожидали того момента, когда он начнет разговаривать сам с собой. Он сидел за столом, здоровый, широкоплечий, что-то писал и вдруг, отрываясь от бумаг, произносил вслух:

— А я что-то позабыл. В каком же это томе? Ах да, вспомнил. Сейчас мы это найдем, и будет все прелестно...

И снова склонялся над бумагами.

Иногда он размахивал руками, отрицательно тряс головой и подманивал к себе кого-то указательным пальцем.

Мы за дверью осторожно хихикали.

Мне однажды пришло в голову, что папа уходит в кабинет сходить с ума, и я, испуганный, побежал за мамой. Я заставил ее подойти к щелке. Она, улыбаясь, смотрела, как папа махал руками, а потом отвела нас в сторону.

— Дети, — сказала она, — я попрошу вас к двери больше не подходить. Папа работает, а вы ему можете помешать, ну... порвать ниточку мыслей. Понимаете?

Тут я подумал, что мама говорит неправду. Во-первых, у папы на столе никакого станка нет, на котором он мог бы работать, а во-вторых, я никогда не видел, чтобы папа из своей головы тянул какую-то ниточку.

Расспрашивать маму я больше не стал, а пошел к соседу по квартире, дедушке Федосенчу, худенькому, бородатому и лысому, с большой шишкой на затылке, которую он почему-то называл математической. Дедушка меня очень любил. Взрослые про него говорили, что он старый революционер, а сейчас «сидит на пенсии».

Дедушка всегда брал меня к себе на колени и спрашивал, легонько щелкая по носу:

— Ну, кем ты хочешь быть, постреленок?

— Продавцом! — отвечал я, раскладывая его бороду на две части.

— Продавцом? — удивлялся Федосенч и сладко жмурился не то сам по себе, не то от прикосновения моих рук. — А ты с кем-нибудь советовался? Нет, брат, это ты что-то тут не то придумал!

Федосенч меня отговаривал, но у меня все было решено окончательно и бесповоротно. Я уже много раз себе представлял, как в белом колпаке и переднике я прохожу по кондитерскому отделению «Гастронома» и ем любые конфеты, какие только захочу. И еще я могу эти конфеты приносить своим детям.

— Все-таки я считаю, тебе надо другую профессию подыскать, — убеждал меня Федосенч. — Вот неплохо быть учителем, а? Как ты смотришь?

И Федосенч, как мне казалось, с удовольствием потирал свою математическую шишку. Но я робко молчал, потому что мне не очень хотелось иметь такое украшение на голове.

Когда я поделился с дедушкой тем, что мой папа разговаривает сам с собой, он усмехнулся:

— Разговаривает?! Ну и пусть, на здоровье! Он учебой увлекается. А может быть, фразу какую исправляет. А вот ты хочешь попробовать писать?

Старик достал из стола карандаш, листок бумаги и сказал:

— А ну-ка, садись!

Я взял карандаш в кулак и нарисовал на листке забор.

— О, великолепный почерк! — обрадовался вдруг мой учитель-пенсиянер и, надев на нос очки, прочитал: — Эне бене раба кунтер сунтер жаба. Правильно?

— Правильно! — ответил я и страшно удивился тому, что простой забор — это, оказывается, не забор, а наша считалочка.

Теперь я сразу решил свои успехи в чистописании использовать с толком. Я побежал к себе в комнату и стал писать заявление в детский сад.

Детский сад — это была моя мечта. Туда уже ходили мои товарищи и ели там морковные котлеты, а я дома такие вещи не едал. Но, оказывается, поступить в детский сад было не так-то легко. Мама сказала, что ей надо основательно похлопотать. И я решил ей помогать: становился лицом к стенке и бил в нее ладошками.

Вскоре мама сказала, что все уже улажено и теперь только осталось написать заявление. И вот тут-то я понял, что ждать маму не стоит. Я нашел красный карандаш, оторвал кусок газеты и пошел в свой уголок. Там я помахал руками, поговорил сам с собой, как папа, а затем нарисовал на газете дом с трубой и дымом, витиеватую дорожку и себя, идущего по дорожке в детский сад.

Наутро я отправился в детский сад, который находился в нашем дворе, и дал директору прочесть мое заявление.

Так меня приняли в младшую группу.

Вечером старик Федосенч похлопал меня по плечу и ухмыльнулся:

— Молодчага, парень! Видал я твое произведение, видал. Очень остроумное!..

С этого дня я, сидя над любым куском газеты или чистой бумаги, пытался «писать» обо всем. И как мы в детском саду играли в мяч, и как мы ходили на улицу, и как у моего приятеля Игоря на щеке вздулся флюс.

Когда мои рисованные рассказы попали к Федосеичу, он прочитал их внимательно, исправил ошибку (вместо одной закорючки поставил две), а затем сказал:

— Что же ты, постреленок, молчал? Говорил «продавцом буду», а сам куда метишь, а? — И он весело рассмеялся. — Только, чур, договоримся: когда вырастешь большой, обо мне первый рассказ, ладно?

...Я сдержал свое слово.

Когда я учился в четвертом классе, дедушка умер у меня на глазах от разрыва сердца, и я, потрясенный, написал об этом. В рассказе, помнится, я предлагал, чтобы все люди вместе построили такому чудесному человеку, как дедушка, большой-большой памятник. И обязательно бы оживили дедушку. Он был очень и очень хороший человек!

КАК УТОНУЛ ГОГА

В городском пионерском лагере Гога Чулюкин все время выхвалялся перед девочками: то спрыгнет с высокого каменного забора, то пробежит по улице в трусиках за поливальной машиной, то нарисует химическим карандашом морской якорь у себя на груди.

Над ним сначала все смеялись, а потом перестали.

Когда ребята купались в реке, Гога спас маленького Ромку Шпагина. Тот закричал: «Тону-у!» — и скрылся под волнами, а Гога вытащил его за волосы.

Про этот поступок совет отряда написал в «Пионерскую правду».

А потом Гога опять спас на реке семилетнего Димку. И все подумали: «Вот настоящий герой!»

Но вот в совет отряда пришел маленький Вася Скворцов и сказал, что он сегодня тонуть не хочет, потому что мама ему запретила купаться. У него ухо болит.

— Как тонуть? — закричали ребята. — Для чего тонуть?

И тут они узнали, что это Гога Чулюкин подговорил его «тонуть». И Ромку он подговорил и Димку. Вы, дескать, орите понарошку: «Тону-у!» — а я вас буду спасать. И мы будем героями.

Вот обманщик!

И ребята так постановили на совете отряда: Гоге — позор! Он — лжегерой! Нам таких пионеров не нужно!

И в «Пионерскую правду» было тут же послано опровержение.

„СЧАСТЛИВАЯ“ РУЧКА

тром перед школой Саша Чубиков бродил по дому сам не свой. Он хорошо подготовился к контрольной работе. Но вот ручка, та самая ручка, которой он всегда писал, пропала и, хоть караул кричи, никак не находилась.

Саша перевернул вверх дном всю комнату. Ему помогали в поиске и бабушка, и мама, и Стаська — младший брат, но все было безрезультатно.

— Ясно, я сегодня засыплюсь! — жалобно говорил Саша, для чего-то заглядывая в банку с огурцами. — И это ты, Стаська, виноват будешь. Кто тебя просил моей ручкой крокодилов рисовать?

— А я знал, что она заколдованная? — хмуро отвечал Стасик. — Надо было раньше сказать.

— Не заколдованная, а счастливая! — поправил Саша. — Таковую все ребята хотели бы иметь. Не успеваешь ее вытащить, как она уже сама без ошибочки контрольную пишет и задачки решает.

Стасик наморщил лоб, видно собираясь о чем-то сообщить, но, передумав, только пошевелил губами.

Конечно, это он во всем был виноват. Вчера вечером прибежал к нему рыжий Петька из Сашиного класса и, чуть не плача, стал просить Сашину ручку. Ты-де, Стаська, отдай, а я тебе за это белую мышь принесу. Только ты один меня можешь спасти, а то мне сейчас хоть с моста в речку! Или в петлю! Но только ты Сашке и никому ни слова не говори об этом! Ну, будь любезен, пожалуйста, позволь...

И Стасик пожалел Петю.

Когда Саша вышел на улицу, настроение у него улучшилось. На всех перекрестках милиционеры давали зеленый свет.

И в школе Саша писал легко и уверенно, словно шел по «зеленой улице».

Только над словом «цыпленок» пришлось подумать. Как писать: «цы» или «ци»?

Саша взглянул на Петьку, который сидел впереди, и заметил, что тот почему-то загоразивает плечом свою работу.

А после того как учительница прочла слово «цыпленок», Петька стал вести себя совсем странно. Он то краснел, то бледнел, то тряс над партой какой-то предмет.

И чем ближе диктант подходил к концу, тем больше Петька волновался.

Во время проверки диктанта на Сашину парту упала записка: «SOS! Как пишется «курицын сын?»»

Саша подмигнул Петьке: дескать, не могу, учительница смотрит, и вдруг увидел у приятеля свою любимую ручку.

«Ах, вот он что прятал! — подумал Саша. — Ну, Стаська, погоди, заработаешь на орехи!»

Саша рассердился так, что готов был сейчас же вырвать у Петьки свою ручку. Но, проверив работу и не найдя в ней ни одной ошибки, он отдал ее учительнице, снова сел за парту и на тетрадном листе крупными буквами, так, чтобы прочел Петя, написал: «Дарю свою ручку! Спроси у нее!»

ДУБ

ы с Вовкой решили у нас во дворе посадить дерево. И стали гадать, какое посадить: ель, сосну или березу? А потом Вовка сказал:

— Знаешь что? Давай посадим дуб!

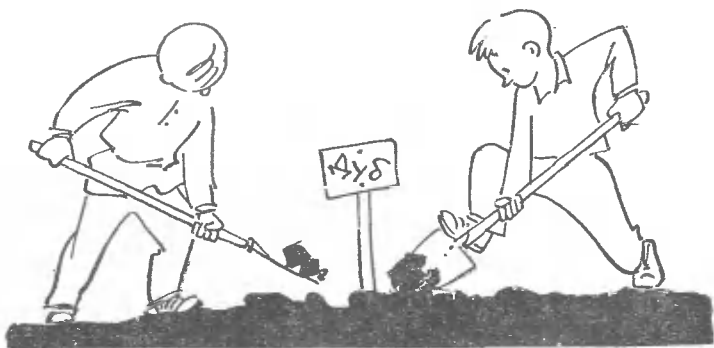
— А почему дуб? — спросил я.

— А потому, что дубы живут тысячу лет!

— Ну, давай! — согласился я, и мы поехали за желудем в лес.

На торжественную посадку Вовка созвал всех ребят, игравших во дворе, и сказал речь:

— Товарищи! Вот вы видите у меня в пальцах один маленький желудь. Мы его сейчас воткнем в землю, а пройдет тысяча лет, и у нас во дворе будет стоять огромный дуб, под ним будет тень, и все люди будут здесь отдыхать.

— А мне как тогда будет, холодно или жарко? — вдруг с усмешкой спросил Федя Сквородкин.

— Не знаю, как тебе тогда будет, а мне сейчас приятно! — нашелся Вовка. — Ну, а ты будешь нам сейчас помогать?

— Нет, — сказал Сквородкин. — Зачем мне это нужно? Кто тогда об этом вспомнит?

— Ладно, не заплачем, — сказал Вовка и спросил у всех: — Ребята, а кто из вас хочет выкопать ямку?

— Я! Я! — раздались голоса.

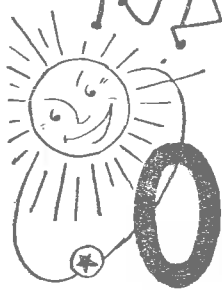
В общем одному мальчишке Вовка дал в руки лопату, другого послал за водой, а третьему велел принести бутылку с пробкой и самописку.

Когда бутылка и ручка были принесены, Вовка написал на бумажке:

«Дорогие будущие пионеры! Этот тенистый дуб посадили мы, ребята, жившие в этом дворе». И все расписались: Вовка, Петя, Шурка, Катя и я. А потом мы заложили это письмо в бутылку и закопали ее рядом с маленьким желудем.

А Федьке Сквородкину мы не дали расписаться. Раз он такой, пусть о нем никто и не вспомнит через тысячу лет!

ЧУДО-ЧУДЕСА

днажды ко мне подошел мальчик и спросил:

— Скажите, а можно сделать рычаг времени?

— Нет, — ответил я удивленно. — Зачем тебе рычаг?

— А вот подойти бы к нему, — мечтательно сказал мальчик, — дернуть, и вдруг — раз! — вся техника будущего перед нами!

— Занятно придумано, — улыбнулся я. — А знаешь, уже и сейчас можно себе представить, какая у нас будет техника.

И я обмакнул перо в чернильницу.

ЖАРА В АНТАРКТИДЕ

Когда начались каникулы, Лена вынула из стола карты обоих полушарий Земли, долго разглядывала их, а потом сказала:

— Мам, а ты отпустишь меня на десять дней в Антарктиду?

— Ну, вот еще новости! Будто места на земле получше нет: холод, снега... Поезжай-ка на Тихий океан, на Гавайские острова.

— А я уже была там!

— Тогда, пожалуйста, лети на Цейлон, в Египет... Вечно ты капризничаешь!

— Мы в Египет недавно всем классом с учительницей по истории на экскурсию летали. И на Цейло-

не уже были. А беспокоиться тебе нечего. Ведь в прошлом году я загорала на Диксоне? Загорала. И в Антарктиде буду загорать.

— Но ведь там еще не зажгли новое Солнце!

— Нет, зажгли!

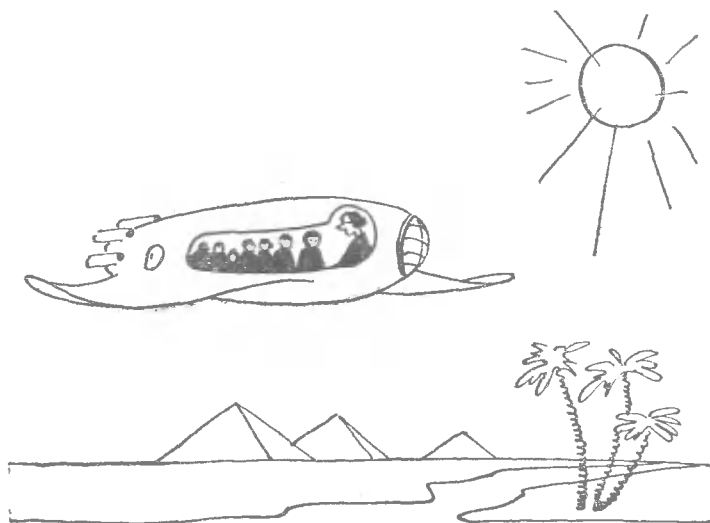
— А вот я сейчас узнаю, — сказала мама и сняла трубку видеотелефона, то есть телефона с телевизионным экранчиком.

На экранчике появился дядя Сережа, мамин брат, который жил за семьсот километров от их города.

Прошлым летом Лена действительно ездила загорать на остров Диксон.

Раньше этот остров почти весь год был окружен вечными льдами. Лето здесь было короткое и холодное. Вокруг только голые скалы да бледно-голубой мох.

Но вот на Крайнем Севере советские люди зажгли искусственное Солнце. Высоко-высоко в небо были запущены две гигантские ракеты, которые не могли

упасть на Землю, и между ними, словно молния, проскользнул первый термоядерный огонь. А потом он стал разгораться все сильнее и сильнее. И теперь уже не угасал. Это загорелось новое Солнце. И оно не обжигало людей, а только грело чуть теплее обычно. А через два года весь остров покрылся цветами. Здесь посадили пальмы и лимонные деревья. И они росли не хуже, чем на Кавказе.

Лена вернулась с Диксона поздоровевшая и черная-черная, как негритянка.

— Что?! Ваша экспедиция уже улетает сегодня? — вдруг неожиданно громко сказала мама. — А Лену ты не мог бы взять с собой? У нее сейчас каникулы... Вот спасибо! Она будет готова через час!

Мама положила трубку и весело сказала:

— Ну, Леночка, тебе повезло! Дядя Сережа летит сейчас в Антарктиду зажигать новое Солнце. И он согласился взять тебя. Только смотри не очень много купайся в море, а то простудишься.

«АНТИГРАВИТОНЫ»

Саша стоял около газетной витрины и сверял номера билетов денежно-вещевой лотереи с таблицей выигрышей. Этих билетов у Саши был целый ворох: от папы и от мамы. Они отдали ему свои «счастлица» и сказали:

— Ну, брат, все, что выиграешь, все твое!

Но Саша не хотел ни автомобиля «Енисей», который мог развивать скорость в пятьсот километров в час, ни мощного ионизатора, создающего самый настоящий экваториальный климат, ни байдарки с реактивным мотором...

Нет, такие вещи ему были не нужны! Он хотел только одного: ботинки. Да, ботинки со шнурками, на тонкой подошве. Но, конечно, не простых, а особых, под названием «антигравитоны».

Дело в том, что эти «антигравитоны» обладали удивительным свойством. Стоило их только надеть на ноги и нажать на особую кнопчку, находящуюся около каблука, как человек сразу отключался от силы земного притяжения, терял свой вес и как пушинка взлетал вверх!

Вот и все, что нужно было Саше. Он хотел прийти в этих чудо-ботинках в класс и вдруг при всех учениках прямо вместе с партой вылететь в окошко. Все девочки закричат: «Ах!» — а Саша им только улыбнется и помашет ручкой.

Он взвьется к облакам, потом прицепится за хвост какого-нибудь самолета, слетает до Свердловска, а затем вернется обратно и снова в окошко — трах! Все испугаются от грохота, и учительница, может быть, скажет: «Ты почему дисциплину нарушаешь?» Она, может быть, и из класса выгонит. Но все

равно Саша будет героем дня, и все ребята будут ему завидовать.

И вдруг Саша взглянул на номер своего билета, на таблицу и замер: «Антигравитоны»!

На его номер действительно пал чудесный выгрыш! Саша быстро засунул в ранец оставшиеся билеты и кинулся в ближайший магазин, где выдавались выгрыши.

Саша был самым счастливейшим человеком на земле!

Продавец проверил билет, показал Саше, как надо пользоваться «антигравитонами», и завернул их в бумажку. Но вдруг он сказал:

— Да, молодой человек, здесь в инструкции написано, что выдавать эти ботинки можно только после предъявления школьного дневника. Он у вас с собой?

— Пожалуйста! — радостно воскликнул Саша.

Продавец просмотрел дневник и вдруг нахмурился:

— М-да... А знаете ли, вам сейчас не придется получить «антигравитоны». Нельзя! В дневнике написано: «Дисциплина слабая!» А мы их выдаем только дисциплинированным ребятам, которые не будут на партах по воздуху летать или там за самолеты цепляться. Да-с... Придется вас огорчить... Так что до свидания!

ДОЖДЬ ПО ЗАКАЗУ

Когда Катя ехала на мотороллере мимо правления колхоза имени 1 Мая, из окошка вдруг высунулся Иван Семенович и закричал:

— Эй, Катя! Срочное задание! У меня тут поломался радиотелефон... В общем ты съезди на электропогодную станцию и закажи сейчас дождь! Понятно?

— Понятно! — ответила Катя и нажала на педаль.

Действительно, солнце вот уже три дня жгло посеvy, и это очень хорошо, что председатель колхоза решил заказать дождь.

Катя жила в колхозном пионерлагере, и ребята трудились с утра до обеда. Кто на маленьких тракто-

рах полон картошку, кто опрыскивал специальным составом груши и яблони, чтобы они каждый месяц давали плоды. А Катя работала на кукурузе, на дальнем участке за пятнадцать километров от села.

Ребята там под открытым небом просто умирали от жары, и задание Ивана Семеновича было Кате по душе.

Она подъехала к одноэтажному кирпичному зданию, на крыше которого стояли металлические шары, остроконечные антенны, и, войдя в полумрак прохладной комнаты, сказала дежурному механику:

— Я из колхоза имени 1 Мая. Нам очень нужен дождь. Прямо задыхаемся!

— А какой, — спросил механик, — грибной или быструю грозу?

Катя вспомнила, о чем мечтали ее друзья на кукурузном поле, и сказала:

— Давайте проливной с грозой, а потом немножко радуги...

— Сейчас, это мы мигом!— ответил механик и на пульте управления погоды стал передвигать регулятор.

В небо устремился поток электрических частиц с определенным зарядом.

И вдруг Катя заметила через окно, как в небе над станцией стали собираться белые облака. Приближаясь со всех сторон, они постепенно темнели и превращались в свинцово-черные. И вот блеснула первая молния, и ударил гром. На землю хлынули потоки воды. Дождь хлестал по ставням, по деревьям, вода вибрировала во всех кадучках.

Катя выскочила на улицу и стала танцевать под ливнем. А механик крикнул:

— Ну как, сделать еще похлестче?

— А я думаю, хватит! — промокнув до нитки, сказала Катя, забегая в дом. — А теперь давайте эту... самую красивую...

И не успела Катя закончить, дежурный по погоде включил большой рубильник, и в небе над колхозом встала радуга.

НА ВЕНЕРУ

Поздно вечером с Московского ракетодрома на планету Венера уходила пассажирская ракета.

На Венеру улетала бабушка. В последние дни у нее что-то стали побаливать ноги, и врачи ей сказали, что неплохо было бы съездить или в Крым в Евпаторию, или на Венеру. Там тоже обнаружены целебные источники.

Бабушка собралась очень быстро. Взяла два платья и пачку таблеток — завтраков и обедов — и, провожаемая всей семьей, выехала на ракетодром.

Колька с удовольствием осмотрел пассажирскую ракету, которая могла лететь в космическом пространстве с колоссальной скоростью. Она была похожа на гигантскую стрелу с зеркальным покрытием. От-

ражаясь в зеркале, все люди и дома казались высокими и огромными.

— Внимание! — вдруг заговорило радио. — Пассажиров, летящих по маршруту Внуково — Венера, просят занять места в ракете. Провожаящие, зайдите в подземный зал.

Колька поцеловал бабушку и спустился вместе с папой и мамой под землю. Отсюда на поверхность выходил перископ с темным стеклом для наблюдения за отправкой ракеты. Вот Колька увидел, как в хвосте ракеты стал разгораться ослепительный огонь. Он отлетал от ракеты на далекое расстояние, и стрела стала походить на комету.

— Бабушка, а когда ты будешь на Венере? — спросил Колька по радио.

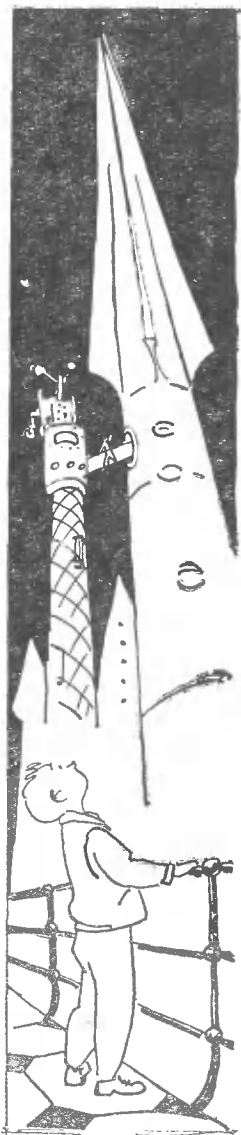
— Через три дня! — сказала бабушка.

— Ух, ты! — восхитился Колька и вздохнул. — Да, хорошо болеть!

— Это почему же? — удивилась бабушка.

— Ну как почему?.. Вот ты, например, захворала, и тебе сразу — раз! — и путевка в санаторий: Москва—Венера! А мне как туда попасть? Я-то здоров!

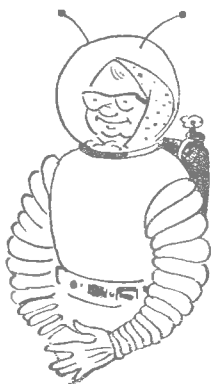
— Эх ты, смешной Колька! — засмеялась бабушка. — Очень смешной! Тебе-

то, здоровому, и не такие еще предстоят путешествия в будущем. Вот помяни мои слова.

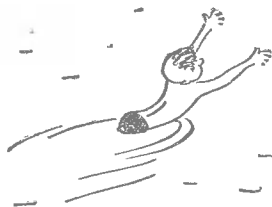
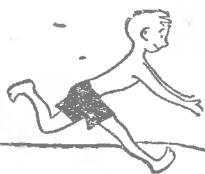
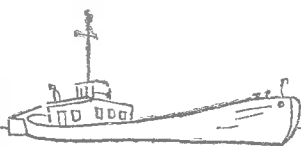
Вдруг раздался грохот, и ракетодром заволочло легким туманцем.

А когда туман рассеялся, Колька увидел в перископ, что на эстакаде ракеты уже не было, и бабушка, видимо, была уже где-то далеко-далеко над Землей и плавала по кабине в невесомом состоянии.

В ДЕБРЯХ
КАРА-БУМБЫ
ПОВЕСТЬ

УДАР САБЛИ

Всю дорогу мы с Лешкой ехали в тамбуре и то и дело высывались из вагона. Мы были счастливы. На рельсовых изгибах мы с восторгом оглядывали всю нашу электричку, которая, иногда тоненько пошвыстывая, отчаянно неслась среди полей и мелко-лесья.

Вагон болтался из стороны в сторону, колеса без умолку тараторили, буфера звенели, и в тамбур вместе с угольной пылью, поднятой со шпал, врвался медовый ветер.

Настроение было великолепное. Свобода! Свобода от пап и мам!

— Вот здорово, что поехали! — восторгался Лешка. — Ведь это же мое первое самостоятельное путешествие! И ты ведь тоже никуда один не ездил?

— Не ездил! — ответил я. — А кто первый тебя позвал?

— Ну ты, ты! Успокойся! Подумаешь, какой изобретатель!

— Не изобретатель, а настойчивый человек.

— Ну ладно, пусть настойчивый! Только не хвастайся!

А я и не хвастался. Мне просто очень хотелось, чтобы Лешка по заслугам оценил мою выдумку уехать из города.

В то лето, когда все ребята с нашего двора после экзаменов разъехались по лагерям и деревням, мы

с Лешкой остались в городе. Вышло так, что у Лешки заболел отец и слег в больницу, а у моей мамы на дачу денег не было.

Обычно наши семьи — уж который год подряд! — уезжали за сто километров от Москвы под Коломну, в небольшую деревеньку, расположенную неподалеку от Оки, и там жили до конца августа. А в это лето нам было обидно, что мы опять не сможем поселиться в просторной избе у нашего сверстника Сашки Косого и его

матери тети Груни. Это были очень приветливые и добродушные люди, и к нам они относились, как к своим родным.

В общем июнь и половину июля мы с Лешкой еще крепились: играли в футбол, ходили в детский парк в драмкружок, купались за парком в пруду величиной с блюдце. Но когда однажды Лешка вытащил из пруда на своей спине две черные пиявки, терпение мое лопнуло.

— А знаешь, — сказал я, — а ну его ко всем собакам, этот пруд! Давай завтра махнем на Оку! Встретим Зойку, покупаемся!

— Хм!.. Махнул один такой! — безнадежно усмехнулся Лешка. — А кто нас отпустит одних? Мамы, да? Ой, умора! А если тебе на Зойку охота посмотреть, так бы сразу и сказал.

И тут же мой план поездки на Оку он разбил в пух и прах.

Я знал, что Лешкина мама, Тина Львовна, никуда его одного не отпустит. Но почему бы не попробовать уговорить ее? Ведь попытка не пытка? И если мы ее уговорим, значит я скоро увижу Зойку!

Вечером у себя дома за ужином я был очень грустный, еле-еле ковырял вилкой в тарелке, смотрел на маму отсутствующим взглядом.

— Что с тобой? — наконец спросила она.

— Да так... ничего...

— Нет, а все-таки?

— Все-таки, все-таки! — сказал я с горечью. — Все ребята разъехались кто куда, и Лешка вот также завтра один на Оку уезжает, а я дома сижу...

— Его отпускают одного?! — изумилась мама.

— Да, одного! — Я сделал очень честные глаза.

— Странное дело, я вчера была у Тины, но она мне ни слова не сказала об этом. А ты хотел бы с ним поехать?

— Конечно! А что тут нам делать, в Москве? Сиди пыль глотай!

— Хотя, что ж... — вдруг в раздумье сказала мама. — В деревню — это дело. На два денька, пожалуй, и можно прокатиться. И у меня котлеты на завтра есть. Вы с утра хотите ехать?

После этих слов я бросил ужин и побежал к Лешке.

— Добрый вечер! — сказал я, заходя к нему в комнату. — Ну как, Лешка, подготовка идет?

— Какая подготовка? — насторожилась Тина Львовна.

— Как какая? Меня мама отпустила на три дня в тете Груне. У нас уже котлеты жарятся. И Лешка хочет со мной...

— Что-о?! — Тина Львовна побледнела. — На три дня? А вот я сейчас позвоню твоей маме и проверю. И если ты солгал, ноги твоей здесь больше не будет!

Тина Львовна кинулась к телефону. Я заволновался: а вдруг все раскроется?

— Наталья Петровна, — сказала в трубку Лешкина мать. — Это правда, что вы... Что? У вас котлеты горят?! Хорошо, я попозже позвоню.

— Ну что? — сказал я победно. — Сами слышали — уже котлеты горят!..

— Мам,пусти и меня! — заным Лешка.

— Прекрати! Прекрати! Вы что, с ума сошли — за сто километров, в глухомань! Одни!

— Ну,какая же это глухомань? Три часа езды! — сказал я. — Электричество! Река рядом!

— Вот-вот, я и говорю про речку! — ответила Тина Львовна. — Не хватало, чтобы вы еще там утонули!

— А мы можем и не купаться, — сказал Лешка. — Вот дадим честное слово и не будем купаться!

— Знаю я ваши честные слова. Наверно, только слезете с поезда, так сразу же в речку. В общем о чем разговор? Этого я не позволю! И что мне папа скажет? Он в больнице, его волновать нельзя. А я приду и скажу, что ты уехал?

Нет, этого не будет!

В этот вечер Тина Львовна слово «нет» произнесла, наверно, раз пятьсот.

И что мы ей только не обещали! И что поедем в деревню всего лишь на два дня, и что привезем оттуда цветов, березовый веник, свежих ягод.

Мы говорили, что в пионерских «ступеньках» написано, что все пионеры должны быть самостоятельными, что они должны любить и понимать природу, что они должны уметь разжигать костер... А где нам разжигать этот костер? В комнате на полу?

Наконец мы показали Тине Львовне газету, в которой была напечатана статья о перестройке школьных программ и о связи школы с жизнью. Но Тина Львовна стояла на своем непоколебимо.

Однако чем больше она отказывала в разрешении, тем больше мы наседали. Эта баталия продолжалась часа два-три. И, наконец, мы взяли измором. Тина Львовна устало махнула рукой и... согласилась.

Ее условия были такие: «Ладно, я вас отпускаю, но из окон поезда не высовываться, к Оке не подходить, в лес не ходить и вообще быть только около прошлогодней дачи». Может быть, она, Тина Львовна, приедет за нами.

Условия были жесткими, но мы их приняли.

На маленькой станции после вагонного грохота нас оглушила тишина. Над водонапорной башней

стоями кружили ласточки. На крыше полуразрушенной церкви у самой колокольни примостилась тоненькая березка. Около платформы, мелко переступая ногами, паслась стреноженная лошадь.

Конечно, ни на какую прошлогоднюю дачу в деревню мы не пошли. Долой кабальные условия Тины Львовны, и да здравствует наша любимая Ока!

На песчаном пляже, на котором мы загорали в прошлом году, мы быстро разделись и бросились в воду.

Это были блаженные минуты. Мы бегали друг за другом, ныряли, кувыркались, делали стойки под водой и, сносимые течением, падали на спину.

В спокойной воде, будто в чуть потемневшем от времени зеркале, отражалась чайка. Она неслась над рекой, не двигая крыльями, и, казалось, любовалась отражением своего плавного и величавого полета. Маленький буксирный катерик, весь чумазый от копоти, словно ком снега, катил перед собой пенный вал. А потом мимо нас прошла широкая баржа-самоходка, на которой стояли новенькие «ГАЗ-51», и мы, лежа на спинах, покачались на ее волнах.

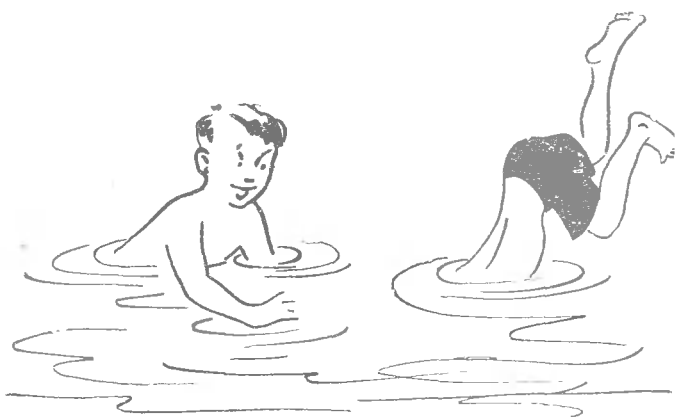
И вдруг, выбравшись на берег, мы увидели на песке какого-то смешного дядьку. Он сидел, по-турецки сложив ноги, перед маленьким зеркальцем и брился. У него был крупный лоб, глубоко сидящие черные глаза, широкий нос с большими ноздрями и длинные прямые волосы. Побрившись, он смыл с лица остатки пены и вытащил из рюкзака диковинную трубку. Она была сделана в виде человеческой головки с крючковатым носом и остренькой бородой. Серебряная чалма-крышка приподнималась, и под нее закладывался табак.

Ходил незнакомец по пляжу, словно дикарь: в набедренной повязке из двух тряпочек, спереди и сзади. На вид ему было лет двадцать пять — двадцать семь.

Мы стали на него поглядывать. Вскоре он подсел к нам.

— Ну как, сеньоры, облучаемся? — улыбнувшись, спросил он.

— Да вроде бы... — ответил я.

— А, простите за любопытство, вы из Москвы или здешние?

— Из Москвы, — ответил Лешка. — А вы откуда?

— Я здешний. У меня тут дворец, — улыбувшись, сказал незнакомец. — Вон видите, он стоит на том берегу, окруженный олеандровыми рощами?

На той стороне реки мы увидели только одну-единственную копну сена, окруженную кустами ивняка.

— Впрочем, я шучу. Я тоже сюда только вчера приехал. А вы надолго на природу?

— Всего на два дня, — вздохнул я.

Я лежал на песке и видел, как из нашего берега, который широкими ступенями сходил к воде, вылетали ласточки. Там, видимо в песке, были гнезда. Почти рядом с нами в смешанном леске, будто человек, вызывающий другого человека на тайную встречу, тихо и осторожно посвистывала какая-то птичка. Над нами задумчиво шелестела листьями старая черемуха. Запахи сухого, будто пыльного, валежника, и мокрого тальника, лежащего кучами на берегу, и черной смородины, и татарского лука с сиреневыми цветочками, и душный запах песка, и свежий запах реки — все это улавливалось моими ноздрями, и в душе

рождалось необычайное чувство счастья. Какая здесь благодать!

— А почему же только на два дня?

— Мамы... — сказал Лешка и развел руками.

— М-да... Сочувствую, — понял нас незнакомец и на минуту задумался. — Тогда я считаю вот что: эти два дня у вас должны быть насыщены до предела. Хотите?

— А чем мы будем заниматься? — спросил Лешка.

— Сначала познакомимся, а потом устроим обед. У вас какие-нибудь продукты есть?

— Есть, — кивнул я головой.

— Вот и прекрасно, я тоже кое-что найду.

Владимир Сергеевич — так звали незнакомца — работал геологом в одной из поисковых партий в Сибири. Совсем недавно он приехал в Москву в свое Геологическое управление с какими-то интересными «породами» и, ожидая результатов лабораторных анализов, решил несколько свободных денечков провести за городом в... копне сена.

В рюкзаке у него лежали все пожитки: брюки, тапочки, рубашка-ковбойка, садовый нож с кривым лезвием и полбуханки белого хлеба. А кроме того, в папке много фотографий.

Вот мы и принялись их рассматривать. Владимир Сергеевич, оказывается, объездил уже всю нашу страну: был на Диксоне, на Украине, на Кавказе. Потом Владимир Сергеевич показал нам корень жень-шень.

Это был маленький ветвистый корешок желтого цвета. Высохший и сморщенный, он умещался на ладони и был очень похож на худенького человечка с ручками и ножками.

Лешка взял его в руки и, осмотрев со всех сторон, спросил:

— А чем он знаменит?

— А ты разве о нем ничего не слыхал?

— Слышал, — ответил Лешка. — То ли его пьют, то ли едят. В общем не знаю...

— Ну и зря. Это ведь корень жизни по-китайски. И ценится он буквально на вес золота. Он, говорят, продлевает жизнь, прибавляет силы...

— А зачем вам женьшень? — спросил Лешка. — Вы же молодой...

Владимир Сергеевич подкинул корешок на ладони и сказал:

— Это мой талисман. Мне подарил его один мудрый человек, и я его должен беречь всю жизнь.

— А что будет, если вы его потеряете?

— Потеряю сердце, так сказал мне мудрый человек.

Конечно, я почувствовал, это была шутка, но и мне почему-то захотелось иметь такой талисман.

Незаметно пролетел час, другой, третий. У нас уже «засосало» под ложечкой. Мы быстро собрали тальник, разожгли костер и, проткнув мои котлеты тонкой палочкой, стали их подогревать над огнем как на вертеле. Лешка вытащил из авоськи свои бутерброды и вареную курицу. Но Владимир Сергеевич порекомендовал оставить этот запас на аварийный случай.

Мы с Лешкой никак не могли предположить, какая может произойти авария, и поэтому с сожалением глядели на то, как Владимир Сергеевич решительно запихнул курицу обратно в Лешкину авоську.

Однако мы все вместе не наелись нашими котлетами и бутербродами. Тогда Владимир Сергеевич собрал в реке ворох стрелолиста и испек в золе маленькие клубни, сорванные с корневищ. Вкус у них был, как у картошки. Потом он угостил нас корнями лопуха, и эти корни оказались ничуть не хуже сырой морковки.

Такой обед нам очень понравился.

Потом Владимир Сергеевич черпнул какой-то консервной банкой воду из реки, бросил в банку для дезинфекции два кристаллика марганцовки и поста-

вил «чайник» на костер. Ни чашек, ни ложек у нас не было, и поэтому, когда вода вскипела, чай мы по очереди сосали с помощью трубочек, сделанных из бузины.

Пожалуй, из всех чаев, которые я когда-либо пивал, этот чай был самый вкусный. И Лешка мне подмигивал — вот житуха отличная! — и осторожно своей трубочкой пытался вытащить из банки какого-то сварившегося комарика. Консервная банка была маленькой, и мы ее раза три ставили на костер.

День уходил. Нам пора уже было думать о ночлеге. Но расставаться с рекой не хотелось. Я нашел в воде большую замшелую раковину с дюжиной налипших на нее ракушек и подумал, что это ее «дети». Оторвутся они когда-нибудь от своей матери и начнут самостоятельную жизнь. А когда? Через десять дней или через месяц?

Я взял нашу консервную банку-«чайник», вложил в нее раковину и, полусасыпав ее песком, поставил в воду. Зайду еще сюда завтра, посмотрю. Если «деткишки» отпадут, все мои будут. Из банки не вылезут.

— Друзья, минуточку внимания! — вдруг сказал Владимир Сергеевич. — А куда вам торопиться? Ей-богу, оставайтесь ночевать у меня во дворце, а? Мы с вами проведем волшебную ночь. Над вашими головами будет сиять Большая Медведица, я вам покажу Марс. И вообще живите тут хоть неделю!

— Значит, с вами? — спросил я.

— Со мной.

— А мамы? — спросил Лешка. — Вдруг они приедут в деревню?

— А что мамы? Пошлем им срочную телеграмму со станции, и дело с концом!

— Я — «за»! — тут же сказал я. — Будем ночевать в копне!

Но Лешка колебался. Я знал: он представил себе, что будет твориться с его мамой, если она узнает, что он не в деревне. Тина Львовна будет кричать: «Я не переживу! Я не переживу!» — а потом прилетит сюда на такси и даст нам жару!

— Да ладно тебе, Лешка, ломать голову! — сказал я. — Остаемся, и баста! Идем на станцию!

Мы долго думали, как написать нашим мамам, чтобы они поняли, что мы живы-здоровы, что добрались благополучно и что нас надо теперь искать в копне сена на Оке.

— «Ищите на Оке», — шептал Лешка перед окном телеграфа. — «Целуем».

— Нет, не подойдет, — говорил Владимир Сергеевич. — Твоя мама может еще подумать: «Ищите в Оке!» Надо тут что-нибудь короткое и ясное. И чтобы приятное...

— Ну давайте: «Мы вас любим», — предлагал я.

— Это сироп, — говорил Владимир Сергеевич. — Надо по-мужски.

— «Привет от тети Груни», — сказал Лешка. — Они получают такое и сразу поймут, что мы в порядке.

— А лучше всего просто написать: «Ура!» — и точка! — предложил Владимир Сергеевич. — И денег меньше платить и все ясно! А?

Мы согласились. Телеграмма вышла короткой, как удар сабли: «Ура!»

И действительно, из этого слова можно было очень хорошо понять, что мы очень любим своих мам, которые не побоялись отпустить нас в дорогу, и что мы в восторге от нашей свободной жизни. Коротко и ясно!

И никто из нас в эту минуту не предполагал, что этим «сабельным ударом» мы на много дней отсекли себе дорогу в Москву.

Солнце уже заходило, когда мы вышли на перрон из маленького вокзальчика и решили перед сном пойти в деревню и навестить тетю Груню.

ЗОЙКА

В деревне на «гулянке» (перед школой играла гармошка) мы с Лешкой сразу встретили своего старого друга: сына тети Груни Сашку Косого.

У нас с ним в прошлом году было много веселых событий: мы пасли коров, разводили кроликов, ходили для смеху «на прием» к деревенской бабке-знахарке, и она нас лечила «от живота» разными травами. А потом мы ей сказали, что Сашка Косой от ее трав лежит в больнице при смерти, и бабка в тот же час куда-то уехала из деревни. А в престольный праздник, когда поп служил молебен, мы забежали в пионерских галстуках в церковь и стали тут играть в прятки. Нас оттуда выгнали и сказали, что пожалуются в школу. А Сашка Косой ответил:

— А вас бог за это накажет, за ябедничество!

Но первого, кого «покарал» бог, — это самого Сашку. И руками его матери. Она выпорола его за «богохульство». Но Сашка все равно рос еретиком: воровал куличи на пасху, не здоровался с худым и длинноногим попом и крестился левой ногой. Тело у него было словно резиновое. Он мог закидывать обе ноги себе за шею и ходить в таком лягушечьем виде по избе на руках.

Здесь же на полянке я увидел и Зойку. Она была в красном платье с белым пояском.

Владимир Сергеевич сразу обратил на нее внимание. Он спросил:

— А эта кто?

— Зойка. Из Москвы, — ответил я.

— А она чем занимается?

— Еще учится в школе. А что?

— Да я просто так...

Не замечая нас, Зойка разговаривала с какими-то не известными мне парнями. Один из них был высо-

кий блондин, широкоплечий и в распахнутой кожаной куртке с «молнией», другой — щупленький, с узкой мышинной мордочкой. Он сидел на своем велосипеде и, то и дело касаясь земли носками ног и отчаянно вертя рулем, пытался найти равновесие и сидеть на седле, не двигаясь вперед. Видно, эти ребята были тоже, как и Зойка, дачники-москвичи.

Они разговаривали с Зойкой о чем-то веселом, потому что Зойка все время звонко смеялась. Высокого она называла Нарик, щуплого — Гарик.

Мы с Лешкой несколько раз проходили в толпе мимо Зойки, но она нас не видела. А окликнуть ее мне почему-то было неудобно, хотя мы с ней и были очень хорошие знакомые.

В прошлое лето наши дачи находились рядом, и Зойка частенько приходила ко мне с просьбой починить велосипед. Машина у нее была старая, и в ней через каждые пять минут портился тормоз.

Я тщательно разбирал заднюю втулку, промывал ее керосином и ставил на тормоз дополнительную прокладку. Лешка был моим помощником, а Зойка сидела перед нами на корточках и рассказывала о своих школьных делах. Она была старше нас на три года, перешла в девятый класс.

Ее любимой темой разговоров было, кто и как за ней ухаживает.

— Вот в этом году, — говорила она, — мне один мальчик из десятого класса все время записки писал, и все девчонки мне завидовали. А у него был свой мотороллер, и мы с ним по Москве катались. Он мне и мимозы дарил и шоколадки в почтовый ящик кидал. А потом я увидела, что он мещанин, и пере-

стала с ним дружить. Он только и делал, что хвастался: какой у него костюм, какой классический фотоаппарат, какой магнитофон с «шедевральными» вещичками. А потом я каталась на катке с Костей Иваницким из девятого класса, и он мне прямо сказал, что влюбился в меня. Я так и села на лед! Кто же про это говорит? И мы его даже хотели на комсомольском собрании проработывать, чтобы он по-лучше в своих чувствах разбирался и не бросался такими словами...

Я слушал Зойку и думал: «Ух ты какая! А если этот Костя не врал, тогда что?»

В дождливые дни мы все втроем располагались у Зойки на террасе и играли в шашки. На абсолютного чемпиона. Расплата при проигрыше была строгой — двадцать щелчков в лоб.

У Зойки были тонкие пальцы пианиста с длинными греугольными ногтями, и ее щелчки были шуточной чувствительной.

Особенно доставалось мне. Я почему-то часто проигрывал. Это были чистые проигрыши, но Лешка как-то мне наедине сказал:

— Слушай, если играть так играть. И нечего тут романы закручивать. Я от Зойки ни одного щелчка не получил, а вы только и делаете, что щелкаетесь.

— Ну и что?

— А вот то... Можешь ей дарить там разные мимозы или шоколадки бросать, а уж если сели играть втроем, так уж надо, чтобы всем доставалось поровну. А то я сижу, как лопух, и глазами хлопаю. Для вас интерес, а для меня что? Никакого азарта!

— И, значит, ты думаешь, что я ей специально подставляю свой лоб?

— Да, специально!

— А почему?

— Потому что она... красивая!

— Ой, дурак! — засмеялся я. — Да кто же специально будет из-за красоты свой лоб подставлять?

— Найдутся такие, — не унимался Лешка. — Вот ты, например!

— Я?! Откуда ты взял?

— А ты всегда перед ней гоголем ходишь, выкаблучиваешься! Дескать, посмотрите, какой я герой: и у меня пятерки, и я музыкой занимаюсь, и велосипед могу чинить. И вообще здравствуйте-пожалуйста! А что касается Лешки, он — тьфу! — и растереть!

— Значит, ты хочешь, чтобы она тебе тоже щелкала?

— Хочу! Только по игре.

— Пожалуйста!

На следующий вечер Зойка очень быстро обыграла Лешку в матче-турнире из трех партий и вlepила ему шестьдесят щелчков, да таких, что после них Лешка уже больше никогда не заикался о том, что у нас с Зойкой идет нечестная игра.

Мы с Лешкой не раз разбирали Зойку по косточкам: что в ней хорошего и что плохого. Лешка говорил, что когда она ездит на велосипеде, то «рисует-ся», а я этого не находил. Потом он говорил, что она фасоня — красную ленточку вокруг головы носит. А я считал, что это ей очень идет. Зойка была маленькая, с черными вьющимися волосами и быстрыми синими глазами. Когда Зойка шла по деревне, все мальчишки глядели на нее, разинув рот. И мы с Лешкой гордились дружбой с Зойкой. Одно мне только не очень-то нравилось в ней. Она любила нам, как взрослая, говорить:

— Мальчики, вы еще ровным счетом ничего, ничего не понимаете в жизни!

...Наконец мне надоело без толку ходить вокруг Зойки, и я, подойдя к ней сзади, дернул ее за рукав.

— Юрка, это ты? — обернувшись ко мне, вдруг обрадованно воскликнула она. — Когда ты приехал? И ты, Леша, здесь? Вот хорошо! А где вы сняли дачу?

— А нигде, — ответил Лешка. — Мы в копне сена живем. Одни. Как геологи.

— Нет, честное слово?! — не поверила Зойка.

— Чтоб я подавился, — ответил Лешка. — Нам мамы позволили!

Нарик с ухмылочкой оглядел Лешку с ног до

головы и подмигнул своему приятелю: полюбуйся на детский сад! Им мамы позволили!

— И что же вы тут хотите открывать... как геологи? — с ехидцей спросил Гарик.

— Наверно, алмазы! — сказал Нарик.

— Хотя да, да! Такие здесь водятся, — подхватил Гарик. — И про них уже написано... Как это? «Навозну кучу разрывая, петух открыл алмазное зерно».

— Жемчужное... там написано, — сказал я.

— О-о, смотри какие они знатоки! — сказал Гарик. — Вся классику изучили!

— Да ладно вам, мальчики, смеяться! — нахмурилась Зойка. — Юра и Леша — это мои хорошие друзья!

— А это мы сразу почувствовали, — сказал Нарик. — И, может быть, ты нас с ними познакомишь? Мы этого очень жаждем.

— Пожалуйста, познакомьтесь!

Я протянул руку Гарику и ощутил в ладони его липкие и холодноватые пальцы. А Лешка от сильного Нарикова пожатия даже чуть присел.

— Ну вот, — сказал Нарик, — между нами уже любовь и дружба.

Не обратив внимания на это «подкусывание», Зойка забросала нас вопросами: как мы живем, где питаемся, все ли в порядке дома.

А потом, как бы между прочим, спросила:

— Слушайте, а что это за молодой человек, с которым вы пришли?

— Ой, хороший дядька! — сказал Лешка. — Мы только сегодня встретились на пляже.

— Он геолог, — сказал я. — Его зовут Владимир Сергеевич.

— Геолог?! — изумленно спросила Зойка. — Как я всегда мечтала о путешествиях! А откуда он?

Мы все ей подробно рассказали.

Но когда Зойка услышала, что послезавтра мы уже отправляемся в Москву, она вдруг заявила мне:

— Никуда вы не уедете. Будете жить у нас на даче хоть десять дней. Моя мама утром едет в Моск-

ву и сообщит вашим родителям. Будем играть в шелчки.

Я не возражал против такого предложения, но Лешка сказал:

— Подумаем.

Тут к нам подошел Владимир Сергеевич, и мы его познакомили с Зойкой. Нарик и Гарик молча кивнули ему.

— Ну, как отдыхаем? — непринужденно спросил Владимир Сергеевич у Зойки.

— Великолепно! — улыбнулась она.

— А вы здешние окрестности хорошо знаете?

— Неплохо. А что?

— Да я люблю бродить, вот и спрашиваю. А вы за Окой были?

— Была. Мы в прошлом году туда с Юрой и Лешей на лодке переплывали. Красота там, знаете, неопиcуемая. Прямо глушь! И говорят, что там даже лоси водятся. Мы целый день гуляли, орехов набрали, цветов... А вы давно уже здесь?

И Владимир Сергеевич с Зойкой разговорились как старые знакомые.

Отойдя в сторонку, Нарик и Гарик начали шептаться между собой, а потом Нарик сказал:

— Зой, ты поедешь с нами в совхоз в кино?

— Поеду, только погодите минуточку.

— Нет, мы уже едем, а то опоздаем.

— Ну хорошо.

Зойка крепко пожала нам руки и, сев к Нарик у на раму (ее велосипед, оказывается, уже окончательно сломался), сказала:

— Мальчики, только завтра вы без меня не уезжайте. Ладно?

— Ладно, — ответил Владимир Сергеевич и улыбнулся.

Зажужжала Нарикова динамка на переднем колесе, и яркие снопы света заметались по деревенской тропинке.

Было уже поздно, и мы решили не идти на реку во «дворец», а спать на сеновале у тети Груни.

Тетя Груня нас встретила как родных, дала нам

по кружке молока и сама отнесла на сеновал за садьбой овчинный тулуп и две подушки.

— Только не курите, — попросила она Владимира Сергеевича.

— Не беспокойтесь! — ответил он. — Нам не впервой!

В сарае было душно. От сена шел дурманящий сладковатый запах. Когда мы легли, по телу забегали какие-то букашки, и все мы стали чесаться и долго не могли уснуть.

— Владимир Сергеевич, а вы расскажите нам что-нибудь? — попросил я.

— А о чем?

— О чем хотите.

— Я могу рассказывать долго, — сказал Владимир Сергеевич и пошутил: — Как отсюда до завтра... И про жизнь, и про работу, и про книги... Ну ладно, расскажу вам сейчас вот о чем...

И Владимир Сергеевич рассказал нам историю шагреновой кожи. Заключалась она в следующем: был кусок волшебной кожи, и достался он одному молодому человеку, который жил в Париже. Кожа исполняла любое желание хозяина. Но после каждого исполнения она уменьшалась в размере. И когда она исчезла, этот человек умер.

Рассказывал Владимир Сергеевич очень интересно, как будто по книжке читал. Он произносил названия парижских улиц по-французски, в нос. Во время разговоров героев он то повышал голос, то переходил на шепот. А закончил он рассказ вопросом:

— Ну вот и все. А что вы поняли?

— Ничего, — сказал Лешка. — Просто интересно. А что тут понимать?

— Э-хе-хе... — вздохнул Владимир Сергеевич. — Хорошие вы ребята, но еще не собеседники. А в этой истории, как и во всякой сказке, большая мысль. А вот интересно, как вы понимаете сказку о курочке Рябе и о золотом яичке? Помните: жила-была курочка Ряба, и снесла она яичко, не простое, а золотое? Дед бил-бил — не разбил, бабка била-била — не разбила, а пробежала мышка, хвостиком махнула, яичко

упало и разбилось! Кажется, сказочка чепуховая, для детей. А если поглубже в ней разобраться, то она о счастье!

— А как это — о счастье? — спросил я.

— Очень просто. Бывает, к людям приходит счастье, а они не понимают этого. И вот бьют-бьют свое счастье, а потом достаточно произойти какому-нибудь незначительному случаю, как смотрят, а счастье разбилось! Вот что заложено в этой сказочке. Так и в каждой книжке надо свою глубокую мысль искать...

Владимир Сергеевич разговаривал с нами как со взрослыми. Он мне нравился все больше и больше. И особенно когда разъяснял, что никакой шагреновой кожи в природе нет и все это фантазия, а добиваться исполнения любого желания может человек только своими руками и головой.

В ДЕБРЯХ КАРА-БУМБЫ

Наутро я проснулся рано. Сквозь крышу пробивались ослепительные лучи, и казалось, они, как незримые столбы, поддерживали ветхое соломенное сооружение. Над головой под верхним стропилом было ласточкино гнездо, и из него то и дело сквозь черную дырочку выглядывали две головки любопытных птенцов. Хлопотливая мамаша прилетала к ним через каждую минуту и, совсем не касаясь гнезда, по очереди на лету закидывала в раскрытые клювики разных козявок.

Над моей головой прожужжал шмель. Он долго выбирал место, куда бы ему сесть. Я затаил дыхание. Шмель был пушистый, бархатный и важный, и летал он как будто стоймя, опустив хвост. Наконец он уселся к Лешке на раскрытую ладонь и пополз по пальцам. Я не знал, что мне делать: а вдруг Лешка спросонок сожмет пальцы в кулак? Но Лешка даже мизинчиком не пошевелил перед такой опасностью. Он спал, уткнувшись носом в плечо Владимира Сергеевича, и так крепко, что у него даже текли слюнки.

У Владимира Сергеевича было совсем юношеское лицо с румянцем на щеках и без единой морщинки на лбу. Спал он на боку, поджав под себя ноги и подложив под щеку ладонь, как будто, задумавшись и закрыв глаза, слушал музыку. Правая рука у него была вытянута вдоль бедра, и даже во сне она была будто напряжена: на ней были вздутые жилы и твердые узлы мускулов.

...После ведра холодной колодезной воды, которое Владимир Сергеевич поочередно вылил нам на спины, и после бутербродов с холодной курицей мы, захватив с собой Зойку, отправились в лес.

Когда мы проходили по деревне, из-за забора одной дачи показались две головы. Нарик и Гарик нам вдогонку крикнули:

— Зоя, ты поедешь с нами на пляж?

Зойка, обернувшись, отрицательно помахала рукой.

В лесу неподвижно стоял тугой сосновый воздух, смешанный с резким запахом раздавленной бузины и папоротника. Маленькие полусозревшие ягодки земляники с белыми пупырышками то и дело похрустывали под ногами. Земляники было так много, что Лешка решил больше не собирать ее пригоршнями, а стал ползать на четвереньках от куста к кусту и губами захватывать ягоды.

Потом мы пошли в орешник срезать удилища. Владимир Сергеевич шел впереди, раздвигая кусты и задерживая в руках упругие тоненькие ветви, чтобы они не хлестнули Зойку по глазам.

Гроза подошла внезапно. Гром уже давно перекатывался где-то далеко на востоке, и казалось, что непогода пройдет стороной. Но Владимир Сергеевич был иного мнения.

— А погопа нам не избежать... — сказал он. — Будет буря — мы поспорим и поборемся мы с ней! Кстати, в это время Илья Пророк всегда находится в отпуске, а его заместитель по проливной части немного глуховат. Вот люди и говорят: «Дождь идет не когда мы просим, а когда сено косим!»

— Интересно! — сказал Лешка. — Надо будет записать.

— А ты уже что-нибудь тут записал? — спросил я.

— А как же!

— А что?

— Сказку о курочке Рябе. Теперь я ее маме расскажу, а то они все время с папой ругаются.

Лешка как-то раз прочитал брошюрку «Как надо собирать фольклор» и с тех пор увлекся сказками, народными былинами и легендами. Читал он их без разбору, а потом решил сам записывать разные детские считалочки, присказки и частушки. Сам он тоже пытался сочинять фольклор, и, на мой взгляд, у него получалось неплохо. Ну, например:

Уважайте труд уборщиц! Соблюдайте чистоту!
Наведем тогда мы в школе золотую красоту!

Потом он записывал такие литературные переделки:

«Мураза и Стрекозей»
Стрекозунья-попрыга
Цело лето все пела,
Успенуться не огледа,
Как глама зитит в каза!

Однажды он мне предложил поехать с ним в загс, чтобы понаблюдать за свадебными церемониями. Но в загсе на Колхозной площади мы, к сожалению, никаких свадебных обрядов не обнаружили. Просто здесь стояла очередь из молодых и пожилых людей, а на столе, как в парикмахерской, лежали газеты и журналы, и все посетители их листали.

Но вот на Ваганьковском кладбище, куда мы отправились записывать похоронные причеты, было очень любопытно. Особенно нам запомнилась одна старушка в черном платке, которая убивалась по каждому покойнику. Нам казалось, что все умершие — это очень близкие ее родственники, так она безутешно кричала: «Ой, ты мой соколик, Петр Иванович, на кого ты оставил бедную сиротинушку!» Или: «Ой, родные, мои милые, посмотрите все на гслубушку, на голубушку красну-девицу, что в цветах лежит, да лазоревых!» А затем мы увидели, что

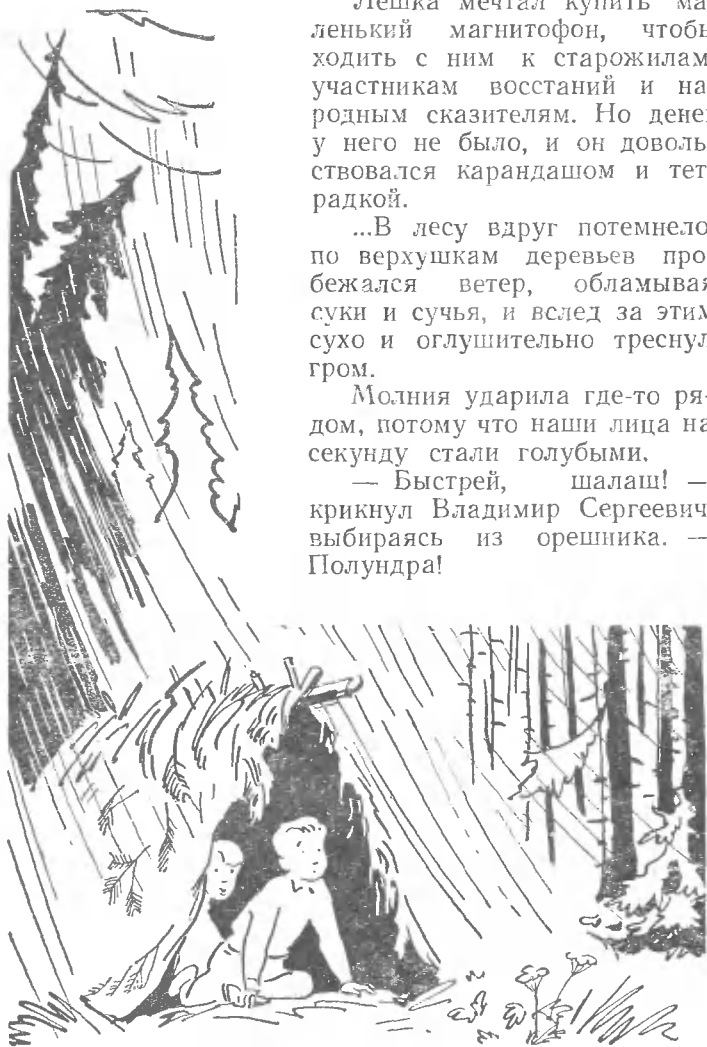
эта старушка за каждое свое причитание получала деньги от родственников усопшего, и поняли, что она специальная «плакальщица».

Лешка мечтал купить маленький магнитофон, чтобы ходить с ним к старожилам, участникам восстаний и народным сказителям. Но денег у него не было, и он довольствовался карандашом и тетрадкой.

...В лесу вдруг потемнело, по верхушкам деревьев пробежался ветер, обламывая суки и сучья, и вслед за этим сухо и оглушительно треснул гром.

Молния ударила где-то рядом, потому что наши лица на секунду стали голубыми.

— Быстрее, шалаш! — крикнул Владимир Сергеевич, выбираясь из орешника. — Полундра!

Мы кинулись врассыпную. Кто за елочными ветвями, кто за сухими слагами под крышу.

Работа шла лихорадочно. Шалаш рос на глазах.

От приближавшейся грозы на сердце было и весело и жутко, и тут мы уже не обращали внимания ни на колючки, ни на занозы.

И в тот момент, когда молния снова юркнула между черными мохнатыми тучами и разразился ливень, похожий на тропический, мы уже лежали в нашей новостройке на груде сухих листьев и очищали с пальцев смолу.

Владимир Сергеевич вытащил из кармана свою трубку, закурил — в шалаше запахло ирисками, — подумал минутку и вдруг сказал:

— Друзья! Как определили ученые, жизнь есть белковый обмен. И вот меня интересует, а где мы с вами достанем в обед эти необходимые белки для обмена? Курица, как вам известно, уже скончалась, денег у вас и у меня — только на обратную дорогу...

— Ну, это ерунда. — весело сказала Зойка. — Мы можем все вместе пойти к нам на дачу и там пообедать. У нас сегодня холодный свекольник со сметаной, а на второе пельмени. И даже третье есть — кисель из ягод.

— А в-четвертых, — сказал Владимир Сергеевич, — мы благодарим вас за приглашение и, как ни жалко, отказываемся.

— Ну, Владимир Сергеевич, — сказала Зойка, — вы еще не знаете моего папу. Он всегда очень любит гостей!

— Папы — они всегда любят, — улыбнулся Владимир Сергеевич. — А вот мамы, насколько я понимаю, не очень. Да еще на даче. Если гость понятливый, он всегда должен ехать на дачу со своими продуктами.

— Нет, я, честное слово, вас не понимаю, Владимир Сергеевич! — чуть ли не с обидой сказала Зойка. — Я же вас серьезно приглашаю.

— Ладно, Зоенька, не сердитесь, — ответил Владимир Сергеевич, — мы придем, придем... но со временем. Только не сегодня. Ну, как-то мне, например,

неудобно. Входит неизвестный человек и говорит: «Здравствуйте, дайте поесть!» А этот человек уже давным-давно самостоятельная личность, с пятнадцати лет зарплату получает.

— Ну и что?

— А вот то — пускай ваша дача будет для нас как спасательный круг для тонущего! Мы ухватимся за нее в самый нужный момент. А пока-то мы ведь еще не тонем? И вообще я люблю как можно меньше тревожить людей своей персоной. Короче, давайте думать, где нам достать эти... белки.

— А мы можем стащить новую курицу! Подозвать ее к себе: «Цыпа! Цыпа!» — а потом как трахнуть ей палкой по загривку — и вот обед! — сказал Лешка.

— А-а... понятно, — усмехнулся Владимир Сергеевич. — Это тебя что, на уроке естествознания научили, куда бить курицу?

— Нет, я своим умом дошел.

— Вот и видно, что ты человек высокой проходимости. Только на этом далеко не уедешь.

— Уж и пошутить нельзя! — наконец сдался Лешка, почувствовав, что Владимир Сергеевич ведет серьезный разговор.

— М-да... вопрос родился сложный, — в раздумье сказал Владимир Сергеевич, а потом вдруг весело и лукаво посмотрел на нас. — Слушайте, а кто из вас может раздирать мясо руками и пить кровь из убитых буйволиц?

Этот вопрос застал всех врасплох. Мне, например, лично не приходилось в Москве заниматься таким делом. За Зойку и за Лешку я тоже ручался.

— Я готов пить кровь, — вдруг как-то тихо сказал Лешка. — Но на какие деньги мы будем покупать этих... как их... буйволиц и вообще где они водятся?

— Вот то-то и оно — где они водятся? — воскликнул Владимир Сергеевич. — Мы с вами живем в дебрях Кара-Бумбы, а буйволиц тут нет.

— Это еще что за такая Кара-Бумба? — удивленно спросил я.

— Ну, я так окрестил наш дремучий лес, — сказал Владимир Сергеевич.

— Вот этот, где мы сейчас сидим?

— Да.

— Хорошенькая Кара-Бумба! — засмеялся Лешка. — Кара-Бумба — это, должно быть, где-нибудь у черта на куличках, в Средней Азии, а тут Ока, пароходы, электрички...

— А для романтики можно и Кара-Бумбой называть, — сказала Зойка. — У тебя в школе спросят: «Ты где был летом?» А ты ответишь: «В лесу!» И не звучит. А когда скажешь: «В дебрях Кара-Бумбы!» — «О-о! — скажут ребята, и все начнут спрашивать: — Это что, пустыня или горы?» А на самом деле это под Москвой! Вот и весело! Только жалко, что здесь нет буйволиц!

— А корова не подойдет? — спросил я у Владимира Сергеевича.

— Да кто тебе позволит раздирать корову руками? — сказал Лешка. — Тут вмиг по шее накостылят.

— Тише, тише, друзья! К чему весь этот шум? Я пришел к выводу: раз в дебрях Кара-Бумбы мы не можем найти буйволиц, так, значит, я сейчас отправляюсь в... Москву. Встречусь с вашими мамами и, если хотите, попрошу у них разрешения на ваше дальнейшее житье-бытье в шалаше.

Такого вывода никто не ожидал, и мы с Лешкой минуты две, пораженные, молчали. Потом я восхищенно сказал:

— Вот красота!

— Теперь дальше: мне сегодня очень нужно быть в нашем управлении. Там, может быть, уже готовы анализы. Кстати, я жду телеграммы из Красноярска. Вы останетесь здесь, в лесу, и будете охранять наше готическое сооружение, а я: три часа в Москву, три — обратно. Это шесть часов. Плюс часа два на заход к вашим мамам. Да потом мне надо купить продукты. Это будет восемь часов. Следовательно, к шести-семи я вернусь назад.

— Нет, это уж дудки! — вскочил на ноги Лешка. — Я тоже еду, и к бабушке эти... Кара-Тумбы.

— Не Кара-Тумба, а Кара-Бумба, — вежливо поправил его Владимир Сергеевич и обратился ко мне: — А твое мнение?

Я посмотрел на Зойку. Она сидела в уголке, притихшая, с настороженным взглядом, направленным на Владимира Сергеевича. Над ее головой, на еловых иголках, висели серебряные капли. Я знал, стоит Лешке показаться в Москве, в этот лес он больше никогда не вернется, а значит, и меня одного тоже не отпустят. И, следовательно, до будущего лета я больше не увижу Зойку.

В Москве я стеснялся звонить к ней по телефону. Мне, правда, много раз хотелось заехать в ее школу на велосипеде, но ее школа была очень далеко от нашего дома, а мама мне разрешала кататься только в пределах наших переулков. И я никуда не ездил.

— Ну и трус же ты какой, Алешка! — вдруг сердито сказала Зойка. — Если б я жила в вашем дворе, я бы всем девочкам рассказала, какой ты человек.

— Рассказывай на здоровье! И кому хочешь! А на самом деле я не трус, а разумный человек. И все девчонки меня поймут. А в щелчки вы с Юркой и в Москве сможете сыграть.

— Очень нужен ты девочкам, чтобы они тебя понимали!

Владимир Сергеевич зорко посмотрел на нас и сказал:

— Время для прений истекло. Все ясно. Юрка, вот тебе карандаш и бумага, пиши маме записку, а ты, Лешка, можешь ехать со мной.

— И ты поедешь? — спросил я Лешку.

— Конечно, поеду, — ответил он.

— Такой стал, да?

— Такой...

— Ну ладно, езжай, езжай к мамочке! Мы еще когда-нибудь поговорим на эту тему!

Я написал на бумажке:

«Ма! Я живу очень хорошо у Зои на даче. Ты не беспокойся. Нашему Владимиру Сергеевичу, который

тебе принесет записку, дай каких-нибудь продуктов и немножко денег. Целую тебя крепко».

— А ты, Лешка, — сказала Зойка, — можешь в Москве поцеловаться с любым фонарным столбом. Мы тебе разрешаем.

— Кто это мы? — спросил Лешка.

— Я, например, и Юра.

— Ха-ха! Тили-тили тесто — жених и невеста!

Эти слова для меня были очень обидными, и по ним я понял, что Лешка идет на разрыв со мной. Дескать, бог с ним, с этим Юркой! Проживу без него. А уж напоследок насолю!

И мне также хотелось сказать Лешке что-то очень обидное. Ведь не я же первый начал эту ссору!

Но пока Владимир Сергеевич доставал из рюкзака свой паспорт, пока зашнуровывал тапочки (он ходил по лесу босиком), я увидел, что на Лешкином лице появились тяжелые переживания: ехать или не ехать?

— Ну-с, до вечера! — сказал Владимир Сергеевич, пожимая мне руку. — С огнем не баловаться. Если хочешь, позволяю тебе пообедать у Зои. Встреча будет здесь, около шалаша.

— Есть! — ответил я по-военному.

Лешка подождал, пока Владимир Сергеевич скроется в гуще, а потом, схватив бумагу и карандаш, быстро нацарапал своей маме записку и стремительно побежал за ним...

Владимир Сергеевич не приехал к нам в шалаш ни в семь, ни в восемь, ни в девять часов вечера. Мы с Лешкой пообедали у Зойки, а поужинали у Сашки Косого. Тетя Груня дала нам по куску ржаного хлеба собственной выпечки и по два сырых яйца. Потом мы вернулись из деревни к шалашу и зажгли костер.

Что произошло с Владимиром Сергеевичем, я никак себе не мог представить. Попал под автомобиль? Свалился с поезда?

— А может быть, он получил у наших мам про-

дукты и удрал, а мы тут, как дураки, сидим в лесу и ждем? — говорил Лешка, помешивая в костре палкой. — Ведь мы же его совсем не знаем!

— Ну, как не знаем? Знаем! — сказал я. — Фотографии смотрели, этот самый... талисман.

— А документы он тебе свои показывал?

— Не-ет...

— Ну, вот видишь, а ты говоришь, что знаем. А может быть, у него там в паспорте стоит штамп: «Жулик»?

— На жулика он не похож, — сказала Зойка.

— А по лицу трудно узнать человека, — ответил Лешка. — Вот попробуй определи меня, какой я, хороший или плохой?

— Я-то уж тебя как облупленного знаю, — сказал я. — Ты серединка-наполовинку! У тебя семь пятниц в неделю.

— А Зойка какая?

— Зойка хорошая.

— А почему ты так говоришь? Потому, что вы знакомы с ней с прошлого года. И ты ее родителей знаешь и как она учится. А с Владимиром Сергеевичем мы ведь только вчера познакомились. И что мы о нем скажем? Ничего!

— А по документам тоже нельзя судить о человеке, — сказала Зойка. — Есть только один самый хороший способ узнавания: надо с человеком пуд соли съесть. Но сначала все равно нужно доверять людям. И не бояться их.

— Ой, какая философка нашлась! Доверять! Надо и проверять!

— Ладно, не волнуйся, — сказала Зойка. — Я за него ручаюсь!

Если бы не Зойка, мы с Лешкой в лесу ни за что бы не остались. Здесь было страшно. За кустами чудились какие-то звери и бородатые люди. То тут, то там, казалось, кто-то тяжело дышал и посапывал.

Наш шалаш находился в глухом ельнике. До деревни было километра с полтора, до станции лесом — километр. Ни дороги, ни тропок поблизости не

было. Лишь невдалеке от нас под пригорком возле деревенского кладбища журчал родник.

Мы просидели в лесу до десятичасовой электрички. Она прострекотала вдаль, тоненько просвистела и затихла около станции.

И вдруг до нашего слуха донесся далекий-далекий крик:

— Э-ге-ге-ге-ей! О-го-го-го-о!

— Владимир Сергеевич! — воскликнула Зойка. — Честное слово, это он! Слушай, Юрка, бежим встречать его! Он, может быть, что-нибудь несет. А ты, Лешка, подкинь в огонь хвороста!

Мы помчались по кустам к Владимиру Сергеевичу.

Да, да, это был он! Весь увешанный кулками, авоськами, бумажными свертками. Это был он, наш Владимир Сергеевич, уставший и запыленный и — честное слово! — в эту минуту самый родной человек.

Владимир Сергеевич распределил между мной и Зойкой свои свертки, положил себе на плечо свернутое одеяло с подушкой, и мы весело зашагали к шалашу.

— Ну, как вы тут прожили без меня? — спрашивал Владимир Сергеевич. — Не волновались?

— Волновались! Еще как! — ответил я. — Мы думали, ну, куда вы делись?

— А я там в Москве задержался. Малость не под-рассчитал со временем. И я тоже волновался: как вы тут?

— А вы наших мам видели?

— Видел! Вот они и задержали. Тут они такой надавали всякой всячины, что я еле-еле донес. До вокзала такси пришлось брать. Я им говорю, что нам ничего особого не надо, а они: «Надо!»

— А когда они велели приехать?

— Это я потом все подробно расскажу. Вот сядем у костра. А эта Тина Львовна, ой, смешная! «Владимир Сергеевич! Родненький, родненький! Вы Лешу своими глазами видели, да? У меня прямо все сердце изболелось! Зачем я его отпустила?» А я отвечаю:

«А зачем вашему сердцу болеть, он парень уже взрослый, себя в обиду не даст!»

И вдруг впереди, в темноте, мы услышали отчаянный крик Лешки:

— Караул! Спасите!

— Что за чертовщина? — удивился Владимир Сергеевич и на мгновение остановился.

— Спасите! — опять завопил Лешка.

Тут Владимир Сергеевич рванулся на голос.

Я тоже побежал за ним и летел, не чуя под собой ног. За мной неслась Зойка.

Что с Лешкой? Режут? Убивают? Вот тебе и отдохнули на даче!

К моей великой радости, Лешка был жив. Только он стоял около шалаша с выпученными глазами и трясся так, будто сию минуту вылез из проруби.

— Ты что орал? — подскочив к нему, спросил Владимир Сергеевич.

— Ч-черное и м-мохнатое... — еле выдавил из себя Лешка.

— Что черное?

— М-мохнатое! — опять отвечал Лешка. — Оно вышло и з-зарычало. А п-потом ускакало.

— Ну, медведь, что ли? — возбужденно спросила Зойка.

— Нет, не м-медведь, но на четвереньках... А л-лица нет.

— А может быть, это тебе показалось? — спросил я.

— Честное пионерское, не вру! — поклялся Лешка.

— Странно, что бы это могло быть? — задумался Владимир Сергеевич. — В лесу... в темноте...

И тут мы услышали неподалеку от нас какие-то звуки. Они походили то на плач ребенка, то на гор-таные человеческие вскрики. Потом где-то за шалашом — и очень ясно! — хрустнула ветка. Зойка прижалась к моему плечу. У меня отчаянно заколо-тилось сердце. Лешка втянул голову в плечи и замер.

— Во-от, слышали! — еле прошептал он.

— А откуда оно пришло? — спросил Владимир Сергеевич.

— Со стороны нашей дорожки!

— И что?

— Ну, как что? Я как увидел, так сразу и заво-пил! У нас ведь нет оружия!

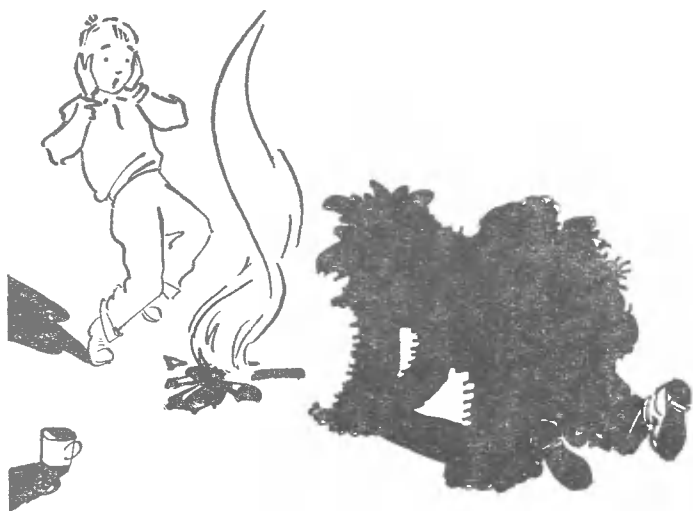
— А как оно убежало, на четвереньках?

— Нет, на дыбы, кажется, поднялось. Я не разо-брал. Костер плохо горел.

— Вот интересно было бы: приходим, а Лешку уже медведь сожрал! — пошутил я. — Так и дали бы телеграмму: «Погиб в желудке!»

Владимир Сергеевич поднес палец к губам — тише! — и, подобрав с земли березовую кору, поджег ее от костра. Кора ярко вспыхнула, и он с этим фа-келом пошел за шалаш.

Мы слышали, как он минуты две лазил по кустарнику, видели колеблющийся огонек и стояли рас-терянные и жалкие. Особенно мне было стыдно перед Зойкой.

А что мы с Лешкой могли поделывать? Оружия у нас никакого, кругом темнота, место вокруг шалаша нами не изведено...

Наконец Владимир Сергеевич вернулся.

— Никого нет! — сказал он. — Ни черного и ни мохнатого. А этот крик — филин! Но в общем завтра нам надо подумать о своей безопасности. Значит, ты сам, своими глазами видел, как тут кто-то стоял? — обратился он к Лешке.

— Своими глазами...

— В общем ладно... Наплевать и забыть! — сказал Владимир Сергеевич и дал команду укладывать продукты в шалаш.

На ужин мы сварили пшеничную кашу и кофе. Настроение у нас немного улучшилось.

Владимир Сергеевич очень подробно рассказал нам о том, как он познакомился в Москве с нашими мамами и как вместе с ними ходил по магазинам.

— Да, а на обратной дороге я ехал и думал, — добавил Владимир Сергеевич, — сколько нам тут

придется прожить, мы не знаем. Но для того чтобы в шалаше была дисциплина, надо распределить обязанности. Юрка, значит, у нас будет заведующий по продовольственной части. Лешку я бросаю на должность истопника. А Зоя, так как у нее папа — врач, она будет медиком. А себя я ставлю на пост начальника Кара-Бумбы. Какие будут соображения?

— Мы согласны, — ответил я.

— Значит, власть утверждена! — сказал Владимир Сергеевич. — Теперь я предлагаю установить дежурства. День дежуришь, два гуляешь, так?

— А что должен делать дежурный? — спросил Лешка.

— Вставать раньше всех, готовить еду, следить за чистотой. В этот день он является первым заместителем начальника Кара-Бумбы, и его приказы надо будет выполнять беспрекословно.

— Уж я тогда над Юрочкой поизмываюсь! — засмеялся Лешка. — Дайте мне только добраться до этих дежурств!

В общем мы согласились с новым порядком нашей жизни и после ужина стали готсвить постель ко сну.

Зойка очень боялась одна идти в деревню через лес, и Владимир Сергеевич приказал мне ее проводить.

— А может, нам с Лешкой вдвоем пойти? — с надеждой предложил я.

— Нет, — сказал Владимир Сергеевич, — Лешка будет здесь мне помогать.

Я взглянул на Зойку, представил себе путь до деревни и обратно к шалашу и, по-честному говоря, струхнул. Как же я один буду возвращаться назад? И вместе с тем мне очень хотелось проводить ее.

Когда мы с Зойкой выбрались из лесу на просеку, мы увидели над нашими головами темно-синее небо с миллионами звезд. На траве лежала холодная роса, но от пыльной проселочной дороги к нашим босым ногам шло тепло.

— Слушай, а ты в эту зиму никакого письма не получала? — тихо спросил я у Зойки.

— Нет, — ответила она. — А от кого?

— А ты не будешь сердиться?

— Нет.

Я отвернулся и сказал:

— От меня.

— А зачем ты мне писал? Ведь у меня есть телефон!

— Ну, телефон — это неинтересно. А твой дом номер шестнадцать?

— Восемнадцать.

— Значит, я ошибся. Жалко!

— Юр, — спросила Зойка, — а что там было... в письме?

— Ничего особенного. Просто я тебя приглашал на день рождения... Посмотри, а вон звезда падает. Видела?

— Видела.

— Говорят, когда падает звезда, надо задумать желание, и оно исполнится.

— А ты задумал?

— Задумал. А ты?

— Я не успела. А что ты задумал?

— Об этом нельзя говорить. Если скажешь — не исполнится.

— Ну, мне-то можно сказать?

— Вот тебе-то и нельзя!

— А почему?

— Нельзя, и все!

Это было очень интересно — разговаривать загадками и полунамеками.

Но тут же я в открытую признался, что всю зиму ходил на каток «Динамо» на Петровку и думал, что встречу там Зойку. Потом я однажды позвонил ей домой по телефону, а когда она подошла и спросила: «Кто говорит?» — я испугался и бросил трубку.

Вообще весь этот разговор и о письме и о катке я продумал еще давным-давно. Я решил: увижу Зойку, расскажу ей все. Но вот сейчас я ей все рассказываю, а она идет и тихонько улыбается. Отчего?

Пусть она старше меня почти на три года! Но я-то ведь рослый мальчишка, а она тоненькая, невысокая девочка, и можно думать, что мы ровесники. И то, что она уже проходила в школе какую-то там тригонометрию и анатомию человека, это еще ничего не значит. Я тоже буду их проходить. Но, может быть, я Зойке кажусь совсем маленьким?

Я вкладывал в свои слова особый смысл. Но Зойка словно не замечала этого. Она только пообещала:

— А знаешь, в эту зиму я тоже могу ходить на каток «Динамо».

До настоящей зимы еще было месяцев пять.

Мы постояли с Зойкой около дома и пошптались. Она сказала, что Нарик и Гарик все время ее зовут по вечерам танцевать к ним на веранду, а ей не хочется туда ходить. Эти ребята какие-то «лбы»: книжек не читают, ничем не интересуются. Когда они узнали от Зойки, что мы в лесу построили шалаш, то сказали, что этот шалаш они сожгут. А почему? Неизвестно.

— Да вы их не бойтесь, — добавила Зойка. — Они только хорохорятся. А пугнуть их как следует, они мигом разбегутся. Я их уже изучила. Они даже за меня как-то раз в совхозе заступиться не смогли, когда там один хулиган потащил меня за руку с ним танцевать.

Зойка влезла к себе в дом через окно. В доме уже все спали. Мы пожали друг другу руки, и я сделал вид, что пошел в шалаш.

Но — дудки! — в шалаш я не попал. Я забрался на старый сеновал за деревней и проспал там до зари.

Возвращаться одному в шалаш через лес мне было страшно.

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

Наутро мы с Лешкой с восторгом рассматривали все хозяйство, которое было привезено из Москвы. На землю из рюкзаков выкладывались мешочки с манной крупой и гречкой, картонные коробки с ма-

каронами, банки с топленным маслом, чай, соль, ложки, чашки, колбаса, печенье, алюминиевые миски и т. д. Оказывается, Владимир Сергеевич, познакомив наших мам со своим геологическим дипломом, сумел убедить их в том, что «дети» в шалаше отдыхают великолепно и единственно, что им нужно, это продукты. И тут уж мамы постарались!

Заодно они снабдили Владимира Сергеевича и кухонным ножом с деревянной ручкой, и огромной кастрюлей, и двумя одеялами с подушкой. В один из рюкзаков была воткнута короткая саперная лопатка и топорик.

Сколько все-таки нужно вещей для того, чтобы прожить человеку!

Для продуктов мы с Лешкой начали рыть погреб. Но Владимир Сергеевич сказал, что погреб без кирпичной обкладки — это чепуха. Он скоро обвалится, и в нем появятся мыши. Тогда на елке мы выбрали здоровый сук и начали на нем подвешивать на шпагате кульки и свертки. Получалось что-то вроде новогодней елки.

Под этой же толстой елкой из ровных стволов молоденьких осин мы без единого гвоздя соорудили четырехугольный стол с плетеной крышкой и три скамейки. Рядом с шалашом над костром на случай дождя был поставлен густой навес из еловых веток.

Через день-другой о нашем шалаше, видно не без участия Сашки Косого, прослышали в двух соседних деревнях, и к нам, поглядеть на наше житье-бытье, стали приходить совершенно незнакомые люди. Молоденькие воспитательницы деревенского детского сада приводили по утрам своих малышек, и те, заглядывая к нам в шалаш, будили нас словами: «Дяденьки, вставайте!»

Пришел как-то раз лесник, здоровенный мужчина в сиреневой заплатанной рубашке, с бородой и ружьем. Мы ему налили кружку кофе, дали сахару и стали расспрашивать, а не водятся ли в его лесу медведи.

— Медведи, буде? — переспросил он. — Отродясь не видывал! Что касемо лосей, то это, буде, водятся. Я сам стою на реке, гляжу, буде, переплывает

какое-то дерево, да против течения прет! Удивительно, какая новая физика, буде, думаю. Дерево, а против течения! А потом гляжу, буде, это дерево на берег на четырех ногах вылазит...

— Вот фольклор! — восхищенно шепнул мне Лешка. — «Буде» да «буде». — И обратился к леснику. — А вы какие-нибудь народные причеты знаете?

— Чего, буде, сказываете?

— Я говорю, ну, вы какие-нибудь сказки знаете или причитания?

— Сказками, буде, не балуюсь, — ответил лесник, — и причитания не знаю. А вот бабка Кузьминична на том берегу, буде, километров за десять, — она как хор Пятницкого, про

что хошь, буде, проголосит. Она и в клубу выступала...

Лесник еще выпил кружку кофе, церемонно поклонился и, сказав: «Ну, радуйтесь тут, люди!» — ушел. Однако вскоре он вернулся и добавил: «Вы с огнем, буде, не того! А то я вас, буде, того!» И опять скрылся в кустах.

Зашла к нам как-то тетя Груня и, увидев, как мы уплетали за обе щеки картошку в шелухе, сказала:

— А может, вам в готовке пособить, а? Вы, ребята, меня не стесняйтесь. Хотите, я вам буду готовить, и вы ко мне будете приходить? Тут можно и мясца достать говяжьего али курочки. А вы небось все всухомячку да всухомячку?

— Спасибо, тетя Груня, — сказал я, — но мы не всухомячку... У нас все бывает: и первое, и второе, и третье.

— Ну?! — улыбнулась тетя Груня. — Как в чайной?

Наше первое приключение с «медведем», вернее

с непонятным существом, каким-то образом очутившимся вблизи нашего шалаша, забылось не скоро. Мы сделали вокруг шалаша плотную изгородь из заостренных осиновых кольев и вырезали два дубовых «дрына» для самообороны.

И вот наступил долгожданный отдых. Наш шалаш стал теперь крепостью, неуязвимой со всех точек зрения: продукты у нас есть, безопасность жилья гарантирована.

Первый свободный от работ день мы с утра до вечера купались, на второй день мы ходили за ягодами, на третий — делали себе луки и стрелы и стреляли, как индейцы, в цель, в Лешкину тюбетейку.

А на четвертый я задумался: ну ладно, вот мы едим, спим, отдыхаем в лесу, а дальше что? Неужели и все лето так пройдет?

— А хотя бы и так, — глубокомысленно сказал мне Лешка. — Чем плохо? Тут птички поют, там разные букашки чирикают.

— Но ведь так же скучно — только жрать и спать!

— Ну не жри и не спи, а по мне это в самый раз... Дети должны наслаждаться своим золотым детством. Так сам Толстой сказал.

— Значит, надо баклуши бить?

— Во-первых, ты мне объясни, что такое... «баклуши», а во-вторых, если кто и бьет их, то все равно, значит, работает... — У Лешки был иронический тон.

— Слушай! — сказал я. — Ну, зачем мы сюда приехали? Я считаю, что мы приехали сюда для того, чтобы закалять и вырабатывать характер. Так? А характер вырабатывается в борьбе с жизненными трудностями. Теперь дальше: сейчас у нас нет жизненных трудностей, но мы их можем сразу добыть.

— А как? — спросил Лешка.

— Очень просто. Мне сейчас в голову пришла великолепная идея: надо отказаться от всех денег, которые у нас есть, от помощи пап и мам, и надо начать самостоятельную жизнь!

— Что?! Самостоятельную? — удивился Лешка.

— Да.

— Без пап и мам?

— Да.

— Не выдержим! — сказал Лешка.

Этот Лешка был настоящим маменькиным сыночком! В школе все ребята собирают металлолом: таскают на плечах водопроводные трубы, приносят невесть откуда битую чугунную фасонину от канализации, а Лешка стоит в сторонке и наблюдает. Ему-де нельзя таскать, у него аппендицит! Мы в школьном дворе начинаем сажать яблони: роем ямки, заливаем их навозной жижей, а Лешка ходит вокруг нас и бормочет: «Вы, ребята, с землей поосторожней. Проткнете чем-нибудь палец, и будет у вас столбняк!»

«Столбняк», «аппендицит!» Вот и сейчас: «Не выдержим!» Что за странный человек?

Владимир Сергеевич при этом разговоре не присутствовал. Он ходил на станцию за свежей газетой. Но когда вернулся, вдруг спросил нас:

— Друзья, а вы знаете, что самое плохое на свете?

Мы с Лешкой умолкли.

— Самое плохое на свете, — продолжал Владимир Сергеевич, — это безыдейное существование. Понятно?

— А мы тут при чем? — перебил его Лешка.

— При том, что мы с вами уже четвертый день зазря небо коптим. Мы ничего не делаем: ни хорошего, ни плохого. А посему совещание по вопросу о смысле жизни в нашем шалаше считаю открытым. Кто хочет слова?

В предвечерней тишине леса было отчетливо слышно далекое «ку-ку». За оврагом в пионерский горн дудел пастух. Оттуда слышалось мычание, хлопанье хлыста и крики подпасков: «Э-эй, комолая! Куда понесло?» Вероятно, стадо уже потихоньку шло к деревне. До нашего слуха долетал приятный церковный звон. «Дилинь-дон! Дилинь-дон! Дилинь-дон!» — захлебывались многочисленные колокольчики.

— А мы с Юркой уже говорили на эту тему, — сказал Лешка. — И он, знаете, что предлагает? Вот

чудак! Чтобы мы отказались от всех папо-маминых продуктов и начали бы самостоятельную жизнь!

При слове «самостоятельную» Лешка поднял указательный палец и засмеялся.

— Ого! Интересный разговор. Прямо о пионерских «ступеньках», — улыбнулся Владимир Сергеевич. — Ну, и на чем же вы порешили?

— А ни на чем. Не выдержим!

— А сколько дней будут продолжаться ваши, то есть наши, испытания? — спросил Владимир Сергеевич.

— Я предлагаю весь шалашный период.

— Веселенькая затейка! — пробурчал Лешка. — Обалдел!

— А я стою за это испытание, — вдруг обрадованно сказал Владимир Сергеевич. — Это любопытно придумано. И так, голосуем. Кто за самостоятельную жизнь? Кто против? Кто воздержался?

Лешка поднял руку.

— Против нет. Воздержался один, — сказал Владимир Сергеевич. — Но так как меньшинство подчиняется большинству, то завтра мы все начинаем трудовую жизнь. На имеющиеся у нас продукты накладывается «вето», что означает запрет. Кто не работает — тот не ест! Ура, товарищи!

— Подождите, а у меня вопрос, — сказал Лешка. — А как быть с одеждой, кастрюлями, топором и другими вещами? Их что, придется сдавать?

— Нет, сдавать не будем, — ответил Владимир Сергеевич.

— Но ведь эти вещи не наши, а пап и мам!

— А мы предположим, что мы их взяли в долг или нам, так сказать, их подарили.

— Ладно, — вдруг торжественно сказал Лешка. — А давайте также и продукты и деньги возьмем будто в долг или предположим, что нам их подарили. Вот и весь выход из положения!

— Товарищи, — будто стоя на трибуне, официальным голосом сказал Владимир Сергеевич, — мы, кажется, этот вопрос решили, и вновь к нему возвращаться уже нет смысла.

— Но что мы будем есть на ужин? — закричал Лешка.

— Ни-че-го, — по складам разъяснил Владимир Сергеевич. — Это даже полезно. Один врач говорил: завтрак съедай сам, обед подели с другом, а ужин отдай врагу. В общем теперь мы с вами несчастные сироты! Но у нас есть голова, руки и ноги.

И, словно для того, чтобы лишний раз показать свои ноги, Владимир Сергеевич стал затапывать костер.

Но в этот вечер мы все-таки поужинали. Мы съели колбасу, привезенную из Москвы. И не оттого, что у нас не было воли отказаться от нее, а лишь для того, чтобы ее не выбрасывать: к утру она могла протухнуть.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ПАМПУШКИ!

Наша самостоятельная жизнь началась ранним дождливым утром, когда мы, промокшие до нитки, вылезли после ночи из шалаша и пытались разжечь костер.

Спички и дрова были мокрыми. Единственная надежда была у нас найти в золе хоть одну маленькую искорку.

Осторожно тоненькой палочкой мы стали разгребать глиноподобную золу, и вскоре под толстым пластом на конце обгоревшего сучка мы обнаружили маленький розовый огонечек.

Под нашими губами он то ярко разгорался, то мерк и никак не хотел переходить на сухой мох, найденный в шалаше. Мы с трепетом смотрели на огонек, и наши сердца замирали, когда он потихоньку начинал покрываться матовым налетом.

Наконец микроскопическая искорка поползла по одной из ниточек мха и перескочила на соседнюю.

— Теперь я... один! — вдруг еле слышноскомандовал Владимир Сергеевич и, вытянув губы, стал дуть на мох.

Розовые ниточки все больше и больше расплзались по сторонам, и в руках у Владимира Сергеевича

вскоре очутилось огненное гнездышко с выгоревшей серединкой.

— Ух, спасены! — вздохнул он и, положив «гнездо» на землю, прикрыл его новым мхом, иголками и листьями. И вдруг над всей кучкой, словно над маленьким чумом, заколебался едкий дымок.

Вскоре мы разложили большой костер, для того чтобы обогреться, и маленький — для кастрюли с водой.

Умывшись на роднике, мы сели завтракать, то есть выпили по стакану горячей воды с брусничным листом.

У меня и у Лешки вода в желудке свободно переливалась, и эти «переливы» были очень хорошо слышны Владимиру Сергеевичу.

— Ну-с, товарищи романтики, — наконец спросил он, — надо завтракать, а чем? Денег и хлеба нет. Но есть желание стать полезными людьми.

— Я предлагаю на завтрак варить топор, — оптимистически сказал Лешка. — Помните, как в одной сказочке солдат топор варил? У нас будет суп из топора, а на второе мы его обсосем, как будто сахарную косточку. Вот проблема и решена!

— Уж лучше тогда ботинки взять, — сказал я, — они из кожи. Это очень вкусно — навар из подметок! А каблуки у нас на жаркое пойдут. С хреном съедим...

— Ну вы, дети! Развеселились! — сказал Владимир Сергеевич. — Я вас серьезно спрашиваю, а вы хиханьки да хаханьки!

— А знаете, — вдруг осветился Лешка, — деньги на хлеб будут! Я думал об этом всю ночь.

— Значит, ты хлеб берешь на себя? — спросил я.

— Беру.

— Чудесно! — сказал Владимир Сергеевич. — А мы с Юркой берем на себя другое съестное. Только, чур, деньги у Зойки не добывать!

— Ну зачем мне Зойка? — улыбнулся Лешка и, взяв кастрюлю и стакан, пошел по направлению к станции.

— Убежит? — спросил я Владимира Сергеевича.
— В Москву? Да нет, не думаю. А убежит — бог с ним! Нам такие люди не нужны.

— А какие нужны?

— Люди дела! Раз постановили — значит, выполняй! А то куда это годится: сегодня скажешь одно, а завтра — другое. Сам себя уважать перестанешь. А это самое страшное на свете.

По серому зеркалу Оки расходились миллионы маленьких кружков; мелкий дождик шуршал в кустах ивняка, выбивал на песке рябинки. Зеленые окрестности были задернуты легким туманцем. В природе было что-то такое осеннее и печальное.

«А может быть, и мне поехать в Москву? — думал я. — А ну его... этот шалаш и «самостоятельную» жизнь!»

Сняв брюки, в рубашках — дул холоднотатый ветер — мы с Владимиром Сергеевичем начали ловить рыбу... руками.

Я предлагал сбегать в деревню к Сашке Косому за удочками, но Владимир Сергеевич махнул рукой:
— Ладно, обойдемся. На одном конце крючок, на другом дурачок! Рыбу можно по-всякому ловить...

— А правда, что и с помощью борной кислоты ее можно ловить? — спросил я. — У нее вздувается пузырь, и она всплывает!

— Ей бы ты еще на нос люминала насыпал.

Мы подходили в воде к ивовому кустарнику и осторожно шарили под его корнями. Владимир Сергеевич мне сказал, что в дождливую погоду рыба любит стоять в корнях или под корягами. И в подтверждение своих слов он вскоре выкинул на берег маленького окуня. Я выломал прутик с сучком на конце и продел ее сквозь рыбы жабры и рот.

Я несколько раз чувствовал, как в мои ладони тюкались рыбки, но схватить мне их не удавалось.

— А ты не торопись, медленно, без шума, — погружившись по горло в воду и еле заметно подбываясь к ивняку, учил меня Владимир Сергеевич, и вдруг — цоп! — в его руке опять блестит рыбка!

За час мы наловили семь рыбок. В конце концов и я поймал одну: серебряной елочкой висели они у нас на прутике и тянули граммов на двести пятьдесят. Как-никак, а завтрак у нас все-таки был.

Я то и дело выскакивал из воды и, посиневший, бегал по берегу. У Владимира Сергеевича лицо было в мурашках, и он отчаянно щелкал зубами.

— Вот бы сейчас стаканчик горячего какао да яичницу с жареной ветчиной! — говорил он, переходя по реке с места на место.

— А может быть, лучше сосиски с пюре на мо-локе?

— Нет, пельмени с маслом... Эх, каналья, ушла! — горько вздыхал Владимир Сергеевич. — И здоровая была, на полкило. Вот бы поели!

Мы еще с полчаса ходили по реке, но поймать еще какую-нибудь дурную уклейку или зазевавшегося пескаря нам не удалось.

Придя к шалашу, мы рыбу почистили, посыпали солью и уложили в кастрюлю. После чистки рыбки сделались еще меньше, но Владимир Сергеевич не огорчился. Он то и дело подливал в кастрюлю воды.

— Одно ведро воды, — говорил он, — заменяет сто граммов мяса, а два ведра воды — два яйца. И стоит только нам вскипятить три ведра воды, как у нас будет королевский завтрак!

В кастрюле уклейка догоняла уклейку.

Наша «уха» бурлила долго, а Лешки все не было. Без него завтракать мы не могли.

Мы с Владимиром Сергеевичем лишь в порядке пробы съели по четыре ложки ухи. И остались довольны. Мутно-серая эмульсия с костями была приятно солоноватой и имела далекий запах рыбьего жира.

— А Лешка, видимо, все-таки удрал к своей мамочке, — сказал я, вдыхая парок над кастрюлей. — Уже к Казанскому вокзалу подъезжает.

— Ты прав, надо садиться за стол, — сказал Владимир Сергеевич. — Что ж, будем есть без хлеба.

— Слушайте, Владимир Сергеевич, — сказал я, — а может быть, взять нам какой-нибудь крупы и насыпать в кастрюлю? Все-таки сытнее будет.

— А уговор?

— Да бог с ним, с этим уговором!

— А ты, брат, малодушный, — усмехнулся Владимир Сергеевич. — Говорил, надо воспитывать волю, надо закалять характер, а сам? Можешь, конечно, брать продукты. Там, кстати, на веревочках висит и масло и сахар. Я их рюкзаком прикрыл — не промокли.

Он взял ложку и принялся хлебать нашу уху.

Кастрюлю мы уничтожили в пять минут. Но не всю. Мы еще надеялись, что придет Лешка и спросит свою порцию.

Дождь перестал. С неба уходили последние тучи, и лес ежеминутно менял свое освещение: то становился ярко-зеленым от солнечных лучей, то моментально темнел. И миллионы капелек на ветвях, на сосновых иголках, на цветах то вспыхивали, как алмазы, то угасали. И птичий щебет то умолкал, то раздавался с новой силой. Потом вдруг все зазеленело, зацвенькало, засверкало, и к нам в лес пришло ослепительное, жаркое утро.

— Да здравствует шалаш — поели и шабаш! — воскликнул Владимир Сергеевич. — Начинаем трудовой день! Сегодня у нас — разведка: где работа, какая работа? Мы можем пойти на подсобное хозяйство дома отдыха, в колхоз. А то и на Оку. Видел, там баржа с цементом пришла? Станем грузчиками! Лучше помогать от чистого сердца, чем болтаться без дела. Все работы хороши, выбирай на вкус...

Мы прикрыли наш шалаш «дверью», сплетенной из еловых ветвей, предварительно уложив в него все походное имущество, и снова отправились на реку.

Маленькая баржа была причалена к деревянным жиденьким мосткам. Она была уже наполовину разгружена, и цемент в мешках лежал под брезентом на берегу. Около баржи нас встретила женщина-сторож.

— Скажите, тетя, — обратился к ней Владимир Сергеевич, — а чья это баржа?

— Колхозная.

— А разгружать будете?

— Конечно. Тут ребята были, Мишка да Петька, а потом ушли. Говорят, мало платят.

— А сколько платят?

— Рубль за мешок. Вынести из баржи и уложить. А в мешке, чай, килограммов сорок.

Владимир Сергеевич, прищутив глаз, прикинул расстояние от баржи до штабеля мешков и спросил:

— А деньги когда?

— Разгрузите и сразу получите.

— Без ведомостей?! — улыбнулся Владимир Сергеевич.

— Да зачем они, волынку разводить! Мне председатель дал сотню и говорит: рассчитывайся сама.

— Отличная постановка дела! — сказал Владимир Сергеевич и, сняв с себя рубаху и штаны, бросил их на траву.

Эта работа была очень тяжелая. Помогать Владимиру Сергеевичу я не мог. Я только стоял в барже на мешках и пытался за края подцепить их и поудобнее укладывать на его спину.

Шатающиеся мостки прогибались под ногами Владимира Сергеевича, и он ежесекундно мог свалиться в воду. Его черная загорелая спина покрылась цементной пылью, которая смешалась с потом и струилась по ложбинке между лопаток.

Владимир Сергеевич вынес на себе двадцать мешков, а потом лег на траву и закрыл глаза. Я сел около него и молчал. У него высоко вздымалась грудь и на шее пульсировала жилка.

Владимир Сергеевич заработал двадцать рублей. Мы их тут же получили и пошли отмывать рабочий пот.

— Даром деньги никому не даются! — сказал Владимир Сергеевич. — Но главное, честное слово, не в деньгах, а в том, что поработал, сделал дело.

В буфете на станции мы купили батон белого хлеба, бычки в томате и свежих огурцов.

Неподалеку от шалаша, пробираясь через кусты, мы случайно забрели в малинник. Красно-фиолетовые прозрачные ягоды, еще влажные от дождя, слов-

но маленькие китайские фонарики, гирляндами висели на кустах, окруженных крапивой.

— Ну, вот нам и еще дело подвернулось! — подмигнул я Владимиру Сергеевичу.

Малина была сочная, сладковатая. Я сначала, сняв ягоду с ножки, заглядывал в ее беленькое бархатное нутро — нет ли там червяка, — но, не найдя во многих ягодах и намека на его существование, отказался от предварительной проверки и пустил малину в «переработку» с удвоенной энергией.

Но вот около шалаша послышались какие-то женские голоса.

Потом мы увидели, как мимо нас с чайником к роднику пробежал... Лешка. Вот так новость!

Нам захотелось посмотреть на незнакомых пришельцев, и мы решили подобраться к шалашу незаметно.

Первое, что мы увидели сквозь кусты, — это наш стол. На нем на развернутых бумажках лежали колбаса, плавленый сыр, яйца, открытая банка шпрот.

— Мама! — закричал я и бросился к маме, которая на четвереньках вылезала из шалаша. Следом за ней показалась и Тина Львовна.

Обе мамы горячо поцеловали меня, а увидев Владимира Сергеевича, протянули ему руки.

— Владимир Сергеевич, что это значит? — вдруг возмущенным голосом сказала Тина Львовна. — Выходим мы на станцию и вдруг видим — ну, подумайте только! — мой мальчик на перроне. И что он делает? Торгует земляникой! Я его спросила: «Сколько стоит?» А он: «Два рубля стакан!» Держит в руках кастрюлю и торгует! Я прямо заплакала: «Леша, объясни, что это такое?» А он: «Мы так решили!»

Скажите, что это значит? Что вы решили? Как вы решили?

Но Владимир Сергеевич что-то промычал в ответ и тут же, улыбаясь, пошел в лес за дровами.

Лешка принес с родника чайник и повесил его над костром на толстой палке. Потом он полез в шалаш и, вытащив оттуда буханку черного хлеба, положил ее на стол и торжественно сказал:

— Вот! Моя! А у вас что-нибудь есть?

Я показал ему пальцем на кастрюлю с «ухой».

Тина Львовна взяла кастрюлю в руки, понюхала ее и брезгливо поставила на стол.

— Ты что даешь? — спросила она меня. — Ты видел, что ты даешь ребенку?

— Это уха, мы тоже ею питались.

— А ты загляни в кастрюлю, загляни!

Я заглянул в кастрюлю и ахнул. В нашей ухе было полно еловых иголок, которые, видно, напали туда с шалашных веток.

— Подумаешь, иголки! — сказал я. — С ними даже вкуснее. Это витамины.

— Вот ты сам и доедай витамины, а Леша будет питаться по-человечески, — сказала Тина Львовна и принялась делать бутерброды. — И вообще садитесь все за стол. Сначала поедим, а потом пойдем гулять.

Наши мамы в четыре проворные руки быстро вымыли стаканы, ложки, тарелки, поставили сковородку на угли и зажарили яичницу с луком и колбасой. Откуда-то у нас на столе появилась бумажная скатерть и букетик ромашек.

Моя мама то и дело гладила меня по голове. Лешкина тоже не сводила глаз со своего чада и причитала:

— Господи, на кого он похож! Похудел, оборвался, на шее космы... Совсем в папуаса превратился...

Я наблюдал за Лешкой. Он все время поглядывал на стол с богатой закуской, но одновременно не сводил глаз и с нашей «ухи». Его, видно, очень интересовало: а как мы выполнили свой долг? Потом он незаметно от мамы взял в руки ложку и хлебнул нашего варева. Рыбно-хвойный экстракт, видно,

был слишком крепок: Лешка тут же выплюнул его и еще с минуту после этой процедуры ходил с открытым ртом, часто-часто дыша и ежесекундно отплевываясь.

— Хороша кашка, да мала чашка! — сказал он.

Пока наши мамы заканчивали приготовления к обильному обеду, мы устроили тайное совещание.

Положение было тяжелое. С одной стороны, мы поклялись жить самостоятельно, а с другой — в этот полуголодный день у нас от снеди ломится стол. Как быть? И тем более, что Лешка ничего не ел.

Мы с надеждой смотрели на Владимира Сергеевича: что он скажет? Мы чувствовали, что он человек твердый. Но неужели в этот «родительский» день он не снимет с нас клятвы?

— Вот, слушайте, ребята! — вдруг произнес Владимир Сергеевич. — Наше слово нерушимо. Однако, если ваши мамы узнают о нашем секрете, нас будут бить. Так что да здравствует на один день колбаса и прочие пампушки!

Мы были готовы расцеловать Владимира Сергеевича и, не дожидаясь маминых приглашений, бросились к столу. После первой чашки чаю Тина Львовна вдруг подняла руку:

— А вы знаете что? Я привезла вам подарок, — сказала она и полезла в кожаную сумку. — Вернее, «вам» вообще, а в частности моему сыну. Вот смотрите...

Хотя я и недолюбливал Тину Львовну, но в этот раз она меня необычайно подкупила: в ее руках я увидел новенький фотоаппарат «ФЭД».

Этот «ФЭД» принадлежал Лешкиному отцу и все время лежал в его столе без дела, но теперь он будет в верных руках! Мы уж тут зафиксируем для потомства всю нашу жизнь!

Еще Тина Львовна привезла Лешке шерстяные носки и ватные... трусики! Да, да, они были с подкладкой, и под ней лежал тонкий слой ватина.

— Ну, шедевр! — сказал Лешка. — А ватной майки ты не привезла?

— Леша, не смейся! — сказала Тина Львовна. — Ты еще обо мне не раз вспомнишь! Вы спите на сырой земле, и очень легко получить радикулит. А наденешь трусики — и тебе сразу станет тепло.

Торжественный приезд наших мам в шалаш был запечатлен на пленке до самых мельчайших подробностей. Мы их сфотографировали и в лесу, и на реке, и спящими в шалаше.

Под конец дня, перед отъездом в Москву, они уже окончательно согласились с нашим цыганским существованием и даже перешли на восклицательные фразы: «Ах, как здесь прелестно! Ах, какой воздух! Ах, как пахнут эти цветы!»

И, слыша эти восклицания, мы были очень счастливы тем, что доставили нашим мамам большую радость.

ИСПЫТАНИЯ

Вероятно, все беды накликать Владимир Сергеевич. И оттого, что уж слишком хорошо он разбирался в народных приметах.

Как-то раз поутру, проснувшись и крикнув в лес свое любимое «Э-ге-гей!», он сказал:

— Дело пахнет керосином. К дождю! Хорошая слышимость звуков.

И действительно, через полчаса начался дождь, долгий и нудный. Но стоило ему иссякнуть под вечер, как Владимир Сергеевич опять сообщил:

— Ласточки летают над землей, гоняются за низко летящими насекомыми. К дождю!

И среди ночи я проснулся оттого, что мне на нос капала вода: кап, кап, кап.

Я Владимиру Сергеевичу сказал: «Да бросьте вы каркать, честное слово!», — но он опять наутро свое: «Уж больно трава сегодня пахнет сильно и лягушки квакают. К дождю!»

Короче говоря, из-за того, что в природе, видно, началась подготовка к всемирному потопу, на нас обрушилась целая серия дождей: проливных, обложных, грибных и морозящих. Они были с мол-

ниями и без молний, с ужасными ударами грома и еле-еле слышными.

Земля и вода в реке стали холодными. Ботинки и тапочки у нас не просыхали.

Мы с Лешкой решили подсушить наши ботинки на костре — нацепили их на палки и стали вертеть, как шашлык, над углями, — и через полчаса они у нас так скрючились, что на ногу надеть их уж было невозможно. Теперь пришлось нам ходить босиком.

В такую погоду бегать к реке и умываться нам не хотелось, и наши руки и лица от вечной возни с костром покрылись толстым слоем сажи. От дыма и грязи у нас воспалились глаза и стали слезиться.

Я стал кашлять трубным голосом, а у Лешки так из носа потекло, что Владимир Сергеевич шутил над ним: «Нашего Лешеньку подключили к водопроводу!»

И ко всему этому у нас болели спины и шеи, обожженные раньше на солнце.

А вскоре к нам пришла еще одна напасть: мы дружно начали болеть животами. И в этом виноват был я.

Однажды, когда Владимир Сергеевич и Лешка отправились ловить рыбу, а я остался дежурить, мне пришлось в голову сварить настоящий лесной обед. Может быть, я бы и не стал этого делать, но выбора не было: подмокший рис у нас протух, стал желтым и противно вонючим, а гречневая крупа разбухла и чуть ли не проросла.

Я все-таки остановился на гречке. Решил сделать кашу. Но пока я ходил за хворостом, перекладинка, на которой висела кастрюля над сильным огнем, перегорела, и вся моя каша упала в костер, и алюминиевые ручки кастрюли расплавились.

Я стоял над костром озадаченный: шутка ли сказать, какая ж в костре была температура, если стал плавиться металл? Эге, тут надо быть осторожным!

Но через час я опять оплошал. Я приготовил суп, в который бухнул все то, что у меня находилось под ногами: грибы, крапиву, щавель, лопухи, укроп, доба-

вил в воду три завалившиеся картошки— и стал варить это волшебное снадобье.

Сколько раз я видел на кухне, как мама готовит обед, но так и не удосужился спросить, а как узнать, готов ли суп, сварилось ли мясо. Я видел, что мама то и дело тычет в жарящиеся котлеты вилкой, а зачем это она делает, я не спрашивал. И зря.

Я так долго варил свой суп, что он у меня... пригорел. Это было, вероятно, уникальное событие в истории поварского дела. Суп — и пригорел!

Мои друзья, вернувшись с речки, продрогшие и голодные, накинулись на еду и стали ругать меня на чем свет стоит. Но так или иначе, а есть было нечего, и мы все-таки уничтожили мой несчастный суп.

А через час первым в кусты стрелой метнулся Лешка.

Ночами в шалаше нам было очень холодно, и мы теснее прижимались друг к дружке.

И вот когда Лешка вспомнил свою маму. Он ложился спать в ватных трусиках и надевал шерстяные носки. А мы с Владимиром Сергеевичем в наши носки набивали теплую золу и засовывали ноги в рюкзак.

По-честному говоря, нам с Лешкой было очень тяжело. Бывало, вечером пройдет по Оке пароход «Москва — Горький», весь сияющий, весь в разноцветных огнях, с музыкой на палубе, и мы долго-долго глядим ему вслед, и нам обоим очень понятно, о чем в эту минуту думает каждый.

Но Владимир Сергеевич не унывал. Он то и дело мурлыкал себе под нос веселую песенку:

Если ваши ноги сводит лютый холод,
Сыплется за ворот дождик или снег,
Вспомните, что где-то бродит вовсе голый
С вами в общем очень схожий
снежный человек!

И улыбка без сомненья
Вдруг коснется ваших глаз...

Правда, вскоре после того, как мы по предписанию Зойки начали пить отвар из черники, животы

наши прошли. Перестали болеть также и спины, которые мы регулярно стали смазывать раствором крепкого чая. («В чае есть танин!» — сказала Зойка.)

Вместе с нашими хворостями улетучились и дожди.

Но тут ждали нас новые испытания.

Владимира Сергеевича свалила ангина.

Я еще ночью в полусне, прижимаясь к его теплому боку, почувствовал, как он сильно дрожит. Мне показалось, что это от утреннего холодка, и поэтому я уделил начальнику Кара-Бумбы кусок одеяла. Но дрожь у Владимира Сергеевича не прекратилась даже и тогда, когда в шалаш вполз удушливо-жаркий полдень.

Лицо у Владимира Сергеевича сделалось мертвенно-бледным, глаза впали.

Владимир Сергеевич вышел на самый солнцепек. Он пил, обжигаясь, стоградусное кофе. Но температура не падала.

Мы сидели около нашего вождя, опустив руки, и не знали, как помочь человеку. И вообще с чего начинать день? Чем заняться?

— Это у меня частенько бывает, — сказал Владимир Сергеевич. — Проклятьи!

— А может быть, достать лошадь и в деревню вас перевезти? — спросил я.

— Не надо. Пройдет. Идите работенку искать.

— А вы как же? — спросил Лешка.

— Я тут один... полежу...

— А вдруг вам плохо будет? — запротестовал я.

— Хуже этого не будет, — ответил Владимир Сергеевич и добавил: — Я сейчас записку Зойке напишу. Она, наверное, уже на пляже. Отнесет ее Лешка. Только там не купаться!

И Владимир Сергеевич написал:

«Зоя! Я вас очень прошу, достаньте немножко пенициллина. Я.»

Когда мы отошли от шалаша, Лешка спросил:

— Ну, что порешим? Его ведь нельзя одного оставлять! И вообще ничего себе положеньице: денег нет, мы голодные... Вот дураки, взвалили на себя

какую-то идиотскую клятву, а теперь как медведи лапу сосем!

— А может, нам опять снять запрет с продуктов? Только для Владимира Сергеевича?

— И заодно и для нас... — Лешка заискивающе поглядел мне в глаза. — В виде исключения, а?

— Ну что ты! С Владимиром Сергеевичем каши не сварить! — сказал я. — В общем пока. Я в колхоз!

— Будешь коров доить?

— Как придется. А ты со мной?

— Нет, я сначала на пляж. К Зойке. А потом в дом отдыха. Я уже решил.

Дом отдыха стоял над рекой, на крутом взгорье. Это было красивое ослепительно белое здание с колоннами, балстрадами и грибовидными беседками, в которых всегда сидели старушки. В лесу мы часто встречали медленно шествующих мужчин с толстыми и лоснящимися лицами. Обычно они ковырялись во мху своими тростями: искали грибы. А те, кто был помоложе, с утра до вечера играли в теннис или лежали в голубой купальне на плоту, закрыв лицо газетной треуголкой.

По вечерам дом отдыха был освещен яркими фонарями и казался волшебным дворцом, парящим над землей. Когда ветер дул в нашу сторону, до шалаша с танцевальной площадки долетали звуки аргентинского танго «Не покидай меня!». Музыка то затухала, то нарастала. От грустной мелодии почему-то щемило сердце, и мне, например, в этот момент очень хотелось увидеть Зойку.

Мы лежали в темноте на хвое и очень хорошо представляли себе желтый блестящий паркет, сияющие люстры и молодых людей, которые танцуют с красивыми девушками.

Лешка мне как-то таинственно сообщил, что после танцев все отдыхающие расходятся по аллеям и начинают целоваться. И тут же он спросил:

— А ты бы Зойку... поцеловал?

Я трижды смачно сплюнул на землю и передернулся:

— Охота была пускать слюни!

— А я бы поцеловал! — убежденно сказал Лешка. — Том Сойер целовался с Бекки Течер? Целовался! Ну, а я рыжий, что ли?..

Может быть, Лешка и был честнее меня в своем откровении, но мне не хотелось посвящать его во все свои думы о Зойке. А я иногда даже мечтал жениться на ней. Вот вырастем большие, по утрам будем делать вместе физзарядку. Потом уедем из Москвы куда-нибудь в тайгу, как геологи. Построим там шалаш. Зойка будет варить обеды, а я буду с ружьем добывать дичь. А потом мы там откроем какую-нибудь руду.

Лешка пошел к дому, отдыха, размахивая «ФЭДом». Оставить фотоаппарат в шалаше он побоялся. «Еще, чего доброго, заснет Владимир Сергеевич, и фотоаппарат кто-нибудь свистнет!»

Я смотрел ему вслед и долго колебался: а не пойти ли вместе с ним? Ну, приду в колхоз, ну, скажу, что мне хочется поработать. А дальше что? Там, конечно, спросят: «А что ты умеешь делать?» Я отвечу: «Ничего!» — «Ну, и до свиданья!» — скажут. И пойдешь не солоно хлебавши...

В страшном душевном смятении я направился в правление колхоза.

Около правления — кирпичного дома с широкими окнами — стояла новенькая «Волга». Об ее передний буфер терся поросенок. Над шиферной крышей дома возвышалась алюминиевая телевизионная антенна. На доске объявлений висело: «Товарищи колхозники! Организуется экскурсия на один день в Ленинград! Полет на «ТУ-104». Записываться у Кукушкиной».

На ступеньках дома остановился. Из раскрытого окна вылетал стук счетных костяшек и чей-то голос: «Райфо! Райфо! Это Коляскин говорит! Плохо слышно!»

Над чайной, которая была по соседству с правлением, плавал запах гуляша с картошкой.

Я стоял в полном смысле слова на пороге новой жизни. За дверями была РАБОТА. Та, за которую

платят деньги и на которые можно будет купить тарелку гуляша. Об этой работе говорят во всех семьях взрослые: «Ну, как ваша работа? А где вы работаете? А по душе ли нашли работу?»

Но, по-честному говоря, меня сейчас очень мало интересовали деньги. Я знал, с голоду не пропаду. У нас есть продукты. Владимиру Сергеевичу, конечно, не нужны наши заработки. Он просто хочет заставить нас заниматься делом. А помогать я буду колхозу от души, бесплатно!

Я вошел в правление.

В светлой комнате, оклеенной зелеными обоями, за столом сидел какой-то одноглазый мужичок.

Я с ним поздоровался и спросил:

— А можно ли видеть председателя колхоза?

— А зачем он тебе? — спросил мужичок и стал оглядывать меня своим мутным и красным глазом.

Я замялся, а потом прямо сказал, что пришел устраиваться на работу.

— На работу-у?! — удивился мужичок и даже привстал со стула. — И как, значит, за деньги или за трудодни?!

— Могу и бесплатно.

Мужичок вдруг хихикнул и полез в карман за кисетом. Свернув сигарку и пыхнув в меня едким дымом, он сказал:

— А губа у тебя не дура, я гляжу. Папка с мамкой тебя кормят-поят, а ты, значит, на лисипед хочешь подзаколотить?

— А я теперь сам себя кормлю.

Лицо у одноглазого вытянулось.

— А, ты сирота, что ль?

Что отвечать? О нашем уговоре — хлебнуть самостоятельную жизнь — рассказывать мне не хотелось. И я вздохнул:

— Может быть, и сирота...

— Знаешь, пацан, идит-ко ты отсюда, пока я тебе кузькину мать не показал. А к кому намедни матеря в шалаш приезжали, и вы там чай распивали, а? Я все знаю!

Красный глаз у мужичка недобро сверкнул, и я понял, что никакого председателя колхоза мне тут не видать. Мне хотелось зайти в соседнюю комнату, в которой какой-то Коляскин настойчиво вызывал по телефону райфо, но, кто знает, может быть, и там меня на смех поднимут. Ведь действительно смешно: пришел незнакомый мальчишка и требует работу!

Я вышел из правления. Село в этот жаркий полдень было словно вымершее. Куры лежали в серой придорожной пыли. Под плетнем в тени, полузакрыв глаза и разбросав точеные ножки, валялся жеребенок. А из людей только одна девчонка в красном платье крутила колодезный ворот.

Где-то в поле тарахтел трактор. В кузнице звенела наковальня. Чей-то женский голос кричал: «Эй. Манька-а, идем полоть!»

Везде шла работа.

А настроение у меня было неважное.

Меня уже по-настоящему стало задевать: неужели мне, мальчишке, очень трудно найти для себя настоящее дело?

И вдруг я увидел, что неподалеку от пруда строится дом. Я подошел поближе к строительной площадке и стал смотреть на то, как двое молодых рабочих в узкой траншее в земле укладывали огромные куски белого камня и заливали их цементным раствором.

Широкоскулый парень в голубой грязной майке — его звали Петька — говорил:

— Сегодня обязательно мы должны все забыть. А то Коляскин даст нам жару!

— Пускай людей дает, тогда лучше будет. Взвалил такое дело на двоих и пошел щи хлебать! — отозвался Мишка, краснолицый и небритый паренек. — А ты что, малец, рот разинул? — вдруг рявкнул он на меня.

— Да ничего, — ответил я.

— А ты нам дёру на рубль купишь в сельпо?

— А что такое «дёр»?

— Вот подойди сюда поближе, узнаешь...

Я подошел к Мишке, и вдруг под хохот своего приятеля он схватил меня за ухо и начал его трепать!

Я в один миг вывернулся и с размаху дал Мишке ногой под зад и отскочил в сторону.

— О, вот это мне нравится! — обрадовался Петька. — Теперь оба узнали, что такое дёр! А я тебя видел. В лесу живешь?

Тон у Петьки был миролюбивый, и Мишка уже тоже смотрел на меня без злости, которая на секунду загорелась в его глазах после моего удачного удара. И потому я, улыбнувшись, ответил:

— В лесу.

— Эх, хорошая житуха: лежи и плюй себе в небо!

— Ага, — согласился я, — а оттуда все на тебя опять летит!

— А ты что ж, недоволен? — спросил Мишка.

— Доволен. Только делать нечего.

— Ох, смехотура! «Делать нечего!» Да вот, пожалуйста, бери лопату и ковырайся с нами от зари до зари. Хочешь? — И Петька шутя протянул мне лопату.

— Спасибо, — сказал я. — А что копать?

— Ну вот хоть яму под стояк: два метра на метр.

Я подошел к указанному месту и нажал ногой на лопату.

Парни непонимающе переглянулись.

В обед Петька и Мишка из принесенных из дому свинины и картошки сварили себе на костре гуляш. Вернее, варил его я: начистил картошки, нарезал свинины с луком и положил в кастрюлю с водой. Теперь у меня уже был опыт.

У ребят третьей ложки не оказалось, и я ел свой первый трудовой гуляш широкой щепкой с заостренным концом. Лопаточкой я подхватывал картошку, а на острие насаживал мясо.

Петька дал мне большой ломоть хлеба, но я его разделил на две части и одну половинку спрятал под бревна. А из трех широких лопухов, скрепленных между собой тоненькими щепочками, я соорудил

плошку, и Петька наполнил ее густым гуляшем — для Владимира Сергеевича.

О нем я помнил все время. Как он там один? Как чувствует себя?

Когда мы, сидя по-турецки вокруг кастрюли, «навалились» на гуляш, Мишка случайно обернулся, посмотрел вдоль улицы и прошептал:

— Кажись, моя любовь идет! Коляскин!

— А кто он у вас тут? — спросил я.

— Председатель колхоза, — ответил Петька и стал газеткой обтирать свою ложку.

К нам подходил высокий человек в синей сатиновой рубаше, подпоясанной узким кавказским ремешком. Лицо у него было морщинистое, черное от загара. Он шел быстро и тоненькой хворостинкой охлестывал свои пыльные сапоги.

Мишка и Петька встали. Я тоже.

Коляскин остановился около четырехугольной траншеи и молча осмотрел ее.

— Значит, на точке замерзания? — наконец сказал он.

— Нет, почему же, Иван Спиридонович... — ответил Петька. — Вон мы уж сколько заложили. Сегодня закончим забутовку, а завтра уж цоколь начнем гнать.

— Да что ты меня завтраками кормишь? — вдруг вскипел Коляскин и с силой хлестнул хворостинкой по сапогу. — По договору уже клуб должен стоять, а у вас?

— И будет стоять! — сказал Мишка. — Людей вот не хватает.

— А ты что, не знаешь, где люди? В поле! Я вас специально освободил, а вы? То у тетки Ефросиньи на крыше подхалтурили, то у Тимофея сарайку поправили...

— Ну, просит же народ... Мы ведь после работы... — опустил голову Петька.

— Я видел, как после работы. Чуть председатель в район, так они уж пошли налево! И цемент бросили из баржи разгружать?

— Да ладно тебе, Иван Спиридоныч, — попытал-

ся улыбнуться Мишка. — Сделаем — сам похвалишь за ударный труд. Вот садитесь с нами обедать.

— Не буду! — сердито сказал Коляскин.

Петька огорченно бросил свою ложку в кастрюлю, и она черенком воткнулась в гуляш.

Председатель повернулся и быстро зашагал от нас.

— Товарищ Коляскин! Товарищ председатель! — крикнул я и побежал за ним.

Иван Спиридонович оглянулся.

— Здравствуйте, — вежливо сказал я. — Вот у вас людей не хватает, возьмите, пожалуйста, меня, а? И у меня еще двое приятелей есть! Они тоже могут!

— А ты сам-то откуда? — прищурив глаза, спросил председатель.

— Из Москвы!

— Из дачников, что ль?

— Да вроде бы, — почесал я себе затылок. — Мы... в шалаше...

— А-а... слышал. А какие документы у тебя?

— Могу привезти из дому школьный дневник, достаточно?

— Если паспорта нет — достаточно. А что умеешь делать? — Иван Спиридонович пощупал у меня мускулы на руке.

— Да я... куда пошлют!

Председатель усмехнулся и, вергая в воздухе хвостинкой, задумался. Потом сказал: «Идем!» — и пошел обратно к стройплощадке.

— Вот что, вы, работяги! — обратился он к Петьке и Мишке. — Назначаю к вам ученика. Парня не обижать. Ясно? А ты, одним словом, — он повернулся ко мне, — будешь помогать им, что скажут...

Я кивнул головой.

— А на шалашное пропитание, — продолжал он, — я тебе сейчас дам записку, и ты получишь аванс. Картошку там, кислой капусты, огурцов. В общем с голоду у меня не помрешь. А там под конец — полный расчет...

Когда председатель ушел, Петька хлопнул меня по плечу:

— Вот как у нас люди растут! От горшка два вершка, а уже строительный рабочий.

У меня было очень радостно на душе. Назначение на работу произошло так быстро, словно по маговению волшебной палочки. И даже аванс уже можно получить! Так это на каждые летние каникулы можно в колхоз выезжать! И кормежка будет! Красота!

ЛЕГЕНДА О ЛЮБВИ

Под вечер в рогожном куле, который я взял у тети Груни, я нес к Владимиру Сергеевичу из колхозной кладовки мой «аванс».

Выдал мне его одноглазый мужичок. Мне казалось, что он в колхозе какой-то большой начальник, а на самом деле это был простой кладовщик. И притом пьяный. Вместо полупудовой гири при взвешивании картошки он поставил на весы пудовую. А отпуская килограмм меду, он ошибся на полкило. Потом, правда, он заметил свою ошибку и набросился на меня за то, что я его не поправил. Но мне, вошедшему со света в полусумрачную кладовую, просто не было видно ни гири, ни чашек весов.

Выдавая мне квашеную капусту в кочанах и огурцы, он приговаривал:

— Вы небось уж сегодня дернете! Закус богатый! Ежели что, можете позвать. Я к вашим услугам. А чего это председатель так расщедрился: и на работу поставил, и вот уж продукты, пожалте!

— Строительных рабочих готовит, — ответил я.

Мне было противно смотреть на этого человека. И хоть неудобно было себя хвалить, я добавил:

— Он почувствовал, что человек хочет по-настоящему работать.

— А я, значит, не хочу? — насторожился одноглазый. — А ну-ка, клади капусту обратно за оскорбление при служебных обязанностях!

Я выложил из мешка мокрый кочан.

— Вот так! А теперь можешь его взять обратно. И ты не раздражай мои нервы.

Как таких дураков держат на работе, не понимаю. А может быть, это он только со мной так себя ведет, издевается?

Мне очень хотелось размахнуться мешком картошки и трахнуть этому типу по роже. И в правлении он мне помешал и тут кочевряжится...

Но я должен был терпеть. Чуть бы я взбунтовался, он мог закрыть свою кладовку и сказать: «Зайдете завтра!» А до завтра мы ждать не могли.

По дороге к шалашу со мной произошло еще одно событие.

На узкой тропинке, которая

шла через высокую рожь, я встретил Нарика и Гарика. Они словно меня поджидали.

— А ну, постой-ка! — схватил меня за мешок длинноволосый Нарик. — Ты что несешь?

— Картошку, — ответил я и хотел пройти мимо.

— А ты не торопись, — загородил дорогу щуплый Гарик, растопырив руки. — Положи на землю, мы сейчас проверим. На колхозном поле выкопал?

— Я в кладовой получил.

— У Филимона? — спросил Гарик и прикрыл свой левый мышинный глаз.

— У Филимона.

— А где накладная?

— Какая накладная?

— При каждом товаре должен быть документ! — сказал Нарик и дал мне затрещину.

Дело оборачивалось худо. Драться я не мог. На спине у меня лежал мешок, а в правой руке я нес банку с медом.

Я втянул голову в плечи и спросил:

— Двое на одного, да?

Но они меня даже не удостоили ответом. Гарик нахально засунул указательный палец в банку и облизал его.

— Нарька! — вдруг обрадовался он. — Сплошная потрясенка! Ей-богу, мед!

Если бы у меня в руках был тот самый «дрын», который мы изготовили для врагов в шалаше, ух, и устроил бы я этим типам медовое угощение!

Пусть они вдвоём в конце концов и отдубасили бы меня, — один Нарька был в два раза выше меня, — но кому-нибудь я бы все-таки оставил на память фонарь. Я парень был отчаянный. Помирать так с треском!

А теперь я должен был стоять и смотреть, как эти два На-Гарика (так мы их стали называть чуть позже), отняв у меня банку, макали в нее пальцы и пожирали мой труд.

Я не понимал, в чем дело. Почему они напали на меня?

И только когда они вылизали весь мед и бросили банку в рожь, я понял.

Нарик поднес к моему носу кулак и сказал:

— На, понюхай. Чуешь, чем пахнет? Будете Зойку к себе зазывать, сделаем из вас антрекоты с гарниром.

— И студень! — добавил Гарик и тоже поднес кулак к моему носу. — Ультиматум предъявлен, а за остальное пеняйте на себя!

— Мы ее не зазывали, — сказал я, — она сама к нам приходит.

— А кто ей пишет любовные записочки, как вы там называете... из Кара-Бумбы? — Гарик толкнул меня плечом и вынул из своего кармана записку Владимира Сергеевича: «Зоенька, достаньте пенициллина!» Это не ваше послание?

Я был поражен: значит, Лешка тоже побывал в их лапах?!

— Вам ясно наше предложение? Вы свободны!

И, получив от Нарика легкую оплеуху, я отправился восвояси.

Владимира Сергеевича я застал у костра. Он помешивал кофе. Черно-бурая пена, словно лихо сдвинутый набок берет, лежала на кастрюле.

Под удивленным взглядом Владимира Сергеевича я сбросил на землю мешок и спросил:

— Ну, как себя чувствуете?

— Немножко отпустило... Только слабость, — через силу улыбнулся Владимир Сергеевич. — А это что? — он указал ложкой на мешок.

— Первый заработок! — сказал я. — Я тут еще немножко гуляшу принес. А Лешка еще не приходил?

— Пришел.

— А где он?

— Твой дружок арестован! Вот такие дела! — бесстрастно сказал Владимир Сергеевич.

— Как арестован?

У меня задрожали коленки.

— А очень просто: схвачен и брошен в кутузку! За темные махинации с фотоаппаратом!

- И он уже сидит?
— Сидит!
— И что теперь будет — суд?
— Сначала следствие, а потом суд.
— Надо немедленно поехать в Москву к его маме! — не на шутку всполошился я.
— Не надо! — вдруг раздался из шалаша Лешкин голос. — Судить — судите, а моей маме ничего не говорите!
— Арестованный, молчать! — приказал Владимир Сергеевич и обратился ко мне. — В нашем коллективе морально-бытовое разложение!
— А что же он натворил?
У меня уже немного отлегло от сердца.
— Да ерунда какая-то! Меня оклеветали, а вы уж тут раскудахтались! — сказал Лешка, высунув из шалаша голову.
— Я кому сказал? — прикрикнул на него Владимир Сергеевич. — Будешь разговаривать только на следствии!
— Ха-ха! Следствие! Это беззаконие! — отозвался Лешка. — Требую прокурора!
Владимир Сергеевич ему больше не отвечал. Он с интересом выкладывал из мешка мое добро и, подробно расспросив о том, где я его достал, радостно воскликнул:
— Вот молодец! Хвалю. Сейчас будем ужинать. И так как у нас сегодня праздник по случаю первого заработка, с нашего масла запрет я снимаю!
— Ура-а! — закричал из шалаша Лешка.
— А ты не радуйся, это тебя не касается! — ответил Владимир Сергеевич.
— Мне сегодня из-за вас морду набили, — проворчал Лешка, — а вы меня голодом морите! Где справедливость?
— Ты знаешь, чем этот ребенок около дома отдыха занимался? — посмотрев на меня, сказал Владимир Сергеевич.
— Чем?
— Кустарным промыслом!
— Не понимаю!

— А тут и понимать нечего. Он фотографировал отдыхающих! И брал с них деньги! По рублю за карточку. Я мешки за рубль таскал, а он карточки! Набил полные карманы денег и сказал, что завтра принесет снимки. Ну, все были довольны, а потом один из отдыхающих хотел ему помочь вытащить кассету, раскрыл фотоаппарат, и оказалось, что в нем не двигается пленка.

— А я знал, что у меня перемотка не работает? — закричал Лешка. — Не знал! А раз не знал, значит не виноват!

— Ну, когда раскрылся обман, — продолжал Владимир Сергеевич, — этот кустарь-одиночка бросился бежать. Его поймали, арестовали...

— ...велели паспорт показать! — сообщил из застенка Лешка.

— Имей в виду: хорошо смеется тот, кто смеется последний! — сказал ему Владимир Сергеевич и закончил рассказ: — И вот привели сюда. Ну, что будем с ним делать?

— Это что, следствие или уже суд? — спросил Лешка.

— Суд! — сказал я.

— Нет, погодите, — вылез Лешка из шалаша, — дайте мне слово! Во-первых, надо установить, для кого я фотографировал. Для себя лично или для всех нас — это раз; во-вторых, отметим, я не просто снимал, а культурно обслуживал население; а в-третьих, скажите, кто ограничивал меня? Никто! Я имел право пойти на станцию и помогать нести дачникам сумки? Я имел право показывать людям, где тут можно снять дачи? Но я не пошел на это. А если в доме отдыха вышла осечка, то я тут ни при чем!

— У тебя в голове осечка вышла, — сказал Владимир Сергеевич. — Ты должен был найти себе общественно полезную работу, а не легкую халтуру, понимаешь? Мы ведь об этом уговаривались?

— А у меня голова закружилась, когда мне Нарька по шее дал около пляжа. И у меня все мысли

рассыпались! — с невинными глазками сказал Лешка.

— Ладно, — сказал Владимир Сергеевич. — Если ты упорствуешь и не признаешь свою ошибку, знай, что к концу нашей шалашной жизни никакого диплома ты не получишь!

— Диплома?! А какого? — спросил я, удивленный.

— Об этом только я знаю! — сказал Владимир Сергеевич. — Доживете — увидите!

Тем временем, пока мы разговаривали, у нас уже сварилась картошка, и мы сели ужинать. Лешка насутился и ел молча.

В лесу уже стемнело. Стал накрапывать мелкий дождь. От костра наши лица были черно-красными. Если бы кто-нибудь посмотрел на нас со стороны — точь-в-точь разбойники пируют!

И в этот момент, ведя перед собой велосипед, к нам пришла Зойка! На ней был голубой плащ с капюшоном и высокие резиновые ботинки.

— Владимир Сергеевич, что с вами? — положив велосипед на землю, быстро спросила она.

— Да ангина... — слабым голосом ответил наш вождь.

— Ну, это дело поправимое. Вы знаете? Минут пятнадцать назад ко мне под окно пришли Нарик и Гарик и стали меня разыгрывать какой-то запиской. А я эту бумажку вырвала у них, захлопнула окно и все прочла!

— Это они у меня ее отняли! — сказал Лешка. — Я шел к тебе, а они напали...

— Это возмутительно! — сказала Зойка. — Я, честное слово, пойду к Нарькиному отцу. Он как раз сегодня приехал. Вот лоботрясы!

— Да плюньте на них! — Владимир Сергеевич пожал Зойкину руку. — Мы сами с ними считаемся. Дайте только встану! А вы мне что-нибудь принесли?

— Принесла. Только пенициллин не в таблетках, а в ампулах. Подойдет? У нас другого не было.

— А кто ж ему укол сделает? — удивился я.

— Я, — ответила Зойка. — Я тут все привезла: стерилизованный шприц, иголку, спирт. Это у папы всегда дома есть. Вы доверитесь мне, Владимир Сергеевич?

— Пожалуйста! А иголку не поломаете?

— Не волнуйтесь, я уж не первый раз. Я бы и папу сюда привела, но он в Москве. У него сегодня операция... Только вот здесь очень мало света!

Я молча раскрыл на перочинном ноже отвертку, снял с переднего колеса велосипедную динамку и переставил ее на вилку заднего колеса. Потом я перевернул велосипед «вверх ногами», установил его на седле и на руле и приказал Лешке:

— А ну-ка, арестант, крути педали!

Из маленькой фары, которую я держал в руках, брызнул ослепительный свет.

Такой эксперимент я не раз устраивал у себя дома и даже пытался под жужжание динамки учить уроки: так было интереснее, чем при электрической лампочке. Но Зойке сейчас, видимо, показалось, что я гениальный изобретатель. Она закричала:

— Ой, какая прелесть! Юрка, ты просто золото! Как ты додумался?

«Нет, Зоя, это ты золото!» — сказал я про себя.

Зойка протерла пинцет ваткой со спиргом и вынула из никелированной коробочки шприц. Я освещал велосипедным фонариком ее пальцы. Они работали быстро и уверенно.

Вот Зойка уже перелила пенициллин из ампулы в стеклянную трубочку, просунула в кольцо на поршне большой палец и сказала:

— У меня готово!..

Укол она сделала в одно мгновение. Потом разобрала шприц и снова уложила в коробочку.

Мы дали в руки Зойке тарелку с вареной картошкой. Владимир Сергеевич позволил из неприкосновенного запаса раскрыть банку с судаком в томатном соусе, и пир на весь мир закипел.

Несмотря на то, что мы съели по две тарелки картошки и выпили полную кастрюльку кофе, после ужина мы еще стали печь картошку.

Мы вытащили из шалаша все наши постельные принадлежности и, расположившись на них, стали смотреть в костер.

Огня уже не было, только тлели малиновые угли. да по краям очага вспыхивали сосновые иголки.

Зойка, поджав ноги и покусывая травинку, сидела рядом со мной. Мой локоть, которым я поддерживал подбородок, касался ее руки.

— Вот в такие часы хорошо рассказывать легенды, — улыбнулся Владимир Сергеевич. — Мне часто рассказывал их тот старик, который подарил мне женьшень.

— Какой женьшень? — спросила Зойка. — Корень?

— Да, — ответил он. — Это такой у меня талисман.

— Если Владимир Сергеевич его потеряет, то потеряет свое сердце, — пояснил я.

Я сделал ударение на слове «сердце» и почувствовал, как у меня под локтем шевельнулась Зойкина рука.

— А ну их... эти легенды! — сказал Лешка-фольклорист. — Они все про любовь! Давайте лучше анекдоты!

Но вдруг Зойка сказала:

— Мальчики, а кто меня пойдет провожать?

Мы с Лешкой переглянулись.

— Да посидите еще, куда вам торопиться? — отозвался Владимир Сергеевич.

— Нет, меня уже дома ждут.

— А сегодня Владимира Сергеевича очереди! — будто шутя сказал я.

— Ну, куда ему! — Зоя махнула рукой. — А может быть, ты, Лешка, теперь пойдешь?

— Я не могу, я под арестом!

— Трусишки вы, вот что я вам скажу! — улыбнулась Зойка и отдернула руку от моего локтя. — А теперь слушайте: я вас нарочно проверяла. Мои родители уехали в Москву, и я остаюсь вместе с вами.

— Вот и отлично! — сказал Владимир Сергеевич, почему-то обрадовавшись. — Свистать всех наверх!

Нашей Белоснежке стелить в шалаше, а семь гномов будут спать около костра!

Зойке мы сделали постель прямо пуховую. Стелили ей при свете электрофары: сбили в одну кучу все листья в шалаше, отдали ей самую мягкую подушку и самое теплое одеяло.

Чего греха таить, мы с Лешкой думали: слава богу, что не пошли провожать! Куда идти: кругом темь, страшно!

И вскоре все уснули. А я лежал и думал: а почему почти все легенды только об одном — о любви? И почему, когда Зойка с нами, не только мы, мальчишки, но даже и Владимир Сергеевич какой-то другой становится? А ведь он-то старше Зойки почти на девять лет!

В предутренней мгле я, поживаясь, чуть приоткрыл глаза и в полусне усмехнулся: «Показалось!» Я увидел, что в глубине кустарника на краю тропинки, ведущей к шалашу, будто бы стояло что-то черное и мохнатое.

КОСТРЫ НАШИХ ДУШ

После первой ночевки в лесу Зойка позвонила со станции в Москву и узнала, что ее родители не приедут на дачу три дня, и, следовательно, она могла жить в деревне, как ей вздумается.

А вздумалось ей остаться на этот срок у нас в шалаше и ввести новый образ жизни.

По утрам мы все вместе, кроме Владимира Сергеевича, должны были делать зарядку, а потом как очумелые бежать на речку. Мы стали чистить свои зубы углем, а в «санитарный день» стирали свое белье.

Зойка также постановила «прием пищи» производить только в определенные часы.

Раньше, до этих нововведений, мы по нескольку раз в день варили себе кофе «Здоровье» и садились за еду, когда хотели, а теперь нашей казацкой вольнице пришел конец. Зойка вбила на лужайке осино-

вый кол и «начертила» лопатой по дерну циферблат. И когда солнечные часы, например, показывали 6 утра, на столе уже дымился завтрак и мы, причесанные и умытые, глядели на то, как Зойка раскладывала нам по тарелкам пшеничную кашу.

Я затащил Лешку на стройку колхозного клуба, и он начал свой трудовой путь с чернорабочего: подносил Петьке и Мишке песок, размешивал в ящике цементный раствор. Сам же я был допущен к более сложным работам: притирал на цементной подушечке кирпич к кирпичу и даже брал в руки мастерок.

Заметив нас с Лешкой на стройке, к нам со всех сторон сбежались деревенские мальчишки, начиная с пятилетнего Васютки и кончая здоровенным Сашкой Косым. Ребята подтаскивали бревна, рыли яму под заборные столбы и укладывали лаги для пола из толстого подтоварника.

Я уже многое узнал: и что такое сшивать доски «внахлестку» и как прибивать их «заподлицо». «Бутом» назывался белый камень, очень прочный и водостойкий. Он обычно укладывается в землю. А «подтоварник» — это просто бревна длиной в шесть метров и толщиной в десять-двенадцать сантиметров. На земле возле дома была сложена «обрешетка» для крыши и тонкие доски для «черного пола». Иногда я слышал, как Петька советовался со своим напарником:

— Какой раствор будем здесь делать: один к четырем или один к шести?

— А какая у нас марка в этом мешке?

— Не то «300», не то «400».

— Давай один к шести.

И Петька приказывал Лешке насыпать в ящик для раствора шесть ведер песку и одно ведро цемента.

А марки расшифровывались очень просто: чем выше марка цемента («200», «300», «400», «500»), тем больше песку он «связывает» и крепче «схватывает».

Наблюдая за тем, как работают Петька и Мишка, и прислушиваясь к их рабочему разговору, я понял, что каждая профессия имеет свой словарь и свои

хитрости. И мне было приятно щеголять рабочими словечками:

— Эй, Сашка, давай сюда вагу, а сам зайди с торца!

Так мы укладывали венец — нижние бревна дома.

Однажды подошел к нам Коляскин. Посмотрел на мальчишек, облепивших сруб, и сказал удивленно:

— Вот архаровцы! То их сахаром сюда не заманишь, а то сами налетели как на мед...

Мы с Лешкой уже имели право есть мамо-папины продукты, потому что работали в поте лица. Так настояла Зойка. Владимир Сергеевич, правда, говорил, что это уже неинтересно, если мы все-таки начинаем прибегать к чьей-то помощи. Вот Робинзон Крузо добился всего сам, так и мы должны делать.

— И глиняные горшки будем обжигать? — спросил Лешка.

— А хотя бы и так.

— И пшеницу сеять?

— Ну, не совсем сеять, но надо знать, как ее сеют.

— А чего тут знать: бросил в землю и пошел — руки в брюки. А она растет себе.

— Вот за одни такие слова тебя и стоит отлучить от мамочкиного сахара и консервов.

— Владимир Сергеевич, вы не правы! — сказала Зойка. — Вот если бы они вообще балбесничали, как эти На-Гарики, тогда другое дело: пусть сами себе и добывают пропитание. А раз они работают, мама и папа должны их поддерживать.

— Но Лешка-то ведь еще не получил аванса, — возразил Владимир Сергеевич.

— А вы сами-то работали? — насупился Лешка.

— У Владимира Сергеевича бюллетень, — сказала Зойка.

— Знаем мы этот бюллетень! — ответил Лешка и подмигнул мне.

— А ты что ему подмигнул?

— Ничего, это у меня нервный тик.

Но этот «нервный тик» для меня лично означал многое.

Позавчера, когда мы с Лешкой ушли на работу. Владимир Сергеевич с Зойкой остались одни. А когда мы прибежали на обед, то увидели, что Зойка с Владимиром Сергеевичем дуются в шашки и у него на лбу красное пятно.

Я догадался, что эти шашки Зойкины, и мне почему-то стало грустно. Значит, она специально ходила за ними домой.

А тут еще Лешка подлил масла в огонь. Когда мы пошли по грибы, он сказал мне:

— Ну, теперь пропало твое дело, не видать вам теперь Зоечку, как уши без зеркала!

— А куда она денется? — спросил я, сделав вид, будто ничего не понимаю.

— Никуда. Но просто она теперь будет чихать на вас с пятого этажа. Нужны вы ей больно!

— С чего это ты взял?

— А ты посмотри, кого она теперь по лбу щелкает?

Эти обидные для меня Лешкины домыслы я решил проверить сегодня же. Вернувшись к шалашу с грибами, я предложил Зойке сыграть в шашки, но она ответила:

— Некогда, некогда! Ты видишь, что с ним!

Она заботливо укрывала Владимира Сергеевича. Он не хотел ни есть, ни пить, но Зойка говорила:

— Ну, пожалуйста, я вас очень прошу! Вы увидите, вам же лучше сразу станет! — и пыталась его поить горячим кофе из кружки.

О, почему я не заболел ангиной!

А потом Владимир Сергеевич нам стал рассказывать эпизоды из своей жизни. И слушать его было необычайно интересно.

Однажды в зимнем туристском лагере он ехал с товарищем на лыжах по склону горы, и вдруг снежная лавина сбила товарища с ног и засыпала его. Надо было мчаться за помощью в лагерь, но Владимир Сергеевич не бросил друга, а стал его откапывать сам. И так он разгребал снег всю ночь, пока не вытащил на склон своего полуживого товарища.

Зойка с горящими глазами смотрела на Владимира Сергеевича.

— И он, значит, живой остался?

— Живой. Что ему делается! Сейчас тоже, как и я, геолог, — сказал Владимир Сергеевич. — А вот еще другой случай...

Наш вождь с головы до ног был напичкан разными случаями. Каждый его герой, будь то какая-нибудь бабушка или профессор, все они имели свои голоса, свои походки, и я, например, очень зримо представлял себе худощавого охотника в рваном полушубке, в огромной волчьей шапке, на которого в тайге напал уссурийский медведь-шатун. Владимир Сергеевич пошел с ружьем на подмогу охотнику, выстрелил в упор, но медведь все-таки успел снять «скальп» с Владимира Сергеевича. И ему в больнице снова натягивали волосы на голову. Это был невероятный случай, и мы, может быть, и не поверили бы начальнику Кара-Бумбы, но он в доказательство показал нам длинный шрам под волосами на лбу.

Я слушал Владимира Сергеевича и думал о том, что за таким бы человеком я пошел бы на край земли. Только зря он все это при Зойке рассказывает!

Владимир Сергеевич лежал перед костром, и на его бледное, осунувшееся лицо спадали со лба две прядки волос, которые он то и дело закидывал пятерней назад. Глаза его — большие, карие — были очень живыми.

Вдруг в кустах мелькнула голова какого-то мальчишки. Мелькнула и исчезла.

— Что-о такое? — приподнялся на локте Владимир Сергеевич. — А ну-ка, Лешка, узнай, в чем дело.

Лешка вскочил на ноги и кинулся в кусты.

Через минуту он привел к шалашу наголо остриженного веснушчатого паренька. На нем были трусы и белая рубашка с пионерским галстуком. Ему было лет девять-десять. Он оглядел нас всех, бросил взгляд на шалаш и нерешительно сказал:

— Здравствуйте... товарищи! К вам можно?

— А-а, заходи, заходи! — будто старому приятелю, ответил Владимир Сергеевич. — Откуда пожаловали? Куда путь держите?

— Мы... я... — проговорил мальчик, не зная, с чего начать. — Мы в пионерском лагере все живем... А мне своего друга позвать можно?

— Ну что ж, зови! — сказал Владимир Сергеевич.

Мальчишка засунул два пальца в рот, оглушительно свистнул и закричал:

— Эй, Славка, иди сюда! Не бойся!

Кусты за шалашом зашуршали, и рядом с неожиданным пришельцем появился новый. Он был так же, как и первый, стриженный и в пионерском галстуке. Лицо у него было монгольское: скуластое, с узенькими щелочками глаз и с широким облупившимся носом.

— Вот, — сказал веснушчатый, — мы вдвоем пришли. Это Славка, а я Толя. А это правда, что вы к себе в шалаш принимаете?

— Конечно, правда. Вы же пришли и видите, мы вас не гоним! — сказала Зойка.

— Нет, мы не об этом... — сказал Славка. — Ну, в свой отряд вы записываете или нет?

— А какой у нас отряд? — удивленно спросил Владимир Сергеевич.

— Как какой? Вы же сами знаете... — улыбнулся Толя.

Мы переглянулись.

— Мы-то все знаем, а вот ты что скажешь? — сказал я.

— Ну, про вас говорят, что у вас тут детский партизанский отряд по борьбе за самостоятельную жизнь...

Владимир Сергеевич улыбнулся, но тут же спрятал свою улыбку и спросил:

— Ну, и с кем же мы боремся?

— Конечно, это, может быть, враки, — опустив глаза, сказал Славка, — но, говорят... с родителями!

Я хотел захохотать, но Владимир Сергеевич мне сделал знак рукой.

— А тебе кто же насолил, папаша или мамаша? — спросил вдруг Лешка.

— Ему мачеха насолила, — ответил за друга Толя.

При слове «мачеха» у меня сжалось сердце. Я спросил:

— А она тебя бьет или работать заставляет?

— Хуже... — ответил Славка.

— Она ему совсем дышать не дает! — пояснил Толя. — Вот мы приехали в лагерь, а его мачеха в этой же деревне себе дачу сняла и все время лезет его целовать. А ему стыдно перед ребятами.

— Ясно, — сказал Владимир Сергеевич. — А у тебя, Толя, к кому претензии?

— А он разозлился на нашу пионервожатую! — сказал Славка. — Сегодня Гришка подошел к Тольке да как плюнет на него, а Толька не растерялся и тоже в него плюнул. Ну, тут и пошло! А Галя их заметила и обоих заставила на кухне картошку чистить. А он удрал.

— Э-эх, граждане... — сказал Владимир Сергеевич. — А мне кажется, что вы сюда не по адресу попали. Во-первых, у вас не веские доводы для приема в наше содружество. Ну, что же — мачеха? Мачеха, видно, у Славки хорошая. А во-вторых, зачем же нам такие члены, которые плюют друг на друга?

— Не примете, значит? — спросил Славка.

— Нет. Надо вам сначала еще арифметику товарищества изучить.

— Чего-о? — удивился Толя.

— Арифметику! — наставительно сказал Лешка. — Как надо относиться друг к другу. А потом уже к нам приходите на... высшую математику.

— А как же мы будем арифметику изучать? — спросил Толя.

— А это уж я не знаю, — развел руками Владимир Сергеевич. — Это дело вашей Гали.

— А она сама ничего не умеет делать, — вдруг сказал Славка. — Мы ее попросили морской узел завязать, а она не умеет.

— И не знает, как в лесу без солнца найти восток или запад, — добавил Толя.

— Лешка, веревку! — скомандовал Владимир Сергеевич.

И когда Лешка принес пеньковую бечеву, Владимир Сергеевич, не задумываясь, разрезал ее на две части, а потом быстро связал витиеватым морским узлом и протянул ее пионерам.

— Прошу, на память! А насчет востока и запада, так это легче легкого: вон, видите, на елке ветки растут? Так запомните: их всегда больше на южной стороне. И тут уж сами определяйте, где восток или север.

В это время около шалаша, к нашему изумлению, появился сам председатель колхоза Коляскин. Он шел, как всегда, с хворостинкой в руках.

Владимир Сергеевич никогда не видел его в лицо, и поэтому его глаза насторожились.

— Добрый вечер! — просто сказал председатель. — Ну, как поживаете, разбойнички? — И, протягивая руку Владимиру Сергеевичу, добавил: — Я — Коляскин.

— А-а, слышал, — улыбнулся Владимир Сергеевич. — Наш поилец и кормилец! Присаживайтесь к огоньку. А кстати, насчет разбойничков. Это у вас в колхозе одноглазый Соловей-разбойник живет! Чуть вот у Юрки весь вкус к работе не отбил!

— Этот может! Мрачноватый тип. За хулиганство сидел. Мы взяли его всем колхозом на поруки прямо из суда. Может быть, человека сделаем!

Коляскин сел на нашу самодельную скамейку, снял картуз, как будто зашел в комнату, и положил его рядом с собой.

— А я к вам по делу...

— По какому? — спросил Владимир Сергеевич и поглядел на меня и на Лешку: уж не набедокурили мы чего-нибудь в деревне?

— Да оно не очень сложное, но и не очень простое. Вы, кажется, геолог?

— Да.

— А в воде разбираетесь?

— Да, кажется, разбираюсь... Вообще-то у меня

другая специальность, я — поисковик... А что у вас с водой?

— Понимаете, нам артезианский колодец надо. Бурить хотим. Не можете, а?

— Одну секунду, — сказал Владимир Сергеевич, — вот я сейчас отпущу этих двух ходоков, — он кивнул на пионеров, — и мы займемся с вами. Ну, как, граждане, вам ясно?

— Ясно, — ответил Толя и, толкнув в плечо своего приятеля, побежал по тропинке в лес.

За ним, подскочив на месте, побежал Славка.

— Хм... Тоже мне обиженные! — усмехнулся им вслед Владимир Сергеевич. — И придумают же: детский партизанский отряд!..

Коляскин достал пачку «Беломора» и закурил.

— Так вот, — начал он, — мы хотим расширить молочную ферму, а вода у нас не очень чистая и ее не хватает.

— Верховодку только используете?

— Да, из колодца берем. Ну, и полчаса назад мы на правлении решили поискать воду получше и бурить землю около фермы. А потом я подумал, что могу сразу проконсультироваться у вас, и пришел к своим колхозничкам. — Он взглянул на меня и на Лешку. — Это от них я узнал, что вы геолог.

— Вообще что я могу сказать? — ответил Владимир Сергеевич. — Конечно, я могу заняться этим делом — дать предварительный прогноз, но все равно вам придется приглашать мастеров. Надо ведь буровой станок привезти, трубы, фильтр, насос...

— Это я все знаю, — сказал Коляскин. — Мы достанем. Но пока там приедет человек из Москвы, а вы уже тут, под боком. Может быть, возьметесь? А мы уж оплатим.

— Да какая там оплата! — улыбнулся Владимир Сергеевич. — Все равно мы отдыхаем. И дело-то не сложное: съездить в Москву, в Геологическое управление, и достать материал по вашему району. Кстати, там у меня и друг есть, он поможет.

— Вот и спасибо! — сказал Коляскин. — А ваших мальчишек я с завтрашнего дня на новый объект пе-

ребрасываю. Надо будет крышу на школе починить. Пусть приходят завтра в правление, там Михей Николаевич, кровельщик, будет их ждать.

Когда Коляскин ушел, Владимир Сергеевич сказал:

— Вот вам и шалаш! Видали? Вот они, костры наших душ! О вас уже легенда идет: отряд! Вас уже на работу приглашают! Человек нигде не пропадет, только бы у него руки были. А давайте споем песню, а?

Настроение у нас у всех было отличное, и мы запели нашу любимую «Взвейтесь кострами!».

Я пел эту песню и чувствовал, как у меня по спине мурашки ползут от ее таких сильных, мужественных и призывных слов.

ЛЕШКА И МОХНАТОЕ

Однажды утром Владимир Сергеевич оторвал нас с Лешкой от костра, на котором мы пытались обжечь самодельную глиняную вазу, и позвал в орешник. Здесь мы присели на корточки, и Владимир Сергеевич ткнул пальцем в большую паутину.

— Посмотрите, — почти шепотом сказал он, — это ведь целый мир!

Похожая на большую шестиугольную антенну, паутина серебрилась на солнце. Сам хозяин этого мощного сооружения — толстый паук, видимо отдыхающий от жары, сидел в тени под листиком.

Паутина была выткана необыкновенно искусно. Большой шестиугольник имел внутри себя еще пятьдесят шестиугольничков, и каждая грань была точно параллельна другой. А все это держалось на двух основных нитях, растянутых между сучками.

В середине сетки болталась высохшая оса, рядом с ней, свернув набок головку, висела пойманная за шею муха, а мертвый комар был словно распят за ножки.

Но один комарик был еще живым. Он зацепился за паутину тоненькой ножкой и висел вниз головой.

Он ожесточенно махал крыльями, бился о паутину так, что она вся дрожала, подтягивался на зацепившейся ножке, и все было бесполезно. У комара, вероятно, уже иссякали силы, потому что он все реже и реже пытался выпутаться.

И вот, почувствовав добычу, из-под листочка на свет вылез паук и, медленно переставляя ноги, двинулся к своей жертве.

— Сейчас ему тут каюк! — сказал я о комаре.

— А мы не позволим, — ответил Владимир Сергеевич и, подняв с земли травинку, толкнул комара. Тот сразу упал на листочек, покрытый росой, вскочил на ножки и в недоумении, вероятно обдумывая, а что же, собственно, с ним произошло, застыл на месте.

— Спасся, бедняга! — засмеялся Лешка, а потом, весело воскликнув: «Весь мир насилья мы разрушим», — ударил ногой по паутине.

Пребывая в лесу, мы с Лешкой совсем не замечали, что вокруг нас идет кипучая жизнь. Но стоило только Владимиру Сергеевичу показать нам паутину, как мы уже сами захотели делать натуралистические открытия. Я взялся за научные исследования муравейника, а Лешка стал вскрывать кротовые норки для того, чтобы «изучить пути движения этих животных» и из добытых кротовых шкурок сшить себе шапку.

Я сидел над муравейником почти каждый день. Мне казалось, муравьиная куча — это огромный город со своими домами, улицами и площадями. Муравьи двигались стройными цепочками, и можно было заметить, что одни цепочки тянутся из «домов» в лес, а другие, наоборот, из леса в «дом». И те, кто направлялся в дом, обязательно волочили с собой или сосновую иголку, или муху, или гусеницу. Иногда на перекрестке дорог встречались два муравья, и, останавливаясь друг перед другом, они словно разговаривали между собой: «Ну, как, брат, живешь?» — «Да ничего, спасибо. А ты?» — «Вот, видишь, тружусь. Сухую былинку раздобыл, жена говорит, что потолок надо поправить!» — «Ну-ну, передавай ей

привет. Я пошел!» И, поговорив, они озабоченно торопились каждый своей дорогой.

В куче можно было заметить и старых и молодых муравьев. Старые были толстенькие и черные, молодые — худенькие, светло-коричневые и юркие. Эти мчались вперед напролом, по головам и по телам своих родичей.

Некоторые пожилые, обиженные такой непочтительностью, тут же догоняли молодых нахалов и делали им внушение, видимо кусали. После такой экзекуции молодые уже шли в лес, еле-еле передвигая ноги.

Я видел не раз, как муравьи втроем тащили одну палочку. Видел, как двое дрались из-за какого-то кусочка коры, и их разнимали «прохожие».

А однажды Лешка засунул палку в муравейник, пошевелил ею и закричал: «Граждане! Воздушная тревога! Воздушная тревога!»

Ух, что тут поднялось! Весь муравейник пришел в движение. Побросав свои былинки, из леса на спасение кучи бежали рабочие муравьи. Из «домов» выскакивали муравьи-женщины и, будто спеленутых детишек, тащили на себе белые яички. Вскоре вся куча покрылась белыми движущимися точечками.

— Как война началась... — вдруг тихо сказал Лешка и выдернул из кучи свою палку.

Кстати сказать, мечты о кротовой шапке он вскоре оставил. Он изрыл почти всю лесную округу, но ни одного крота не нашел. И после такой неудачи он решил переметнуться от животного мира к растительному. Тут ничего копать не надо, а слушай, что Зойка рассказывает, и все.

А Зойкины познания были просто удивительными. Мы, например, каждую секунду встречали самую обыкновенную березу, но никто из нас никогда и не думал, что название ее рода происходит от латинского глагола *batuere*, что в переводе означает «бить» или «сечь». Оказывается, эта береза в древнеримские времена была отличным учебным «пособием» для школьников.

— Вот здорово! — удивлялся Лешка. — Теперь

мне ясно, откуда пошло выражение «дать березовой каши»!

Как-то раз, забравшись в малиник, Лешка очень сильно обжегся крапивой и принялся с ожесточением расчесывать ноги. А Зойка — наш врач, — вместо того чтобы помочь его страданиям, начала читать лекцию.

— А ты, Леша, можешь не чесать, — поясняла она, — жгучие волосики крапивы содержат муравьиновую кислоту. Крапива — хорошее кровоостанавливающее средство при легочных и других кровотечениях.

— Вот тебе бы по языку этими жгучими волосками, — с гримасой на лице отвечал Лешка, — ты бы по-другому бы его зачесала!

— Но, честное слово, я не вру! — смеялась Зойка. — А ты потерпи, и пройдет.

— У вас отличные познания! — восхищался Зойкой наш начальник Кара-Бумбы. — Все это действительно верно! Но откуда вы набрались таких премудростей?

— А мне папа об этом рассказывает, — улыбалась Зойка, и ее синие глаза лучились необыкновенно светло и радостно.

И вообще мы с Лешкой заметили, что за последнее время, избавившись от ангины, Владимир Сергеевич уж больно часто восхищается Зойкой. Что она ни сделает, он всегда скажет: «Мудро!» или: «Вы у меня прелесты!» А почему это «у меня»?!

С нами Владимир Сергеевич разговаривал на «ты», а с Зойкой обращался только на «вы». Зойка всегда очень хорошо выполняла то, что скажет ей Владимир Сергеевич. Но не просто выполняла точь-в-точь, а в заданную работу приносила и что-то свое.

— У Зои великое качество! — говорил нам без нее Владимир Сергеевич. — Творческий подход к делу!

Нередко, сидя у костра, они заводили философские разговоры о жизни, о нашей стране, о литературе.

— Владимир Сергеевич, а вот для чего жить на белом свете? — вдруг спросит Зойка. — Мы с девчонками спорили, спорили в классе, но так ни к чему и не пришли. Одни говорят одно, другие — другое, а главного так никто и не знает. Ну, вот рождается человек на белый свет, трудится, трудится, а потом умирает. И все. А в чем соль жизни? Ну вот моей или вашей? До нас Земля вертелась миллионы лет и после нас еще будет вертеться миллионы миллионов. А где наше место?

— Хм, это сложный вопрос! — отвечает Владимир Сергеевич. — Над ним все мудрые люди думали и думают. Ну, а я — не знаю, правильно ли это или неправильно, — я его решаю поэтически: природа создала человека, ну как свои глаза! Для того чтобы он любовался, радовался и наслаждался самой природой. Ведь есть же на белом свете что-то истинно красивое? Есть! Это все живое: поля, леса, звери, птицы. А есть что-то некрасивое! Тоже есть. Это все мертвое: пустыни, ледники, непроходимые болота. Вот природа и видит нашими глазами свои недостатки. Ведь человек-то всегда стремится к красоте?

— Стремится, — кивает головой Зойка.

— А для того чтобы вся земля была живой и красивой, надо ее переделывать, надо трудиться. Но одному человеку, например, не под силу озеленить пустыню Сахару? Не под силу. А если нам собраться всем вместе, провести там каналы, посадить деревья, то пустыня сразу зацветет. Но тут возникает другой вопрос. Один человек говорит: «Да, если мы ее озеленим, то у нас будет больше хлеба и продуктов, пустыня станет красивой. Там появится жизнь, и мы будем радоваться ей!» А другой отвечает: «Нет, а на кой черт мне озеленять какую-то там пустыню,

я и так проживу свой короткий век!» Вот теперь и решайте, кто прав — первый человек или второй?

— Конечно, первый! — отвечает Зойка.

— Правильно! Ну, а теперь: какая же цель стоит перед каждым человеком, который появляется на белый свет? — продолжает Владимир Сергеевич. — И на этот вопрос очень легко ответить. Он должен, во-первых, озеленить какую-то маленькую, но свою пустыню или высушить какое-то маленькое, но свое болото, то есть сделать что-то полезное! А во-вторых, он должен еще переделать каждого человека, который хочет прожить на земле только сам для себя. Ведь должен же какой-то след остаться после каждого человека на земле? А этот след и будет в конце концов красота земли и счастье всех людей! Вот и весь прекрасный смысл нашей жизни.

— А я знаю, о чем Владимир Сергеевич говорит, — серьезно замечает Лешка. — Первый человек — это коммунист, а второй человек — индивидуалист. Это тоже недоделка природы.

— Ну хорошо, а как же я лично должна жить? — допытывается Зойка. — Ну, где мне найти место, чем заняться?

— Вы, Зоя, мне кажетесь очень способным человеком. Вот вы немножко знаете медицину, немного ботанику. А к чему вас больше всего тянет?

— Пожалуй, к медицине.

— Вот и займитесь ею.

— А если я не попаду в институт?

— Поступайте в больницу, в медсестры. Но все-таки бейте в одну точку. А там подучитесь — и, глядишь, вы уже врач! Только надо быть настойчивым.

— А если меня никуда не тянет, тогда что? — интересуется Лешка.

— Тогда иди куда хочешь: на завод, в колхоз, на фабрику. Там со временем поймешь жизнь, может быть, полюбишь свою работу...

— А если не полюбишь, как тогда?

— К тому времени ты, Лешка, уже умнее станешь и уж сам будешь решать, что тебе делать. Мне сейчас трудно загадывать. Но, главное, не бояться ни-

какой работы! Жизнь — она наука мудрая! Она сама тебя поставит на свое место. А лучше всего, конечно, к чему-нибудь с детства пристраститься и шагать по одной дорожке. Так сказать, выбрать себе свое жизненное суворовское училище и вступить в него прямо с первого класса. Хотите, могу вас поднатаскать по геологии? Будете путешествовать, открывать нефть, разные руды...

— Ура! — кричим мы с Лешкой. — Давай!

— И вы сможете нас взять в это лето в экспедицию? — перебивает его Лешка.

— Нет, вас еще брать рановато, а вот Зоя уже могла бы поехать в поле. Я бы ее немножко подучил как будущего коллектора и — к нам в партию! Взять бы, не задумываясь!

Но Зойка только вздыхает.

— Мечты, мечты, где ваша сладость? Папа! Мама! Разве они отпустят?

— А ты убег! С Владимиром Сергеевичем не пропадешь! — советует Лешка, и мне хочется ему стукнуть по загривку за такие слова.

Зойку я уже не провожал по вечерам из лесу домой. Ее провожал Владимир Сергеевич. Он даже познакомился с ее папой и мамой и, бывало, попивал у них чай из самовара.

Я-то к ним заходил домой запросто, но они со мной обращались, как с мальчишкой: спрашивали, как я учусь в школе, занимаюсь ли я музыкой и хороший ли у меня педагог. А вот с Владимиром Сергеевичем они вели разговор о политике, о его специальности и расспрашивали, какой у геологов заработок.

Я все прекрасно понимал, что Зойка уже отошла от нашего прошлогоднего дачного детства, и мне было очень жалко, что мне еще так мало лет. Сначала я сердился на Владимира Сергеевича, но потом решил, что мне с ним не стоит портить хорошую мужскую дружбу.

До свидания, Зойка! И если я еще когда-нибудь встречу девчонку, то мне очень хочется, чтобы она вся была такая, как ты.

Однажды поздно вечером я поехал с деревенскими ребятами в ночное. Мы взнуздали лошадей, положили к ним на круп легкие подстилки и поскакали на Макарьев луг. Перед выездом наша кавалькада, состоящая из пятнадцати лошадей, долго ожидала Сашку Косого, который почему-то не мог вырваться из дому. И так, не дождавшись, мы поехали без него.

Лешку я с собой в ночное не взял. Он не мог сам вскакивать на лошадь, его надо было поддерживать за ногу, а потом он боялся быстрой езды и все время вопил: «Ой, ребята, не гоните! Я себе весь зад отбил! Ой, сейчас упаду!..»

Вечер был холодный, и деревенские ребята поехали на луг кто в зимних шубейках, а кто и в валенках на босу ногу. Я был в тоненькой рубашке.

На лугу мы спутали лошадей и сняли с них уздечки. Потом разожгли костер.

И вдруг я увидел, что к костру подходит что-то черное и лохматое!

У меня прямо сердце в пятки ушло.

И это неизвестное животное придвигалось к нам на четвереньках. Ну, точно так же, как я видел около шалаша сквозь сон!

— Ой! — тихо ойкнули ребята и от ужаса все окаменели. А потом все бросились врассыпную.

И я тоже удрал в кусты.

А это неизвестное животное вдруг встало на дыбы и дико захохотало.

— Ребята! Это же я! — закричал Сашка Косой и свалился от смеха на траву.

На нем оказался вывороченный наизнанку мохнатый овчинный тулуп.

Придя в себя, я сразу же спросил Сашку:

— Слушай, а ты еще кому-нибудь давал этот тулуп?

— Давал, — ответил Сашка, — а что?

— А кому давал?

— Ну, Нарьке с Гарькой давал. Они у меня на сеновале, бывает, спят. А тебе что, холодно в рубашке?

— Холодно.

— Ну и бери его. А завтра отдашь.

Я накинул на себя тулуп, и все мы, весело обсуждая, кто как испугался «медведя», тронулись в деревню.

«Так, — думал я, — теперь ясно, кто к нам ходит по ночам. И ясно, почему ходит... Ну, ходи, ходи... Ты, Нарька, свое зарабатываешь!»

Подойдя к нашему шалашу, я вывернул шубу наизнанку, накинул на голову широкий воротник и встал на четвереньки. Я видел, что около костра сидит Лешка, а Владимира Сергеевича не было. Он, видно, пошел провожать Зойку.

И тут я, продвинувшись к шалашу на несколько шагов, тихонько завыл:

— У-у-ы-а!

— Кто там? — спросил Лешка, загордившись ладонью от костра.

— Э-ы-ы-у-у!

Я думал, что сейчас Лешка завопит: «Караул! Спаси-ите!», но дальнейшее произошло в одно мгновение. Такой прыти я от Лешки не ожидал. Он схватил наш тяжелый «дрын», подскочил ко мне и поднял его над головой.

Я едва успел произнести: «Это я, Лешка!» — и юркнуть в кусты, как Лешка с размаху хряпнул дрыном по земле, по тому месту, где я только что находился.

Не увернись я вовремя, эта шутка могла бы кончиться очень печально.

И все из-за того, что я предполагал, что Лешка остался прежним.

КОРЕНЬ ЖЕНЬШЕНЬ

Как внезапно началось наше житье-бытье в шалаше, так оно внезапно и кончилось.

Однажды Владимир Сергеевич уехал с утра в Москву, в Геологическое управление, за прогнозом для артезианской скважины, и вдруг, вернувшись от-

туда раньше времени, он вынул из кармана телеграмму и вслух прочитал:

— «Из Красноярска. Через десять дней уходим тайгу. Ждем». — И добавил: — Вот и конец, друзья-приятели! Ну, что скажете?

— Уже, значит, уезжаете? — все еще не веря только что услышанному, спросил я.

— Как видите.

— А... мы куда? — растерянно сказал Лешка.

— На кудыкину гору... — вздохнул Владимир Сергеевич. — Да, не ожидал я таких быстрых событий. Надо уезжать в Москву.

— И это обязательно сегодня? — спросил я.

— Только сегодня! Я еще должен кое-что купить, собраться в дорогу, написать письмо родителям. Значит, так, — голос Владимира Сергеевича стал деловым, — сейчас Лешка начнет собирать вещи, а мы с Юркой пойдем к Коляскину. Я ему сделал прогноз. Но жалко, что не успел составить проект скважины.

Я чувствовал, что Владимиру Сергеевичу уже не до нас. У него был озабоченный вид, и мне казалось, что между нами и им уже легла какая-то невидимая черта. Он — уже занятой человек, а мы — мы что? Мальчишки! Он уезжает в большой мир поисков и строительства, а мы остаемся под крылышками своих родителей. Но вот что интересно: если бы раньше до нашего приезда на Оку Владимир Сергеевич встретил бы меня на улице и сказал: «А знаешь что? Поедем со мной в тайгу!» — я бы, конечно, ни за что не поехал. Одно слово «тайга» звучало для меня пугающе. Но сегодня я бы махнул рукой на дом, на родителей, на город и своих друзей, но только бы остаться с Владимиром Сергеевичем и поехать с ним в тайгу.

Наш визит в деревню был неудачным. Мы там не застали ни Коляскина, ни Зойки. Коляскин уехал в район, а Зойка отправилась на пляж.

В правлении Владимир Сергеевич оставил записку: «Товарищ председатель! Вода у вас будет хорошего качества, дебита, то есть количества воды,

хватит на тысячу лет! А возьмете вы воду с глубины 70—80 метров. Это удовольствие будет не слишком дорогое. Желаю успеха!»

Мы пошли на Оку.

Владимир Сергеевич то говорил, что времени у него в обрез, а то теперь полетел зачем-то на пляж.

Мне было очень горько, что вот так быстро пронеслась наша золотая привольная жизнь, и мне хотелось помечтать о таком же житье-бытье на будущий год, а он... Он думал о Зойке! Сегодня вечером мы уже будем в Москве, и кто знает, когда нам доведется опять встретиться? И никто не отпустит нас без Владимира Сергеевича в шалаш.

Когда мы подошли к реке, то увидели, что Зойка сидит на песке, а поодаль, метрах в пятидесяти от нее, резвятся На-Гарики. Нарик пытался сделать стойку на руках, а Гарик хватал его за ноги. Они не замечали нас из-за ивовых кустов.

Владимир Сергеевич замедлил шаг, посмотрел на меня огорченными глазами и спросил:

— Ну, будем к ней подходить?

— Конечно, будем, — сказал я. — Ведь надо же с ней попрощаться! И этих бы за шкуру потрести!

— Идем! — решительно сказал Владимир Сергеевич.

Зойка была в синем шерстяном купальном костюме и красной резиновой шапочке.

— О, здравствуйте! — радостно сказала она, вскочив с песка. — А я, Владимир Сергеевич, сейчас к вам заходила в шалаш. И мне Лешка сказал, что у вас какая-то новость. Давайте купаться!

— А у нас уже времени нет, — сказал я. — Мы прощаться пришли. Мы сегодня уезжаем. Владимир Сергеевич получил телеграмму.

— Как уезжаете?! — отступила на шаг Зойка, и я увидел, что у нее дрогнули губы.

— Очень просто, — улыбнулся Владимир Сергеевич, — я — в тайгу, а они — домой. Скажите, Зоя, а это мыло ваше?

Зойка подняла с песка кусок туалетного мыла, завернутого в газетку.

— Мое! Пожалуйста!

Владимир Сергеевич кивнул мне на мыло: «Разверни!» — а потом подошел к Нарьку и без всякого предупреждения известным приемом схватил его за руку на излом.

— Ой, — закричал Нарик. — Что вы делаете?

— А мы рассчитываться пришли! За шубу, за мед! И ты, Гарька, иди сюда.

Но щупленького Гарьку точно ветром сдуло. Он умчался в деревню.

Нарик было попытался вырваться, но Владимир Сергеевич чуть-чуть нажал ему на руку, и тот почувствовал, что сопротивляться бесполезно.

— Ну, гадюка! — подошел я к Нарьку. — Ты что тогда надо мной во ржи измывался, а? — И я его схватил двумя пальцами за нос.

— Уйди... — прогнусавил мой враг.

Я хотел Нарьку хлопнуть по щеке, но, взглянув на Зойку, постеснялся.

Владимир Сергеевич завел Нарьку в воду и приказал мне намылить ему голову. Я думал, что мы этому типу таких шишек-банок надаем, что он век будет помнить. Но Владимир Сергеевич казнил его остроумнее: я, как заботливая мать, намыливал ему голову, а на берегу отчаянно смеялась Зойка.

Потом Владимир Сергеевич со словами: «Теперь смывайся!» — дал пинка Нарьке, и тот бултыхнулся в воду.

— А может, ему еще добавить? — сказал я.

— Хватит! — сказал Владимир Сергеевич. — Не охота больше руки марать... — И крикнул: — Ну, Зоя, пойдете к нам!

На пляже я нашел то место, где оставил около берега в воде консервную банку с большой замшевой раковиной и налипшими на ней дюжиной ракушек. Чуть о ней не забыл!

Банка была полузанесена песком. И когда я ее перевернул, на берег упала большая тяжелая рако-

вина, а за нею все малюсенькие ракушата. Они уже отвалились от «матери».

Я собрал все это семейство в горсть и бросил его на середину реки! Пусть живут себе в глубине и на быстром течении!

А в шалаше Лешка уже собрал два узла нехитрых наших пожитков.

Мы в последний раз разожгли костер, вскипятили кофе и выпили его по кружке.

И тут, лукаво оглядев нас, Владимир Сергеевич вдруг вынул из кармана две бумажки с каким-то машинописным текстом, напечатанным, видимо, еще в Москве, и торжественно сказал:

— Товарищи! Митинг по случаю вручения двух трудовых дипломов воспитанникам Кара-Бумбской школы жизни считаю открытым! Маэстро, туш!

И сам же оратор замахал, как дирижер, руками и заиграл на губах туш. Мы ему дружно подтянули.

— Первый диплом, — продолжал Владимир Сергеевич, — вручается Юрию Попову! — Оратор развернул бумажку и возвысил голос: — «Настоящим подтверждается то, что Юрий Иванович Попов прошел полный курс шалашной жизни первой ступени. Им освоены следующие предметы: приготовление пищи, отгонка лошадей в ночное, помощь в строительстве домов, научно-исследовательская работа в области муравьиных куч, рыбная ловля руками. Товарища Попова необходимо считать человеком, пригодным для самостоятельного существования. Начальник Кара-Бумбы Владимир Карпенко». Ура, товарищи!

Мы закричали: «Ура!»

— Теперь следующий. «Настоящим подтверждается то, что Алексей Демьянович Кузькин за время шалашной жизни прошел школу торгово-ягодного ученичества и кустарно-фотографического промысла и покказал себя человеком изворотливым...»

— А я не согласен! — вдруг с обидой сказал Лешка. — Вы Юрке серьезную бумажку написали, а мне какую-то такую... Ну, зачем вы написали про ягоды или про то, что я какой-то там ловчила?.. Не это главное!

— А что главное? — спросил Владимир Сергеевич.

— Уж будто вы сами не знаете... — сказал Лешка. — Надо мне тоже отметить, что я умею варить картошку, что я был чернорабочим. Ну и вообще, что сначала орал караул, а потом чуть Юрке хребтину не поломал. И что я тоже теперь не пропаду!

— Ну как, ему можно выдать такой диплом? — спросил нас Владимир Сергеевич.

— Мне кажется, можно! — кивнула головой Зойка.

И Владимиру Сергеевичу пришлось уже от руки, карандашом, написать Лешке новый трудовой диплом.

В конце каждого диплома, потеряв карандашом о герб на пятнадцатикопеечной монете, он приложил графитные печати.

Подхватив два узла, мы пошли на станцию. Нам было очень грустно покидать наше обжитое место, на котором мы пережили столько веселого и незабываемого. Перед уходом мы присели на дорожку и помолчали. И у каждого из нас в душе родились какие-то свои особые думы и о пролетавших днях и о том, что нас ожидает впереди.

Лешка сидел передо мной загоревший и поздоровевший. И я чувствовал, что ему тоже не хочется уезжать отсюда.

Я вспомнил, как Владимир Сергеевич на первой ночевке на сеновале рассказывал нам о шагреновой коже и о том, что никаких чудес на свете не существует и что человек только сам может добиться своего счастья. Я вспомнил, как Зойка не раз нам говорила, что мы ничего не понимаем в жизни. А теперь она этого не скажет!

Да, пройдет всего лишь каких-нибудь два-три года, и эта полянка перед шалашом зарастет молодыми березками и елочками, опутается буйным орешником, и ничто уже не напомнит о том, что некогда здесь жили-были мы, мальчишки, которые захотели поскорее войти в жизнь.

Через несколько дней мы провожали Владимира Сергеевича из Москвы с Ярославского вокзала. Мы приехали сюда на такси.

Владимир Сергеевич сбросил в вагоне свой рюкзак и вышел на перрон. Мы с Лешкой обняли его и поцеловали. А Зойка подала ему руку. Но он взял ее за обе руки и молча поглядел ей в глаза.

Так они и постояли секунду — высокий красивый парень в красной ковбойке с распахнутым воротником и хрупкая девчонка в школьном платье с беленькими кружевцами на шее.

Поезд незаметно тронулся, и Владимир Сергеевич уже на ходу вскочил в вагон. Мы пошли рядом с ним. А потом побежали за вагоном. Но догнать Владимира Сергеевича мы уже не могли.

И, когда в темноте исчез красный фонарик последнего вагона и мы пошли на выход в город, Зойка вдруг остановилась под ярким фонарем и сказала:

— Мальчики, смотрите!

Она разжала кулачок, и на ее маленькой ладони — нет, мы не поверили своим глазам! — мы увидели «талисман» Владимира Сергеевича — корень женьшень, — который был очень похож на маленького человечка с ручками и ножками.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Петя Махрюгин — рослый мальчик, ученик шестого класса.
Миша — «адъютант» Пети.
Гена — худенький мальчик, в очках, говорит медленно.
Шурик — «адъютант» Гены.
Люся Ромашкова.
Майка.
Андрей Петрович — учитель физики.

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Школьный физический кабинет. На стене большая карта звездного неба. Открыв дверь, стремительно входят Гена и Шурик. Шурик кидается к одному из столов и заглядывает в него.

Шурик (*радостно*). Нет, Люська еще не пришла! Гена. А разве она обещала прийти? У нее, мне кажется, сегодня музыка.

Шурик. Придет. Я ей недавно по телефону звонил. И мы ее встретим раньше всех!

Гена. А ты не знаешь, почему Петька сегодня в школе не был?

Шурик. Знаю. Прогуливал! В каких-то соревнованиях участвовал!

Гена. Ты подумай, какой тип! Один «коля» и одна двойка, а он и в ус себе не дует! Весь отряд губит! И главное — ходит себе фон-бароном, как будто это его не касается!

Шурик. Не губит, а уже загубил! Но ничего, мы этому Петьке веселую петрушку устроили. Я ему про точные науки самым жирным шрифтом напечатал!

Гена (*шепотом*). Значит, пока получается все, как задумали?

Шурик. Тютелька в тютельку! Заход с тыла! Ну, а для того, чтобы нам застраховаться—от этого Петьки всего ожидай!—мы должны в лобовое наступление бросить Люську!

Гена. А я все-таки очень сомневаюсь в этой кандидатуре. Может быть, нам к Петьке какую-нибудь другую девчонку послать?

Шурик. Тоже мне сказал—другую! Только Люську, она самая подходящая! Я сам видел, как Петька ей мороженое хотел купить.

Гена. И она взяла от него?

Шурик. Нет!

Гена. Ну вот... Мороженое — это еще не фактор! И мне думается, что Люсю все-таки не стоит вмешивать в наше дело.

Шурик. Эх ты, а еще председатель совета отряда! (*Возмущенно.*) Значит, ты хочешь, чтобы из-за ваших личных отношений с Люской пострадал наш класс? Да тебе же самому попадет из-за Петьки на совете дружины! Скажут, недоглядел, и выговор влепят. (*Пауза.*) Да, вспомнил! Петька ее и в театр еще приглашал.

Гена (*заинтересованно*). В театр?

Шурик. А чего это ты так встрепенулся?

Гена. Я не встрепенулся. Просто она не могла с ним пойти. Она человек принципиальный!

Шурик. Это все девчонки до поры до времени принципиальные. Знаю я их!

Гена. А я говорю, что Люся только со мной дру-

жит! Вот мы недавно ходили в кино и смотрели, как макароны делают.

Шурик. Ну, вы с ней еще и в детский сад ходили, в один песочек играли, и ты ей чучело совы подарил...

Гена. А при чем тут чучело?

Шурик. А вот при том! Ты ей — чучело, а Петька... (*многозначительно*), а Петька мороженое — раз! В театр — два-с... А? Ясно? И только она одна может оказать на него педагогическое влияние!

В кабинет метеором влетает Мишка. В руках у него фикус. Мишка ставит цветок на стол, решительно снимает с доски схемы рычагов и блоков и пишет мелом на доске: «Привет победителю!»

Миша (*запыхавшись*). Ребята, физический кружок еще не начался?

Гена. Нет. А ты что, записываться прибежал?

Миша (*радостно*). Мы сейчас будем встречать Петьку! Он победил в соревнованиях по ходьбе на цыпочках, виноват, по спортивной ходьбе. Значит, так: как он войдет, мы все грянем туш, а потом я скажу речь!

Гена. А что, у вас нет другой публики для овадии?

Шурик (*Гене*). Ну да! Занятия кончились, в школе никого нет, вот они и выбрали наш кружок!

В класс с нотной папкой и скрипкой входит Люся.

Миша (*Люсе*). Люська, становись быстрее к двери и вынимай скрипку, мы сейчас Петьку будем встречать! Он победитель!

Люся (*недовольно*). Вот еще! Петьку! Чего ему здесь надо?

Шурик (*вдруг осененный мыслью*). Люська, встречай! Доставай скрипку! (*Шепотом.*) Я тебе потом все объясню. Ты же нужный человек!

Люся (*удивленно*). Я?! Нужный?! (*Решительно.*) Не буду, и все!

Гена

Шурик (к Гене, умоляюще). Ну, Генка, чего ты смотришь! Скажи ей!

Гена. Люся... Видишь ли... понимаешь... Ну что тебе, жалко, что ли, скрипку?

Миша. Вот это мудрые слова! (Вырывает у Люси футляр, вытаскивает из него скрипку и протягивает ее Люсе. Потом выглядывает в коридор, быстро закрывает дверь и вскакивает на стол.) Идет! Три-четыре—приготовились!

Люся (Шурику, шепотом). Я сейчас уйду.

Шурик (шепотом). Играй, несчастная!

В кабинет вразвалочку, с гордым видом входит Петя, одетый в спортивный костюм. Миша взмахивает руками, все ребята играют туш. Миша делает знак рукой: «Прекратить!»

Миша (торжественно). Товарищи физики! Сегодня мы с вами чествуем одного из выдающихся спортсменов нашей школы, который победил в соревнованиях по спортивной ходьбе. Петя Махрютин является честью и гордостью нашего класса, а его победа — это наша с вами победа. Ура, товарищи!

Все. Уря-я!

Миша. От имени и по поручению физического кружка вручаю нашему могучему Петру Махрютину наш приз — фикус! (К Гене и Шурику.) Это вам не чучело! (Соскакивает со стола, передает фикус и пожимает Пете руку.)

Петя протягивает руку для пожатия Люсе и Шурику. Гену он игнорирует. В кабинет вбегают Майка.

Майка (взволнованно). Архимед идет!

Петя и Миша пытаются улизнуть с фикусом из кабинета, но в дверях сталкиваются с учителем. Это еще совсем молодой человек.

Миша

Андрей Петрович. А-а, к нам новые члены пожаловали! Молодец, Петя, я тебя давно жду! Вот сейчас вы с Мишей и поможете нам готовиться к опытам. Люся, ты сходи за тряпкой к нянечке, а ты, Майя, принеси таз с водой.

Люся и Майя уходят. Весь дальнейший диалог идет по ходу подготовки к опытам. Ребята с учителем приносят модель паровой машины, спиртовки и т. д.

(Обращается к Пете и Мише.) Откуда у вас такое гордое растение? Вы что, озеленением занимаетесь?

Миша. Это подарок для Пети! Он у нас сегодня в соревнованиях по ходьбе на цыпочках победил, виноват, по спортивной ходьбе.

Андрей Петрович. Ну-у, победил? А ну-ка, Петя, расскажи на нашей прессконференции о своем успехе.

Петя. А что рассказывать? Я человек скромный. Победил — и все!

Андрей Петрович. Как это расшифровать: спортивная ходьба?

Петя. Тут надо не бегать, а быстрее всех ходить. Вот так! *(Показывает.)*

Андрей Петрович *(с юмором)*. О, какая походочка! Да, кстати, как в вашем классе дела с физической подготовкой? *(К Пете.)* Ты ведь, кажется, физорг класса?

Входит Люся с тряпкой в руках.

Петя *(Андрею Петровичу)*. Дела-то у нас ничего, только вот один человек всех подводит.

Андрей Петрович. Кто же это такой?

Петя *(показывая на Гену)*. Вот он, перед вами, пожалуйста!

Люся

Петя

Андрей Петрович (*удивленно*). Гена?! Это наш-то знаменитый физик?!

Петя (*ядовито*). Горе-физик! Его на аркане надо тянуть на занятия по физкультуре. В футбол не играет, на турнике не подтягивается, по бревну не ходит! И на все у него одна отговорочка: голова кружится. (*В сторону ребят. учитель не слышит.*) В общем рахитик!

Мишка *деланно смеется*.

Шурик (*смотрит на Люсю, вызываяще*). Андрей Петрович, а Петя мне сказал, что он пришел сюда для того, чтобы «кол», то есть «единицу», по физике исправить.

Миша. Он тебе этого не говорил!

Шурик (*с ехидцей*). Нет, говорил, говорил!

Андрей Петрович. К сожалению, нашему уважаемому победителю я сейчас ничем не могу помочь. У нас сейчас не урок.

Петя (*в сторону, шутливо крестится*). Слава аллаху, пронесло!

Гена. Андрей Петрович, один вопросик задать можно?

Андрей Петрович. Пожалуйста!

Гена. Вот Петя заявление послал, чтобы его в космос направили, а скажите, Андрей Петрович, сколько километров до Луны?

Андрей Петрович. Однако странно, почему ты об этом у меня спрашиваешь. Вот Петя специалист по этому вопросу, пусть он и ответит.

Петя. Гм... Сейчас скажу... (*Поднимает глаза к потолку, что-то шепчет и косится на Мишу.*)

Миша *пальцем чертит на стекле окна цифру*. Триста... восемьдеся... четыре!

Гена. Андрей Петрович, а чего триста восемьдесят четыре? Тысяч километров или миллионов?

Петя. Миллионов, конечно!

Гена (*победно*). Эх ты, шляпа!

Андрей Петрович (*разворачивая карту Луны и вешая ее на стену, Пете*). До Луны триста восемьдесят четыре тысячи километров. М-да, огорчил ты меня своими познаниями, очень огорчил! Понятно?

Миша (*хочет разрядить атмосферу*). Андрей Петрович, а когда советские люди на Луну полетят? Раз уже сфотографировали, теперь надо лететь!

Андрей Петрович (*увлеченно*). Ну, как тебе сказать? Это вопрос сложный. Долететь до Луны уже и сейчас можно, а вот главная проблема — это возвращение космонавта на Землю. Но можно с уверенностью сказать, что тот человек, который первым полетит в космос, уже ходит где-то рядом с нами по Земле, может быть, даже живет рядом с нами.

Петя. Тренируется.

Андрей Петрович. Да, тренируется на ракетодроме.

Миша (*поглядывая на Петю*). Андрей Петрович, а туда, в космос, каких людей будут посылать, самых сильных?

Андрей Петрович. Ну, конечно. Только тех, кто прошел хорошую тренировку. Например, на длительное пребывание в одиночестве в узких кабинах, на пребывание в условиях невесомости, на выдержку вибрации и шума от ракетных двигателей.

В кабинет с тазом входит Майка.

Майка (*вся сияя*). Андрей Петрович, к вам пришли!

Андрей Петрович (*удивленно*). Ко мне?

Майка. Ну да, к вам. К вам мама из Москвы приехала!

Андрей Петрович (*смущенно глядя на ребят*). Какая мама?

Майка. Ну ваша! Самая родная! Я иду сейчас по коридору, а она меня спрашивает: «Вы не видели моего Андриюшеньку?» Я говорю: «А в каком классе он учится?» А она отвечает: «Он педагог». А в авоське у нее тульские пряники в коробке. А-а, думаю, Андриюшенька — это ведь наш Андрей Петрович!

Андрей Петрович (к ребятам). Одну минутку, ребята! (Уходит.)

Петя (Мише). Мишка, за мной! Дело государственной важности! (Отходят в уголок кабинета.)

Шурик (понижив голос). Люська, у нас к тебе дело. Только ты одна можешь спасти наш класс.

Люся. Я?! А что случилось?

Гена. Петька позорит весь отряд. Мы вот тут с Шуркой посоветовались и решили, чтобы ты взяла над ним шефство. Поможешь ему по физике и по математике.

Люся (решительно). Над Петькой? Ни за что!

Гена (Шурику, радостно). Вот говорил, что ничего не получится! Давай кого-нибудь другого пошлем!

Шурик (Гене). Нет, только Люсю! (К Люсе.) Люся, ну, ты подумай, ведь всего-навсего физика и математика.

Майка. А нам и думать тут нечего.

Шурик (Майке). А тебе бы самой хотелось над Петькой шефствовать?

Майка. Фи, как глупо!

Люся. Нет, я не буду с таким грубияном заниматься.

Шурик толкает Генку; дескать, давай ты теперь уговаривай.

Гена (Люсе). Что верно, то

верно — грубиян! Но знаешь, Люся, когда наша страна гигантскими шагами идет вперед и когда везде растут домны и заводы, мы не можем закрыть глаза на Петьку. Наш долг — ему помочь!

Люся. А почему вы сами ему не поможете?

М а й к а (*ехидно*). Я знаю, у Генки есть причина. Его Петька носом в чернильницу ткнул. И на носу вот такая блямбочка появилась.

Г е н а (*Майке*). Чего ты врешь? Когда это было?

М а й к а (*Гене*). Было! Ты забыл, а мы все помним.

Г е н а (*отмахиваясь от Майки, к Люсе*). Люся, в общем как ты хочешь, а мы все-таки надеемся на твою сознательность.

К ребятам решительно подходят Петя и Миша.

Шурка подталкивает Люсю к Пете.

Люся (*неуверенно*). Петя... Я... я должна с тобой поговорить... Совет отряда поручил мне...

Петя (*перебивая Люсю*). Это очень хорошо, что тебе со мной надо поговорить. Я сам хотел... (*понижив голос*). Есть одна новость! (*К Мише.*) Мишка!

Миша (*подбегая к Пете, тихо, по-военному*). Слушаю!

Петя (*многозначительно*). Надо очистить кабинет. Будем давать клятву перед звездным небом!

Миша (*удивленно*). Клятву?

Петя. Да! Сейчас все узнаешь. (*Подходит к Гене.*) Ты, освобожденный от занятий по физкультуре, ты что меня шляпой назвал, а?

Г е н а. А кто ж ты есть? Написал заявление, чтоб тебя в космос отправили, а сам в астрономии ни бум-бум!

Майка

Шурик (*Пете*). Шляпа — это просто метко сказанное слово. Юмор!

Петя. Я вам сейчас покажу юмор и сатиру. Мо-ему заявлению завидуете? А кто же вам запрещает в космос проситься?

Миша. Да кому же они там нужны, такие бациллы? (*Замахивается на Генку.*) Ну-у, смывайтесь отсюда, рычаги второго рода!

Шурик (*растерянно*). А мы... а мы... возьмем и не уйдем!

Петя (*мрачно*). Раз! Не уйдете?

Гена (*решительно*). Нет!

Петя (*Мише*). Мишка, продезинфицируй тряпочку!

Миша (*опускает тряпку в таз с водой, вынимает ее*). Два! Не уйдете?

Шурик (*отодвигаясь от него*). Нет!

Петя. Три! Не уйдете?

Гена (*прикрывая голову руками, решительно*). Ни-ко-гда!

Петя (*командуя*). Мишка, дай ему по галактике!

Миша бьет Генку мокрой тряпкой по голове, а Петя хватает Гену и Шурика за шиворот и выгоняет их из кабинета.

Миша (*глядит на Майку, к Пете*). А эту куда девать?

Петя. И эту туда же!

Майка (*просительно*). Ну, Петечка, я же вам не помешаю.

Мишка строго, как гипнотизер, смотрит на нее, и Майка сама выбегает из класса.

Петя (*таинственно оглядывает класс и достает из кармана курточки какую-то бумажку. К Люсе*). Вот здесь такое написано, что скоро все ахнут!

Люся (*заинтересованно смотрит на бумажку*). О-о! На пишущей машинке отпечатано. Это что, секретно?

Петя (*таинственно*). Для нас — нет, но для других — да!

Эй вы, рыцали второго рода...

Люся. А что это такое? Откуда это письмо?

Петя. Это бумажка... *(Осторожно идет к двери и раскрывает ее. Дает за дверь Шурику пинка.)* Получил угощение? Не подслушивай! Вот люди, тут с ними надо ухо остро держать! Мишка, дверь!

Миша *(засовывая ножку стула за дверную ручку)*. А если учитель войдет?

Петя. Скоро не войдет, они там с мамой тульские пряники едят. *(Разворачивая бумажку.)* Вот смотри: штамп и печать! Все честь честью! Ну, слушайте! *(Читает.)* «Здравствуй, дорогой Петя! Научно-исследовательский институт по космическим полетам ставит тебя в известность, что ты» *(Петя бьет себя в грудь)*, то есть я, «зачислен в кандидаты для полета на другую планету. Мы сейчас набираем группу ребят-космонавтов и в скором времени начнем их тренировать. Рекомендуем усилить занятия в области точных наук. Жди сообщений. Директор института академик...» Ах, черт, подпись неразборчива!

Люся (*взволнованно*). Нет, просто не верится!

Петя. А чего не верится? Вот тебе штамп: «Космический институт»! Ответ на мое заявление! Пятнадцать дней ждал!

Люся. А они быстро все-таки ответили. А знаешь, точные науки — это физика и математика. Вот совет отряда мне и поручил...

Петя (*перебивает*). Да что ты — физика! Кому они нужны, эти паровые машины? Теперь ведь ракеты! (*Гордо.*) Ну, что скажете? Скоро ребят будут в космос отправлять. (*Крутит рукой и свистит.*)

Люся. А почему ребят?

Петя. Во-первых, они в ракете меньше места занимают, а потом, пока мы долетим до Марса, мы уже взрослыми станем! Вообще надо немедленно собрать надежных людей и устроить совещание.

Люся. Тебе бы, пожалуй, лучше всего заниматься, а не сидеть на этих совещаниях.

Петя (*убеждая Люсю*). Да ты подумай, единственному из всей школы, кому оказали доверие, — это мне. И я его оправдаю! И пока институт будет меня готовить, я уже сам для них два-три лунатика подготовлю. И знаете, я напишу в разные организации, чтобы мне помогли: в Академию наук, в газету, на «Мосфильм», чтобы в кино нас снимали.

Люся (*изумленно*). И ты уже послал письма?

Петя. Пока нет, но скоро отошлю. Башкой отвечаю — в кино попадем!

Миша. Конечно, попадем! (*Люсе.*) Я Петьку знаю, чего хочешь, добьется.

Стук в дверь, голос Гены: «Откройте! Откройте!»

Петя. Успеешь! Подыши свежим воздухом! (*Мише и Люсе.*) И как исключение, это мое личное одолжение, я и вас подготовлю для космоса.

Миша (*подобострастно*). Спасибо! Я всегда верил, что ты настоящий друг!

Люся. А меня никуда не надо готовить. У меня и на Земле дел много.

Петя. На скрипке будешь пиликать?

Люся. Буду.

Петя. А я считаю, что мы все должны пройти

испытания на полет в условиях невесомости... на одиночество в узкой ракетокабине... на шум и вибрацию.

Миша. Это даже интересно узнать, выдержим или не выдержим. Впрочем, девчонки, наверное, не выдержат.

Люся. Я думаю, выдержат испытания... если захотят.

Миша (Пете). А где будут происходить совещания?

Петя. Можно у меня дома. Я целыми днями один. Отец — в пожарной команде, мать — в больнице дежурит.

Миша. А кого позовем? Надо ведь надежных!

Петя. Ну, тебя — раз! (Задумывается, потом решительно.) Люся, ты сможешь прийти ко мне сегодня?

Люся. Я... видишь ли... у меня музыка.

Петя. А завтра?

Люся. А завтра тетя приезжает.

Миша. Ну и что ж, что тетя? Подумаешь, тетя! Приходи, и все.

Люся (неуверенно). Ну ладно, я, может, и загляну. А физикой и математикой мы будем заниматься?

Петя. Обязательно будем! Сплю и вижу! Значит, придешь?

Люся. Приду.

Петя. Так... Теперь следующее: ты откуда, Мишка, узнал, что до Луны триста восемьдесят четыре тысячи километров?

Миша. А я книжку читал «Занимательная астрономия»! Ну, и газеты...

Петя. Я тоже эту книжку читал. Но ты мне ее принеси.

Миша. Есть! Принесу!

Петя. А у тебя, Люська, есть что-нибудь такое, связанное с Луной?

Люся. Есть. Ноты. «Лунная соната» Бетховена.

Петя. Ноты не годятся. Я в этих закорючках ничего не понимаю. А у тебя дома бинокль найдется?

Люся. Найдется. У мамы — театральный.

Мы-юные лунатики...

Петя. Принеси. Обязательно! А на первом совещании я вам сообщу о том, что я задумал. Ты, Люся, будешь у меня ученый секретарь. А ты, Мишка, заведующий научной библиотекой. А на этих чудиков (*кивает на дверь класса*) плюнь! Вот увидишь, на нас троих вся Европа будет смотреть! Теперь повторяйте за мной клятву.

Люся. Я никаких клятв давать не буду.

Петя. Я тебе такой секрет открыл про письмо, а ты поклясться не хочешь, что никому не разболтаешь!

Люся (*серьезно*). Я никому не разболтаю, честное слово!

Петя. Все равно не верю!

Люся. Ну, пожалуйста, могу даже дать клятву! Что надо говорить?

Стук в дверь, голос Шурика: «Петька, Андрей Петрович идет!»

Петя (*торжественно, шепотом*). Мы, юные лунатики...

Миша и Люся (*торжественно*). Мы, юные лунатики...

Петя. Клянемся перед тайной космоса...

Миша и Люся (*вместе*). Клянемся перед тайной космоса...

Петя. Что...

Миша и Люся (*вместе*). Что...

Петя. Когда полетим в иные миры...

Миша и Люся (*вместе*). Когда полетим в иные миры...

Петя. Мы не будем драться и ругаться...

Миша и Люся (*вместе*). Мы не будем драться и ругаться...

Петя. А будем вечно дружить, как Галилей и Ньютон!

Люся (*удивленно*). Кто-о?!

Миша. Да ладно тебе!

Миша и Люся (*вместе*). А будем вечно дружить, как Галилей и Ньютон!

Петя торжественно фикусом «благословляет» Мишу и Люсю на подвиг. Громкий стук в дверь.

Занавес

ВТОРАЯ КАРТИНА

У Гены в комнате. Он живет на первом этаже. На стенах — модели самолетов и кораблей. Посредине, похожий на круглый цоколь фонтана, стоит какой-то аппарат, опутанный блестящей медной проволокой. Гена и Шурик ползают вокруг аппарата. У Гены в руках паяльник, у Шурика — пинцет.

Гена (*взволнованно*). Не нашел обрыв?

Шурик. У тебя тут столько этой проволоки напутано, что сам черт голову сломит!

Гена. Это не просто проволока, а электромагнит Стой! Я, кажется, нашел! А ну-ка, дай олово, сейчас тут припаяем.

Шурик подает олово. Гена вытягивает из «фонтана» какие-то две проволочки и хочет их соединить.

Шурик (*радостно*). Генка, да у нас просто не включено! Смотри! (*Вставляет в штепсель вилку.*)

Треск. Дым. Гена отскакивает от аппарата.

Гена (*гневно*). Я тебе говорил, не смей трогать! Меня так ударило током, что прямо поджилки затряслись.

Шурик испуганно выдергивает вилку из штепселя. Уф, совсем сердце в пятки ушло. (Отдышавшись.) Ну ладно, давай опять делать. Только без моей команды ты ни к чему не прикасайся!

Шурик. Ладно.

Гена (*сплавляет два конца проволоки*). А теперь поставь под напряжение.

Шурик *вставляет вилку в штепсель. В аппарате гудение.*

Подожди, кажется заработало. А ну-ка, давай сюда чайник!

Шурик *подает Генке чайник, тот ставит его на перекладинку в центре «фонтана».*

Шурик. А на какую высоту он у тебя должен подняться? (*Показывает на чайник.*)

Гена (*приподнимая чайник над «фонтаном»*). Мы с Андреем Петровичем рассчитали — сантиметров на десять.

Шурик (*изумленно*). И будет плавать в воздухе?!

Гена. По расчетам — должен. Понимаешь, его будет поддерживать поток магнитных частиц. (*Пауза.*) Ну что ж, будем еще пробовать?

Шурик (*косо поглядывая на аппарат*). А может быть, Люську подождем? И чего она не идет? Сказала, приду — и вот нет!

Гена. Терпение. Придет. (*Включает вилку в штепсель.*) Ну-ка, повысь напряжение!

Шурик *боязливо передвигает регулятор на лабораторном трансформаторе. Аппарат гудит еще громче. Торопливый стук в дверь.*

Гена и Шурик (*вместе*). Она!

Шурик *выключает трансформатор. Вбегает взволнованная Майка.*

Майка. Мальчики, это просто ужас, это просто ужас! Что творится, прямо светопреставление! Я к вам на минутку!

Гена. Подожди, успокойся!

Шурик (*дует на Майку*). Фу-у! Фу-у! Охладись!

Майка. Что вы, охладись! Тут надо всем волноваться! Тут надо бить в набат! Поднимать людей! Андрей Петровича!

Стой! Я, кажется, нашел!..

Шурик. Кого бить, за что?

Майка. Вы представьте себе: к тебе приехала Люська, то есть к Люське приехала тетя, ну, я и побежала за тетей к Петьке, то есть за Люськой к Петьке. А у Петьки в комнате — боже мой! Нет, вы даже себе не представляете, — настоящая психиатрическая больница! Люська сидит в таком узеньком сундуке, Мишка так по сундуку лупит палкой, что прямо волосы дыбом! А Петька под потолком болтается! Глазищи — во! Физиономия — красная! Боже мой, думаю, куда я попала? Я — к Люсе. «Люся, — говорю, — к тебе тетя приехала!» А Петька с потолка как рявкнет: «Отставишь тетку! У нас испытания!» Ну, думаю, совсем спятил! А на шкафу у них надпись: не то «карнетическая» машина, не то «еретическая».

Гена. Наверное, «кибернетическая».

Майка. Ага! Вот-вот! «Кибернетическая»! А что это такое?

Гена. Электронные мозги.

Шурик. У Петьки своих не хватает, вот он и подключается к этим. Ну, а Люся-то побежала к тете?

Майка. Что вы? Так и осталась сидеть в сундуке. Сидит и блаженно улыбается. Вот так! (Показывает глупую рожу.)

Гена. Значит, забыла про тетю? Забыла про родных?!

Майка. Забыла! Как будто их и не было!

Шурик. Вот так Петька! Вот так занятия по математике! (К Майке.) Ну, а что же это у них такое? Ты не узнала?

Майка. Не узнала! Петька как схватит меня за шиворот и хотел к потолку поднять, а я еле вырвалась. И вот к вам!

Шурик. А какие подробности ты еще заметила? Там, может быть, какие-нибудь учебники лежали или тетрадки?

Майка. Какие там учебники, когда люди в сундуках сидят. В общем я вам скажу, что Петька, Миша и Люся затевают что-то подозрительное.

Шурик (испуганно). Ну-у, а это что-то хорошее или плохое?

Майка. Неизвестно!

Шурик. А это против меня, или против Генки?

Майка. Неизвестно!

Шурик. А что же известно?

Майка. Известно только то, что ничего не известно! Но это прямо ужас! Ну, я побежала к тетиной Люське, то есть к Люськиной тете, а то она меня там ждет. Она такую шляпку Люське привезла! С бантиком! Это просто ужас! Это просто ужас!

Убегает. Пауза.

Гена. Ну вот, говорил тебе, что не надо посылать Люсю! Она девчонка музыкальная, а ты: «Нет, только Люську! Она единственная!» Вот Петька ее как единственную и загнал в сундук!

Шурик (виновато). А я знал, что так получится?

Гена. Должен был знать!

Шурик. Ну не Майку же было посылать! Она бы Петьку вместо математики такими бантиками опутала... что он свою ходьбу... на этих... цыпочках забросил. (Оправдываясь.) Я-то думал, что Люська железный человек!

Гена (*хмуро*). Один индюк тоже думал!

Шурик (*хмуро*). Это кто же, по-твоему, индюк? Я?

Гена. Ты!

Шурик (*рассердившись*). А ты... а ты... рычаг второго рода! И правильно тебя Мишка так назвал! Только вот такие, как вы... рычаги... и могут из-за какой-то девчонки дружбу ломать. Рыцарь тоже мне! И делай сам один... свой аппарат. (*Направляется к двери. Сталкивается в дверях с Люсей. Обрадованно.*) Люська?! Ты пришла?! А мы тебя так ждали! Волновались! Думаем, что там случилось? Почему не идет? А ты... Вот она!

Люся. Я сначала у Пети была, а потом к тете пошла. Вот и задержалась.

Гена (*с легкой язвинкой*). Ну, что там у Пети? Что ты нам расскажешь, Люсенька? Как шефство?

Люся. У Пети все хорошо. Мы с ним сначала закон Архимеда изучали, а потом я ему объяснила уравнения.

Гена (*с язвинкой*). Угу, значит, уже к высшей математике подошли. Ну и как же он? Стал чего-нибудь соображать?

Люся. Стал.

Гена (*с язвинкой*). Ста-а-ал?! И отчего же у него такие способности появились?

Люся. Вы знаете, я даже сама удивилась! Я раньше думала, что он совсем неспособный, но теперь вижу: ничего подобного! В нем что-то есть.

Шурик (*сразу*). А что?

Люся молчит.

Гена. Да, что именно?

Люся молчит.

Это просто ужас...

*Ну, рахитики,
узнали
тайну?*

В общем, знаешь что, Люська, хватит нам тут зубы заговаривать! Чем вы занимались после того, как вы Архимедом занимались?

Люся. *(твердо)*. Я не скажу. Я не могу.. Петька взял с меня слово.

Гена *(изумленно)*. Не скажешь? *(К Шурику.)* Шурик, ну ты подумай, а? *(К Люсе.)* А намеком?

Люся, подражая Пете, нерешительно свистит и крутит в воздухе рукой, словно улетает ракета.

Гена *(удивленно)*. А что это такое?

Люся опять свистит и крутит в воздухе рукой.

Шурик. Ладно, Генк. Намек тонкий, музыкальный! Мы его потом разберем. *(К Люсе.)* А где ты была, когда вы это самое?

(Свистит и крутит в воздухе рукой).

Люся. А ты закон Архимеда знаешь: «Всякое тело, погруженное в жидкость...»?

В окне незаметно для Гены, Шурика и Люси появляются и прячутся Петя и Миша.

Гена. Намек понятен, и куда же ты была погружена?

Шурик *(сразу)*. В сундук, да?

Гена *(быстро)*. А почему Мишка по сундуку дубасил?

Шурик. А для чего Петька под потолком болтался?

Люся *(твердо)*. То, что я могла рассказать, я уже все рассказала...

Гена. Значит, ты нам больше ничего не скажешь?

Люся. Нет. Не скажу. *(Направляется к двери, хочет уйти из комнаты, но Гена закрывает дверь на ключ.)*

Гена. Нет, ты стой! Ты погоди! Значит, стал Петькиной подпевалой?

Люся. Я какой была, такой и осталась, и прошу меня не задерживать.

Шурик. Ах, ты теперь так говоришь? А когда тебе Генка чучело совы дарил, ты, помнится, по-другому говорила! *(Пауза.)* Ты изменщица!

Люся *(возмущенно)*. Я?! Изменщица?! Ну, мальчишки, знаете, это просто безобразие. Вы... вы... грубияны! *(Хочет уйти.)*

Гена *(мрачно)*. Дверь заперта, ключ в кармане!

Люся *(решительно)*. А я выпрыгну в окно!

Люся идет к окну, но Гена загораживает ей дорогу. Отталкивая Гену, в окно влезает Петя и Миша.

Петя *(торжествующе)*. Ну, рахитики, узнали тайну? Выпытали у Люськи? А? Сорвалось? *(К Люсе.)* Молодец, Люся, спасибо за службу! *(Пожимает ей руку. К Гене, строго.)* Ключ!

Гена. У меня его нет.

Миша *(угрожающе)*. Ключ!

Шурик достает из Гениного кармана ключ и передает его Пете.

Петя *(открывая дверь, к Люсе)*. Вы свободны! *(Люся колеблется.)* Иди! *(Шепотом.)* Завтра в семь ноль-ноль по гринвичскому времени!

Люся уходит.

Петя начинает величественно ходить по комнате.

Ну-с, все умничаете, все фитюречки разные строите? Во их тут сколько повешено! О, смотрите! У них даже и грамота новая висит. Самим Андрей Петровичем подписана. *(Подходит к стене, читает.)* «За участие в конкурсе юных техников присуждается вто-

рое место». *(Иронически.)* М-да! Второе место!
(К Мише.) Мишк, а я на каком был?

Миша. На первом! По ходьбе!

Петя *(к Гене)*. На кой тебе эта грамота, если ты все равно после школы на стройку поедешь?

Гена. На стройке мои модели и расчеты пригодятся.

Петя *(с иронией)*. Скажешь тоже, пригодятся! Да там вот что надо. *(Сгибает руку в локте, напрягая мускулы)*. Теперь мускулы везде главное! Вот пощупай! И еще надо смотреть в будущее! *(Делает круг рукой и свистит)*. Понял? А ты: «Сю-сю-сю!» Разные лодочки, самолетики!

Гена. А я считаю, что сейчас не мускулы, а мозги важнее всего.

Петя. Это нас с тобой история рассудит: кто прав, кто виноват.

Гена. Очень ты ей нужен, истории!

Миша. Петька? Нужен! Ты еще о нем мемауры будешь писать!

Гена. Не мемауры, а мемуары!

Петя. Помню, как сейчас, Петр Иванович сказал знаменитую фразу, как Ньютон: «А все-таки она вертится!»

Миша *(шепотом)*. Это Галилей сказал.

Петя *(громко)*. Все равно. Сейчас трудно проверить, кто сказал, Ньютон или Галилей. Сейчас главное — действовать и готовиться!

Гена. А к чему готовиться?

Петя *(многозначительно)*. Э-хе-хе! Прощай, фи-тюлечка! Жалко мне тебя! *(Идет к окну, чтобы выпрыгнуть на улицу, замечает на полу Генкин аппарат.)* А это что у тебя за Бахчисарайский фонтан?

Шурик. Это не фонтан, а антигравитонный аппарат.

Петя. Чего-о? Антигравитонный? А с чем его едят?

Шурик. В основном с электричеством. И вот чайком запивают. *(Показывает на чайник.)* Генка его по своей теории построил.

Миша. Ха-ха! Теоретик! Кофейная гуща!

Гена (*рассердившись*). А ну-ка, Шурк, покажем им, что ли?

Шурик (*с опаской глядя на аппарат*). Да ладно, не надо!

Петя. Покажите, покажите. И про теорию расскажите. А мы послушаем, как ты завираешь.

Шурик (*вспыхнул*). А он... Он ничего не завирает! Он книжки читал про великого физика Эйнштейна, и в Дубну с Андрей Петровичем ездил на синхрофазотрон смотреть, и всемирное тяготение изучает.

Петя (*Шурику*). Ой, наговорил! А я вот тоже «Занимательную астрономию» читаю, да кто меня к этому... сифрахозотрону допустит?

Гена (*решительно*). А меня... ничего... допустили. И я посмотрел. И я одному ученому о своей теории тяготения рассказывал.

Петя. Это мы сами знаем, к кому у тебя тяготение. Только у вас ничего не получится.

Гена (*рассердившись*). А вот все получилось! Ты вот ничего в физике не понимаешь и молчи! А теория у меня такая: самое главное для людей — это отключиться от тяготения Земли! Если научимся, тогда не надо никаких моторов, никаких двигателей! Но дело в том, что никто из ученых пока не знает природы тяготения.

Петя. Это всякий дурак знает, отчего яблоко на землю падает.

Гена (*с усмешкой*). Дурак знает, а ученые еще только изучают этот вопрос. И я тоже думаю. У нашей планеты есть электрический заряд, он к себе притягивает. А чтоб побороть эту силу, нужен противоположный электрический заряд. Шурка, включай антигравитон!

Шурик включает вилку в штепсель, аппарат начинает гудеть. Петя и Миша отходят от него подальше. Гена медленно поворачивает ручку трансформатора, и вдруг все видят, что чайник отделяется от аппарата и повисает в воздухе.

Он у вас на резиночке висит?

Шурик. Ура! Висит! Молодец, Генка! (Обнимает Генку, целует его, начинает танцевать вокруг аппарата.)

Гена включается в танец. Петя взволнованно смотрит на чайник.

Миша (с иронией). Черная магия! А он у вас сейчас на кухню не полетит?

Петя (медленно, с недоверием). Да просто он у вас на резиночке висит! Врете вы все!

Гена (оскорбленно). А я разве когда-нибудь врал?

Петя молчит, ходит вокруг аппарата, рассматривает его со всех сторон.

Гена (Пете). Нет, ты скажи! Ты меня шесть лет знаешь, я когда-нибудь врал?

Петя. Ну, не врал.

Гена (Пете). А сейчас? Где на резинке? Ну, посмотри! (Проводит ладонью над чайником и под чайником.) Видишь, и не шелохнется!

Петя боязливо проводит рукой над чайником и под чайником.

Шурик. Ну, убедился? («Снимает» чайник с «воздуха» и опять ставит его на «воздух».) А, видал-миндал?

Миша (*решительно*). Все равно вы шарлатаны! (*К Пете.*) Петька, ты что остолбенел? Пошли! (*Вскакивает на подоконник.*) А наш Петька... А наш Петька... может, и сам по воздуху будет летать! Без учителя будет летать!

Петя (*Мише, с достоинством*). Молчание! (*Вскакивает на подоконник.*) Мы еще им докажем! За мной!

Спрыгивают оба на улицу, уходят. Гена со злостью захлопывает окно.

Шурик. Ну, что ты скажешь об этих голубчиках? Что будем делать?

Гена (*задумчиво*). М-да... Задача! Люська в сундуке... Мишка по сундуку лупит... Петька пошел явно не туда, куда мы хотели.

Шурик. И Люську увлек!

Гена. Это ясно. На борьбу с Петькой надо бросить все средства. Пошлем дипломатическую ноту.

Шурик. Стой! Я, кажется, придумал...

Занавес

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

У Пети. Небольшая комната, в которой стоят диван, шкаф, обеденный и письменный столы. На подоконнике лежит мясорубка. На обеденном столе — бутылка с фруктовой водой, на бумажках — сардельки, хлеб, селедка, пачка мороженого. Петя ходит по комнате; в одной руке у него задачник по алгебре, в другой — сарделька. Теплый летний вечер. За окном — звездное небо.

Петя (*откусывая сардельку*). Значит, так... «Живой вес коровы в килограммах определяется по фор-

муле: длина спины коровы от холки (*бьет себя по шее*) до хвоста (*бьет себя по крестцу*), умноженная на обхват около лопаток и деленная на пятьдесят». А где у коровы лопатки? Ага, ясно! (*Обхватывает себя руками.*) «Живой вес от холки до хвоста...» А ну ее к черту, эту корову! (*Бросает задачник на стол, ложится на диван и вздыхает. Запевает скучным голосом.*) «...Помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела!» Да-а, дела! А вот какие дела? (*Вздыхает и снова поет.*) «...Помирать нам рановато, есть еще у нас дома дела!» (*Мечтательно.*) А что вот, если взять и вбить в нашу планету здоровый кол и привязать к нему длинный-длинный трос? А другой конец троса привязать к хвосту ракеты и запустить ее на Луну. Она воткнется в Луну, и тогда между Луной и Землей будет установлена прямая связь. (*Вскакивает с дивана.*) Во! Ну и идеяка меня осенила! Наверное, из ученых до этого еще никто не додумался! (*Мечтательно.*) А по этому тросу хоть людей в кабинах посылай, хоть продукты! Уй, вот красота! (*Загоревшись.*) А ну-ка, сделаем чертеж. (*Переносит все продукты с обеденного на письменный столик, снимает с обеденного стола квадратную крышку и устанавливает ее как чертежную доску на стуле. Накальывает на доску лист ватмана. Во время перестановки бормочет.*) А моя идеяка — это да-а! В тыщу раз лучше Генкиного аппарата. (*Полемизирует с невидимым Генкой.*) Подумаешь, силы земного притяжения! Вот ты додумайся до канатной дороги между Луной и Землей. Да у тебя же кишка тонка будет! Горе-физик! (*Чертит два круга — Землю и Луну. Соединяет их прямой линией. Бормочет.*) До Луны триста восемьдесят четыре тысячи километров... Когда Луна будет опускаться за горизонт, то моя кабина с Земли будет сама катиться по тросу к Луне, а когда Луна будет подниматься над горизонтом, то тогда тележка будет катиться с Луны на Землю. Вот и не надо будет никаких моторов! Ой, гениальное открытие! Ну и утрем же мы нос этому Геночке! (*Пишет на чертеже.*) Значит, на Земле — это я, назову себя

«икс», на Луне будет Мишка — это «игрек», а посерединке будет Люська — это «зет». Контрольный пункт.

Стук в дверь.

(Лихорадочно хватается за скатерть и закрывает ею свой чертеж. Потом хватается одной рукой за селедку, другой — за мороженое.) А ну, попробуйте!

Входит Люся, она с удивлением смотрит на Петькины руки.

Люся, здорово! Проходи! Ты мои письма разослала?

Люся. Разослала.

Петя. И в газету и на «Мосфильм»?

Люся. Да и туда и туда отправила. Я все аккуратненько переписала и отнесла на почту. Вот, думаю, попадет какому-нибудь главному режиссеру, ухватятся они за тебя и сделают фильм, который прославит тебя на весь мир.

Петя. Я главному режиссеру скажу, чтобы и вас вместе со мной снимали. Ты исполнишь эту самую... как ее... «Лунную сонату».

Люся. Что ж, неплохо будет. *(Смотрит на правую руку Пети.)* Это что у тебя?

Петя *(невинно)*. Мороженое.

Люся *(смотрит на левую руку)*. А это что?

Петя *(невинно)*. Селедка. Атлантическая. Пятнадцать рублей сорок копеек... кило!

Люся. Это твой обед?

Петя. И еще какой — королевский! *(Галантно.)* Хотите, я вас угощу яблочным сидром?

Люся. Нет, спасибо. Ну кто же так питается?

Петя. Я! А разве плохо? Ах, это ты про тарелки и вилокки и про разные вторые, третьи? Чепуха! Тут у меня своя теория. Человечество, я считаю, только

*Ну и идея
меня
осенила...*

зря тратит время, раскладывая блюда на первое, второе, третье. Там, в желудке, ведь все равно все перемешивается? Перемешивается. А я прямо на столе перемешиваю. Вот и все! Время выиграно, а калорийность та же!

Люся. А как твой папа на эту теорию смотрит?

Петя. Как папа? Папа ушел на каланчу, оставил записку: «Свари суп, пропусти через мясорубку мясо». Охота была мне с этим возиться! В общем я уже поел, и слава аллаху! Можем приступать. *(Берет половую щетку, стучит в боковую стену. Слышен ответный стук.)*

Люся. Ты задачку про корову решил? *(Смотрит на обеденный стол.)* А где у тебя крышка?

Петя. Крышка? Да она у меня теперь для других целей предназначена. А ты вот садись за письменный стол.

Люся наводит на письменном столе порядок, раскрывает учебник и тетради. Петя садится рядом с ней и делает умное лицо.

Люся. Так ты, значит, задачу про корову решил?

Петя. Ага, решал. Только я решал-решал, а потом даже разозлился: ну, при чем тут корова? Тут такие гениальные мысли в голову лезут, а ты: «Решай про корову!» Вот я книжечку недавно прочитал — «Занимательная астрономия!» Вот это занимательная штука! Про планеты, про Луну, про Галактику. Вот здорово написано! Но до одной штуки еще никто не додумался...

Люся. Ладно, Петя! Это потом. Сейчас мы с тобой займемся повторением. Скажи мне, в чем заключается закон Архимеда.

Петя *(вздыхнув, на память)*. «Тело, погруженное в жидкость, выталкивается вверх с силой, равной весу жидкости, вытесненной телом».

Люся. А как ты понимаешь этот закон?

В комнату входит Миша.

Миша (*Пете*). Явился по вашему вызову!

Петя (*кивает на диван*). Садись и молчи!

Миша. А вы занимаетесь?

Люся (*сердито*). А ты сам не видишь?

Миша (*идет на цыпочках к дивану*). Вижу. Вы занимайтесь, занимайтесь, я вам мешать не буду. Да, Петя, один вопросик: у нас будет сегодня заседание?

Петя. Будет. Важнейшее! Вот сейчас мы тут решим задачку и начнем тренироваться в ходьбе, а потом...

Люся (*удивленно*). А для чего эта ходьба?

Петя (*возмущенно*). Ходьба для чего? Да это ведь самый лучший вид спорта! Он развивает общую мускулатуру и опорно-двигательный аппарат. (*Выскакивает из-за письменного стола и начинает ходить по комнате.*) На Луне человек весит в шесть раз меньше, чем на Земле. И там он будет прыгать вот такими огромными прыжками. (*Показывает.*) А если научиться ходить вот так (*показывает, семеня ногами*), то мы будем ходить, как по Земле. А потом это еще неизвестно, как нас марсиане встретят. А вдруг у них все некультурные, и какой-нибудь пьяный марсианин схватит тебя за шиворот и захочет обратно в космос выбросить, а? Что тогда? А ты включишь свой опорно-двигательный аппарат, и от него ножками, ножками, ножками... (*Семенит ногами, убегая от мнимого марсианина.*) Мишка! Подключайся! Повторяй за мной движения! Люся, и ты подключайся! (*Ребята друг за дружкой семят вокруг стола.*) Ну, на первый раз достаточно. У вас успехи есть. Все!

Люся. Как все?

Петя. А с коровой мы кончили! На первый план надо общественное, а не личное. Знаете, я уже ответ из настоящей обсерватории получил. Вот смотрите. (*Достает из ящичка стола письмо.*)

Миша (*с интересом*). Давай прочитаем!

Люся (*Пете*). Что там написано?

Петя. Подождите, не торопитесь. Мы его еще обсудим. Но в свете одного открытия, Люсь, у тебя хочу спросить, от чего зависит длина пути тела при движении по наклонной плоскости?

Люся. Я этого не знаю. Это проходят в восьмом классе.

Петя. А у кого бы это узнать?

Люся. У Гены, мне кажется. Он ведь уже сейчас изучает физику за восьмой класс.

Петя. У Гены? (*Грозит Люсе пальцем.*) Ты мне эти штучки брось! Вот Мишка тогда мне на физическом кружке про Луну подсказывал, а я и сам все знал. Только не хотел свои знания перед Генкой открывать, не хотел его обогащать. А я вам сегодня такое научное сообщение сделаю, что все эти ваши Геночки от зависти лопнут. Моя лекция будет называться «Что думает Петр Махрутин о вселенной».

Миша. А что ты думаешь о ней?

Петя достает из письменного стола театральный бинокль и подходит к окну.

Петя. Мишка, погаси свет.

Миша гасит свет.

Я думаю о вселенной, что мы, то есть человечество, уже можем начинать ее завоевывать. Для этого нам только надо достать больше электронно-счетных машин, и все. Они будут считать и думать, а мы будем летать.

Миша. И мы больше ничего не будем делать? Ни учиться, ни работать?

Петя. Нет!

Люся. А кто же по дому родителям будет помогать?

Петя. По дому будут помогать автоматы. А мы, я повторяю, будем только летать. На Марс так на Марс! На Ньютон так на Ньютон! Пожалуйста, куда хочешь!

Миша. А разве есть такая планета — Ньютон?

Петя. Есть! Читал «Занимательную астрономию», а сам не помнит! Это планета в честь древнегреческого ученого названа, который придумал всемирное тяготение.

Люся. Петя, ты тут что-то путаешь. Есть планета Плутон, а не Ньютон. Такой планеты нет. А потом

великий физик Ньютон был не греком, а англичанином. И закон всемирного тяготения он не придумывал, а открыл его. Вот хоть у Гены спроси.

Петя (*взорвавшись*). Ну при чем тут Генка! Ты что, мне не доверяешь? Сеешь смуту среди своих братьев лунатиков?

Миша. Да подожди ты, Петька... Она тебя просто поправила, а ты уже в бутылку лезешь.

Петя (*Мише*). Ах, и ты против меня? Бунт? А где же ваша клятва? «Мы, юные лунатики... Мы не будем драться и ругаться». Клятвopреступники! Вот и верь вам после этого!

Люся. Но ведь теоретические споры в нашем клубе вести можно?

Петя (*с апломбом*). Теоретические — можно, а со мной спорить нельзя! (*С горечью*.) Я так готовился к этой лекции, которая связана с моим новым изобретением, все звездное небо изучил: я знаю, где созвездие Рака, и где Гончие Псы, и где Скорпионы водятся, а вы? Позор вам на всю Европу! Не буду больше лекцию читать. (*Хочет спрятать бинокль*.)

Люся (*примирительно*). Ну ладно, Петь, успокойся! Я тебя лично прошу, успокойся!

Петя (*довольный*). Лично?

Люся. Да!

Петя (*сменяя гнев на милость*). Ну, это другое дело! А для этого бы (*кивает на Мишу*) я бы и пальцем не пошевелил. Пусть один в звездах плутает. Может, об какую-нибудь башкой стукнется!

Миша (*гасит свет, заискивающе*). Слушай, где же все-таки Раки водятся?

Петя (*передает Мише бинокль*). Во-он, по небу ползают! Вон, видишь, задом наперед ползет! Э-эх ты, темнота! Раки в речках ползают, а на небе созвездие Рака!

Люся. А где эти Собаки?.. Как ты сказал, Гончие! Дай посмотреть.

Петя (*отнимает бинокль у Миши*). Я и сам их поищу. Где-то вот тут были. (*Смотрит в бинокль на небо*.)

В комнату никем не замеченный входит Шурик.

Где же
Луна?

В общем лучше сейчас прямо перейдем к Луне, нашей ближайшей соседке. Вы все, конечно, каждый вечер видите это небесное тело, которое своим серебристым светом заливают необозримые просторы. Бросим же взгляд на нее и убедимся в правоте моих слов. Подождите, где же Луна? Вчера я сам лично видел, а сейчас нет!

Миша (*прыскает в кулак*). Гончие Псы ею подзакусили.

Люся. Слушай, Петя, а может, нам попросить у Андрея Петровича еще какие-нибудь книжки по астрономии и всем вместе почитать? Или с Генкой посоветоваться?

Петя (*возмущенно*). Но, но! Генку — только через мой труп. Разве это изобретатель? Вы вот на мой чертеж взгляните. (*Откидывает одеяло с чертежной доски.*)

Миша *зажигает свет.*

Миша (*замечая Шурика*). Полундра! Спасайся кто может!

Петя *замечает Шурика и быстро закрывает одеялом свой чертеж.*

Петя (*с насмешкой*). А-а... Уголовный розыск пришел! Ты что пожаловал?

Шурик (*с деланной робостью*). Я... я... к вам... сюда. (*Поглядывает на чертежную доску.*)

Петя. А куда сюда?

Шурик. Ну вот сюда. (*Делает круг рукой.*) В ваш круг. (*Показывает пальцем на Петю, Мишу, Люсю.*)

Петя (*с издевкой*). Ах, в наш семейный круг, так сказать!

Завидно стало! А что ж ты раньше думал, когда со своим Геночкой *(смотрит на Люсю)* связывался?

Шурик *(подыгрывает, робко)*. Я... я заблуждался.

Миша *(с деланной жалостью)*. Ах ты, беденькая овечка!

Петя *(строго)*. А теперь что?

Шурик. У меня открылись глаза. *(Смотрит на чертежную доску.)*

Миша *(радостно)*. Ребята, я понял! Если он сюда пришел, значит мы у широких масс уже начинаем завоевывать авторитет.

Петя *(хитро подмигивая Мишке, к Шурику)*. Ну ладно! Мы тебя принимаем. Только надо тебе сначала пройти испытания.

Шурик *(решительно)*. Я готов на любое!

Петя завязывает Шурику глаза, подводит его к дивану и, вскочив на диван, бьет Шурика подушкой по голо-

Я готов на любое испытание...

ве. *Шурик падает на четвереньки. Петя соскакивает с дивана и осматривает Шуркину стойку.*

Петя. Так. Не приподнимайся, я сейчас посмотрю. Кажется, хорошо прилунился. На все четыре точки. А теперь акт приема пищи в невесомом состоянии. Встань вверх ногами к стене. (*Шурик встает.*) И укуси этот хлеб. (*Подносит Шурику хлеб.*)

Шурик откусывает и жует его.

Куда, чувствуешь, хлеб идет? Вверх или вниз?

Шурик. Обратно, вниз.

Петя (*сокрушенно*). Э-э! Плохо дело. Ну мы сейчас узнаем, что насчет этого нам скажет электронно-счетная машина. (*Берет с подоконника мясорубку, привинчивает ее к письменному столу, потом пишет что-то на бумажке.*) Заполняем все данные, закладываем в агрегат (*засовывает бумажку в мясорубку*) и включаем агрегат. (*Крутит мясорубку. Из нее вылезает бумажка. Петя берет ее в руки.*) М-да... Электронно-счетная машина дает отрицательный отзыв.

Шурик. Как отрицательный?

Петя. Да очень просто! Тебя нельзя вносить в наш список, вот и все. Кибернетика не врет!

Шурик. Тоже мне кибернетика! Вы что, с Луны свалились?

Миша (*тихо*). Петька, а он не намекает?

Петя (*серьезно*). Слушай, Шурик-мурик, ты что сюда пришел? Ты что же, хочешь выведать у нас, какую я, например, важную бумажку получил или что другое?

Шурик. А какую ты бумажку получил?

Миша (*испуганно, Пете*). Про космический институт больше ни слова!

Петя (*Мише*). Я ничего не говорил про космос!

Шурик (*обрадованно*). Нет, говорил!

Петя. Ну и что ж такого, что говорил? (*Пауза.*) А что, товарищи? (Весело.) Может быть, все-таки примем к нам этого Шурика-мурика?

Шурик (*умоляюще*). Ой, примите, а? Я вместе с вами буду!

Петя. Гм... Ну что ж, я думаю, что мы, пожалуй, сможем принять тебя *(торжественно)* в наш «Клуб юных лунатиков»! *(Испуганно затыкает себе рот и смотрит на своих единомышленников.)*

Люся. Ага, Петька, сам проговорился! Э-эх, ты! Мне запрещал, а сам?

Шурик *(обрадованно)*. Значит, у вас «Клуб юных лунатиков»!

Миша. Да что ты придумал? Какой дурак тебе это сказал?

Шурик *(пятясь к двери)*. Не-ет, номер не прошел, товарищи лунатики, ха-ха-ха! *(Мефистофельский смех.)* Лунатики!

Петя *(схватив Шурика)*. Ах ты, змея подколодная! Собрался к своему Геночке бежать? Разузнал и бежать? А ты... ты у нас еще ни бельмеса не узнал!

Миша *(предупреждающе)*. Петька!

Петя *(Мише)*. Ничего, ничего, не волнуйся. Я сейчас ему сам все скажу и покажу. *(Вытаскивает из кармана заветную бумажку из космического института. Шурику.)* Вот читай, читай вслух, чтоб все знали.

Шурик *(с иронической улыбкой берет в руки письмо)*. Печатный штамп! Исходящий номер! Кажется, все в порядке... Здо-о-рово документик оформлен! *(Читает.)* «Здравствуй, дорогой Петя! Научно-исследовательский институт по космическим полетам...» О-го! «Полетам»! «Ставит тебя в известность, что ты зачислен в кандидаты для полета на другую планету!» Уй-юй! Петя! А мы-то и не знали, что с нами такой человек учится! «Директор института... академик...» *(К Пете, придирчиво.)* А почему подпись неразборчива?

Петя. А тебе уж хочется, чтоб он, как ты, писал, по буквочке! Ака-де-мик *(поднимая палец в воздух)*, ты понимаешь? А теперь — вот это... это прочитай. *(Протягивает Шурику новое письмо.)* И вы *(к Люсе и Мише)* слушайте.

Шурик *(берет в руки письмо, взволнованно разглядывает)*. Тоже штамп... Красная печать... Учреждение! *(Читает.)* «Уважаемый! Петя Махрютин! Мы прочли в нашей обсерватории твое письмо, в

котором ты сообщаешь о своем желании уже сейчас готовиться к полетам в космос. Мы думаем, что у нас с вашим клубом будет настоящая творческая дружба, и мы уверены, что ты побываешь у нас в гостях».

Люся (*восторженно*). Ой, Петя, как интересно!

Миша. Молодец, Петька, я всегда знал, что ты настоящий организатор!

Петя (*Шурику*). А? Видал? А теперь можешь выкатываться к своему Геночке. (*Вырывает у Шурика письмо и толкает его.*)

Шурка отлетает к дверям. В этот момент появляется Гена, и Шурик сталкивается с ним.

Гена (*Шурику, взволнованно*). Шурка, ты жив? Я так беспокоился! Что они с тобой тут делали?

Шурик (*радостно*). Я все узнал! У них клуб лунатиков! Ха-ха! Они готовятся для полета в космос!

Гена (*иронически*). Клуб лунатиков? И ты, Люся, с ними?

Люся молчит.

Петя (*гордо*). С нами!

Гена (*Пете, иронически*). И далеко ли вы собрались лететь?

Петя. Не твоего ума дело!

Гена (*с издевкой*). А на чем же вы полетите, на примусе или на керосинке? (*К Люсе.*) Они тебя опутали, идем отсюда. (*Тянет ее за собой.*)

Петя (*с усмешкой, к Гене*). Да? Опутали? (*К Люсе.*) Люська, а это? (*Показывает бумажку из космического института.*)

Люся делает шаг к Пете.

Гена (*тянет Люсю*). Люся, уходи немедленно отсюда. Я тебе обещаю, мы тебе все расскажем.

Петя (*к Гене*). Да что вы там расскажете! (*К Люсе, строго.*) Люська! А клятва?

Люся вырывает у Гены свою руку.

Люся (*к Гене*). Что ты меня тянешь? Вы забыли, как вы со мной разговаривали?

Шурик (*взволнованно*). Остаешься?

Люся. Да! Остаюсь! Навеки!

Гена (*мрачно*). Ладно. Не заплачем. (*Подняв голову, решительно.*) Но знай, твой Петька — это не Петька, а барон Мюнхгаузен.

Петя (*потрясенный*). Кто? Барон?!

Гена (*решительно*). Да, брехун.

Петя (*вскипев*). Что ты сказал? Я брехун?

Гена. Вот именно!

Петя (*хватает Гену за «грудки»*). Ну, я тебе сейчас покажу! Оскорбление личности! А ну-ка, пикни еще, кто я!

Шурик (*Пете*). Барон Мюнхгаузен!

Петя кидается к Шурику. Шурик убегает от него. Его хватает Миша. На помощь Шурику бросается Гена. Петька хватается Генку. В комнате беготня, возня. Люся, стоя на диване, пытается урезонить дерущихся ребят, бьет их подушкой по голове.

Люся (*кричит*). Мальчики, прекратите! Мальчики, вы оба хорошие!

Петя (*валит Гену на пол и садится на него верхом*). Проси прощение!

Гена (*хрипит*). Барон Мюнхгаузен!

Петя. Ну, прощайся с жизнью, рычаг второго рода!

Гена. А ты двоечник! Раззвонил по всему свету! Переписку с учеными завел!

Петя. Да, завел!

Гена. А у тебя нет морального права писать в Академию наук. У тебя нет права быть председателем астрономов!

Петя. Ах, нет права? Нет права? (*Не слезая с Генки, вынимает из кармана драгоценную бумажку.*) А это видел?

*Это мы
написали!*

Гена (*хрипло*). А это? Это мы написали!

Петя. Вы лжецы! Вот штамп из космического института!

Шурик. Не из космического, а из косметического.

Петя. Что? Из косметического? Я вам сейчас устрою массаж лица!

Шурик. Да моя мама в косметическом институте работает! Она там на всех женщин красоту наводит.

Гена (*лежа на полу*). Ты посмотри: здесь штамп «Косметический институт», а мы зачеркнули две буквы — «е» и «т», — и получился «Космический». А? Ясно?

Драматическая пауза.

Шурик (*освобождаясь от Мишки, Пете*). Позор тебе, лунатик!

Гена (*спихивая с себя обалдевшего Петьку*). Барон Мюнхгаузен! (*Глядит на Люсю*.) Ну, что? Поняла? Чучело!

Гена и Шурик уходят.

Петя (*потрясенный, рассматривает бумажку*). Не может быть! Не может быть!

Миша. Эх ты! А чего не может быть? Вот смотри «е» и «т» зачеркнуты.

Люся (*к Пете*). Ой, знала бы, что тут такое, я бы никогда в сундуке не сидела. Говорил: «Сомной не пропадете!» Ну куда ты смотрел, когда читал эту бумажку? Все! Я ухожу!

Миша (*растерянно*). Я тоже домой пойду. (*Хлопает себя по лбу, в сторону*.) А я-то куда смотрел?

Петя (*трагически*). Что? Уже уходите? Бежите, как крысы с тонущего корабля? А где же ваша клятва: «Будем вечно дружить, как Галилей и Ньютон»?

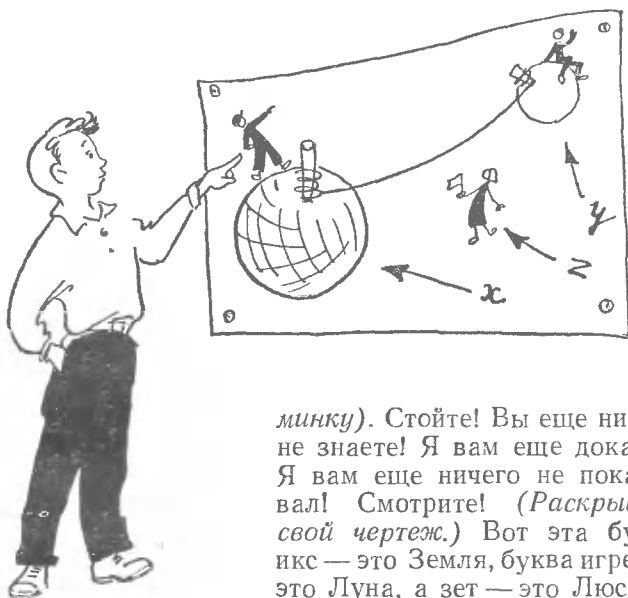
Миша (*оправдываясь*). Ну, если бы ты был Галилей...

Петя. Ах, я, значит, теперь уже не Галилей?

Люся. Мне это совершенно безразлично! (*Идет к двери*.)

Петя (*как утопающий, схватившийся за соло-*

Это-я...

минку). Стойте! Вы еще ничего не знаете! Я вам еще докажу! Я вам еще ничего не показывал! Смотрите! (Раскрывает свой чертеж.) Вот эта буква икс — это Земля, буква игрек — это Луна, а зет — это Люська! Контрольный пункт. Понятно вам?

*Люся (удивленно). Нет!
Миша. Непонятно.*

Петя. Но я вам сейчас все объясню. Вот мой проект для космического института. До этого еще никто не додумался! Идите ко мне ближе. (С горечью.) Но только мне нужно одну формулу достать! Вот так она мне нужна! (Проводит пальцем по горлу.) Позарез!

Занавес

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА

У Гены. Декорация второй картины. Входят Гена и Шурик. Оба взволнованы. На антигравитоне надпись: «Совершенно секретно. Руками не трогать!»

Гена (*потирая шею*). Вот чуть было не погиб! Ну и баталия была!

Шурик. А ты молодец! Он тебя душит, а ты ему всю правду в глаза режешь! Настоящий ученый!

Гена. А чего ж ты мне не помогал?

Шурик (*возмущенно*). Как не помогал? А кто Мишку на себя отвлекал? Они бы тебя вдвоем, знаешь, как разукрасили? Я и подушку на себя отвлекал!

Гена. Ну и здоров же Петька! Как бык! Воспользовался тем, что у меня голова кружится, и насел!

Пауза.

А знаешь, я сейчас подумал: ну на кой черт нам сдался этот Петька? Пусть один живет! И пусть у него хоть по всем предметам будут одни «колы» и двойки! С этой минуты мы больше не будем над ним шефствовать!

Шурик. Как не будем шефствовать? Нет, погоди, ты что-то не то придумал. А как же класс? Ведь Петька всех ребят подводит! И Андрея Петровича!

Гена. Ребята ничего не знают, а мы ведь каждый день из-за Петьки жизнью рискуем. И мне это все надоело. Нас душат, как котят! Мы теряем лучших людей...

Шурик. Это кто же лучшие люди?

Гена. Да это я так, просто к слову сказал.

Шурик. А я думал... ты про эту...

Гена. Про кого?

Шурик. Ну, про эту... Даже язык не поворачивается ее назвать!

Гена. И не называй! Теперь всем ясно, кто она! Змей Горыныч!

Шурик. Вот правильно — Горыныч! Ты слышал, как она этому Петьке сказала: «Остаюсь у тебя навеки!»?

Гена. А разве она так сказала?

Шурик. Ну вот, здрастье! Я, что ж, глухой, что

ли? Остаюсь, и точка! И они еще с Петькой какую-то клятву друг другу дали!

Гена (*мрачно*). Про клятву я слышал. В общем с этой минуты на Петьку с Люськой мы ставим крест. Надоело! Будем шефствовать над другими людьми, более разумными. У нас и так от своих дел голова кругом идет!

Пауза.

Шурик (*вздыхнув*). Слушай, Генк, а между нами говоря, от чего у тебя голова кружится? От малокровия или... от трусости? Так сказать, от первого или от второго?

Гена. По-честному. (*Пауза.*) От второго.

Шурик. С этим можно бороться.

Гена. А как?

Шурик. Тренировка, и все!

Гена. А мне кажется, что ничего не выйдет.

Шурик. Один момент! (*Берет с Генкиного рабочего стола складной метр и измеряет высоту шкафа.*)

Та-ак... Один метр восемьдесят сантиметров!

Гена. А что ты хочешь делать?

Шурик. А ну-ка, марш на шкаф! (*С помощью Шурика встав на стул, Гена взбирается трусливо на шкаф и хватается за абажур.*) А ты отпусти лампочку и распрямляйся!

Гена. А мне кажется, тут абажур немножко не исправен.

Шурик. Ладно, ладно! Не хитри! Распрямляйся!

Гена распрямляется.

Ну, что слышно под ложечкой?

Гена. Ой, екает! Знаешь, я слезу! Я больше не хочу этих процедур! Пусть буду таким, как есть, и ладно.

Шурик. Нет, не ладно! Для тебя все равно, а для нашего класса не все равно! У нашего председателя совета отряда ничего не должно екать: ни печенка, ни селезенка. А теперь будем прыгать со шкафа. (*Отодвигает стул от шкафа.*)

Гена. Ой, что ты делаешь?!

Шурик. Продолжаем лечение! (Уходит.)

В комнату медленно, какой-то странный и тихий, будто уже отрешенный от земных забот и тягот, входит Петька. Скрестив руки на груди, он останавливается перед антигравитоном с надписью: «Руками не трогать!» — и ногой приподнимает покрывало, которым накрыт аппарат.

Гена. Эй, Петька, ты чего делаешь? Руками нельзя, так ты ногами?

Петя (*еле достаивает взглядом Генку и начинает медленно ходить по комнате*). Во-первых, я теперь уже не Петька, а Петр Иванович, а во-вторых, это невежливо — принимать гостей, сидя на шкафу.

Гена. А я тебя не звал в гости, ты сам притащился.

В комнату с подушкой в руках незаметно для Пети на цыпочках входит Шурик.

Петя. Это тоже дурной тон перебивать своих собеседников на полуслове. Вы же не знаете, что у меня «в-третьих». Я пришел сюда с грузом своих мыслей и переживаний, которыми я решил поделиться с вами.

Шурик (*стоя за шкафом, шепотом*). Генка, во заливаает! Ты с ним держи ухо востро!

Гена (*Пете*). Ну, и что же это у тебя за груз?

Петя. «В-третьих» тебя интересует? (*Пауза.*) Да-а, а я все-таки никогда не пожалею, что учился в нашем классе. Здесь всегда была такая атмосфера, которая меня окрыляла и вдохновляла на свободный полет мыслей. Здесь я познал основные законы физики, узнал, отчего происходит электричество. Берется с одной стороны «плюс», с другой стороны «минус», соединяются проводами — и готово! Здесь у меня родилась скромная идея, та, о которой, может быть, скоро заговорит весь мир.

Гена. А чего это ты так жалобно говоришь? Ты что, помирать собрался? Или оттого, что мы с Шуриком подорвали твой авторитет?

Петя. Нет, Гена, мой авторитет никто и никогда не подорвет, поверьте мне! А впрочем, я чувствую, что вы меня не поймете и я только зря время теряю. Или разве вы мне дадите одну очень важную физическую формулу?

Гена (*удивленно*). Формулу?! А какую формулу?

Петя. А такую... Но, впрочем, мне... мне ничего не надо!

Гена. Ну, а какую все-таки? Что тебе надо определить?

Петя. Ну, длину пути... движения.

Гена. А что у тебя там движется?

Петя. Тело движется.

Шурик (*испуганно, за шкафом, подсказывая Генке*). Какое тело? Человеческое?

Гена (*Пете*). Живое?

Петя. Это неважно. Можно и мертвое, то есть неодушевленный предмет.

Гена. А куда оно будет двигаться, это тело?

Петя. По наклонной плоскости.

Шурик (*за шкафом*). Фу, черт, даже страшно становится! Мертвое тело по наклонной плоскости...

Гена. Ну, так бы сразу и сказал, какая тебе формула нужна, а то пришел, запел, как нищий: «Подайте Христа ради!»

Петя (*меняя тон, становясь прежним Петей*). Слушай, ты, утильсырьё! Ты что, не видишь, что человек в глубоком раздумье? Замолчи, говорят! А то как дам, то сразу со шкафа сальто-мортале сделаешь! (*Опять взгрустнув*.) Короче говоря, сегодня в пятнадцать часов двадцать семь минут по гринвичскому времени я принял решение. И это решение никто не сможет изменить.

Гена. А какое решение?

Петя (*вздыхнув*). Пройдут года, зазеленеют рощи, запоют соловьи и канарейки, и начнут они вить гнездышки. Но когда вспомнят обо мне люди, то некоторые из них очень и очень пожалеют, что в свое время они не дали мне формулу. (*Строго, после паузы*.) Значит, ты не окажешь мне последнюю услугу?

Гена (*решительно*). Нет! Пойди и сам поищи в учебнике!

Петя (*печально*). Ну что ж... Пойду посмотрю в последний раз на нашу школу, где я провел года свои золотые. (*Уходит.*)

Шурик (*выходя из-за шкафа*). Генк, ты слышал? У меня, честное слово, аж под ложечкой защемило, так он жалобно говорил! С ним, наверное, что-то произошло! Ты обратил внимание: «Пойду и посмотрю в последний раз!»? Может быть, у него с мамой что-нибудь случилось? Люська верно говорила, что ты плохой психолог.

Гена (*взволнованно*). Ой, может быть! Я и не подумал! А мы еще письма ему пишем из Космического института, боремся с ним морально и даже физически!

Шурик (*взволнованно*). Может быть, ему нужен покой и забота и он пришел к нам как товарищ к товарищу поделиться. А мы с тобой ничего не выслушали, по душам не поговорили... Дипломатическую ноту не послали! Приготовили и не послали!.. Э-эх!

Гена. Обожди, я сейчас слезу, и мы обсудим.

Шурик. А ты прыгни на подушку.

Гена. Не надо. (*Никак не может набраться храбрости и прыгнуть.*)

Стук в дверь.

Шурик (*испуганно*). Наверное, опять Петька!

Гена лезет на шкаф. Шурик снова прячется за шкаф. В комнату вбегают Майка.

Майка (*взволнованно*). Мальчики! Петька!

Гена (*со шкафа*). Что случилось?

Майка (*задыхаясь, бежит по комнате*). Петька! На помощь!

Шурик (*выскакивая из-за шкафа, испуганно*). Что с Петькой?

Гена (*спрыгнув со шкафа*). Что произошло? Говори!

Майка (*отскакивая в сторону от ребят*). Ой, как испугали! Ну разве так можно? И вы тоже хороши:

один на шкафу, другой за шкафом. Я пришла к вам сказать: куда смотрит совет отряда? Куда смотрит наша общественность? Это же бесчеловечный человек! Это же человеческий бесчеловек!

Гена. Кто?

Майка. Это эгоист! Они только о себе с Люськой думают. Я пришла сигнализировать.

Гена. Ну, ты успокоишься или нет?

Шурик (дует на Майку). Фу-фу! Охладись!

Майка. Нет, так жить невозможно! Ну ладно, я сейчас передохну... Вы знаете что? Я пришла сегодня к ним и говорю Петьке: «Петя, примите меня в свой драматический кружок!» А у них уже в комнате декорации, ангельские крылья, пожарные каски. А Петька как закричит на меня: «Уходи отсюда! У нас тут не драма, а трагедия

Мальчики! На помощь!..

готовится! Какая не бывала еще во всей истории человечества!» Я и говорю: «Ну, вот и примите меня в эту трагедию!» А Петька как закричал: «Ты что, хочешь, чтоб тебе тут башку оторвало?» В общем я пришла к вам сказать, что так продолжаться в нашем классе не может. Не может! Петька меня к себе не принимает. Вы меня к себе не принимаете. А куда же мне, честному пионеру, деваться? И вы, как члены совета отряда, должны принять меры: охватить самодеятельностью всех ребят! Я сижу все время дома одна и думаю: а где же у нас внеклассная работа?

Гена. Подожди! Мы еще тебя охватим самодеятельностью. А какую они там постановку готовят?

Майка. Не знаю. Может быть, про Отелло или там Джульетту.

Шурик. Х-ха! Петька — Отелло, а Джульетта — Люська. Вот она где, трагедия, зарыта!

Гена (*Шурику*). А при чем же тут пожарные каски и ангельские крылья?

Майка (*Гене*). Не знаю! Не знаю! (*Пауза.*) Да, Миша мне сказал, что ты час назад с Петькой на дуэли дрался из-за Люськи, это правда?

Шурик (*Майке*). Чистое вранье! Они дрались из-за общественных интересов.

В комнату входит Люся. В руках у нее чучело совы. Гена отворачивается от Люси.

(*Люсе.*) Вот Джульетточка явилась! А где ж твоя подушка?

Люся. Гена! Вот твое чучело. (*Хочет поставить чучело на стол.*)

Гена (*оборачиваясь*). Можешь не ставить это чучело. Я не желаю с тобой разговаривать!

Люся (*прижимая чучело к груди*). Но ты должен меня выслушать!

Гена. Нет! Нам не о чем с тобой говорить! Мне все ясно!

Майка. Вы подумайте, какой гордый!

Люся. Гена, но мы ведь ни разу не поговорили с тобой по-настоящему.

Гена (*обернувшись к Люсе*).
А кто в этом виноват? Кто? Я или ты?

Шурик (*Люсе*). Ты! Мы поручили тебе шефство, а ты во что это шефство превратила? Во что ты Петьку превратила? Он теперь как лунатик, ходит сам не свой, разговаривает стихами, имеет бледный вид! Кто виноват? Вместо того чтобы заниматься физикой и математикой, он думает про какие-то ангельские крылья! А отчего у него крылья появились, ты задумалась, а?

Люся. Потому, что вы ему сами написали письмо из космоса.

Гена. Это причина пустяковая!

Шурик (*Люсе*). А если копнуть глубже?

Люся. Я не знаю.

Шурик. Потому, что ты вступила в «Клуб юных лунатиков». И вдохновила его. А ты не должна была вдохновлять!

Люся. А чем я его вдохновила?

Гена. Своим присутствием. Ты должна была выполнять общественное поручение, а не смотреть с Петькой по ночам в телескопы.

Люся (*Гене*). Я с ним занималась, честное пионерское! А после занятий ведь мы имеем право отдохнуть?

Шурик (*наставительно*). Ну, пришла бы к Генке, сходили бы вы с ним в кино или на какую-нибудь там выставку. (*К Гене*.) Ты помнишь, Генк, как вы ходили в Третьяковскую галерею?

Гена (*хмуро*). Я ничего не помню.

Люся. Ген, ну как же ты не помнишь! Ведь помнишь, тогда дождик шел и ты мне свой плащ отдал!

Гена (*хмуро*). Дождя не было.

*Вот твое
учило...*

Люся. Хотя да, это я спутала. Это дождь тогда шел, когда мы с тобой ходили к твоей бабушке на именины и тебе понравилось, как дома в асфальте отражаются.

Гена (*все еще хмуро, но уже чуть мягче*). Ну, понравилось!

Шурик (*многозначительно*). Я, пожалуй, подушку отнесу. (*К Майке.*) И вообще посторонних просим удалиться!

Шурик и Майка уходят.

Люся. Ага, вспомнил! А помнишь, как ты в детском саду за меня рыбий жир пил?

Гена. Пил, две ложки. Мне хотелось тебе помочь.

Люся. А ты знаешь, вот когда я читаю какую-нибудь книжку про героя, я почему-то всегда представляю, что герой — это ты!

Гена (*обрадованно снимает очки, распрямляется*). Честное пионерское?

Люся. Самое честное! А зачем ты очки снял? Тебе же в них лучше!

Гена. А они мне, кажется, не идут.

Люся. Что ты? Очень даже идут! Ты в них такой умный и сильный!

Гена (*с нежностью передает чучело Люсе*). А хочешь, мы с тобой пойдем в кино?

Люся. Сегодня?

Гена. Вот хоть сейчас!

Люся. А на какой фильм?

Гена. Ну... «Карандаш и Клякса!»

Люся (*с искренним сожалением*). Ой, сегодня я занята! Мы с мамой в гости идем...

Гена. Ну зачем тебе эти гости? Ты знаешь, мне ребята говорили, там у Карандаша есть собака Клякса. Я сначала думал, что Клякса — это просто клякса, а потом оказалось — собака. Пойдем, а? Ну хоть завтра!

Люся (*глядя в сторону*). Ой, и завтра я тоже не могу!

Гена (*мрачно*). У Петьки будешь сидеть?

Люся (*опустив глаза*). У Петьки...

Гена (*мрачно*). Так... так... Тогда мы с тобой никогда и никуда не пойдем. Я нарочно тебе сказал про Карандаша.

Люся (*обиженно*). Ах так, нарочно?

Гена. Нарочно!

Люся (*с претензией*). А рыбий жир?

Гена (*холодно*). Это было в далеком детстве! Можешь идти к своему Петечке. Только вы с ним далеко не улетите.

Люся (*запальчиво*). А вот улетим!

Шурик (*выскочив из соседней комнаты*).
А куда?

Люся. Сегодня все узнаете!

Гена (*мрачно*). Опять за старое?

Люся. Нет, почему же, сегодня совсем новое!

Шурик (*сразу*). А что?

Гена (*Люсе*). Можешь не говорить! Нас это не интересует.

Люся. Я ничего не скажу, я просто отдам вам билеты.

Шурик (*Люсе*). Давай быстрее!

Гена (*гордо*). А я говорю, не давай! Не возьмем!

Шурик (*Люсе*). Да! Или Петька, или Генка!

Люся (*дрожащим голосом*). Ладно... (*Ставит чучело на стол и протягивает Шурику какие-то билеты. Убегает, закрыв лицо руками.*)

Гена (*хватает чучело и бежит вдогонку за Люсей. Кричит раскаиваясь*). Люся! Одну минуточку! Люся!

Шурик (*вслед Люсе*). М-да, тяжелый человек... (*Вернувшись к Гене.*) А ты, Генк, не горюй! Мы еще найдем, кому подарить это чучело! (*Разворачивает билет, который ему дала Люся, и читает.*) «Пригласительный билет». (*Изумленно.*) Генк, посмотри, что здесь написано! Ты только посмотри! (*Читает.*) «Всем, всем, всем! Сегодня в восемь часов вечера у нас во дворе состоится всемирно-историческое событие, которое открывает собой новую эпоху и покрывает неувыдаемой славой всех тех, кто эту эпоху от-

крывает! Петр Махрютин на глазах у публики уйдет в космос и, видимо, больше никогда не вернется на Землю. Слабонервных просим не приходить, а остальных — соблюдать полное спокойствие. Спешите видеть! Только один раз! Ученый секретарь комиссии по проведению космического полета Людмила Ромашкова».

Пауза.

Гена (*потрясенно*). С ума спятил! Пожарные каски! Ангельские крылья! Формулы!

Шурик. Драмкружок! Сундуки! Наклонные плоскости!

Гена. Надо действовать! Спасать!

Шурик. На помощь Петьке!

Бегут к дверям.

ПЯТАЯ КАРТИНА

У Пети. Декорация третьей картины. На стене плакат: «Да здравствует покоритель космоса Петр Махрютин!» На подоконнике магнитофон. В центре потолка — крюк. К этому крюку подвешен трос, который уходит за раскрытое окно.

Петя, Люся и Миша рассматривают чертеж.

Петя (*показывая на большой круг, нарисованный на чертеже*). Значит, икс — это Земля, это моя квартира. А чердак противоположного двухэтажного дома (*показывает на соседний маленький кружок*) — это Луна, игрек, которая находится за горизонтом. А зет — это Люськино окно. Значит, полет с Земли вниз на Луну будет происходить мимо Люськиного окна, мимо контрольного пункта. Понятно вам, какая у меня опытная установка для тренировочного полета?

Миша (*с уважением*). Понятно! А тебе далеко придется лететь — через весь переулок!

Петя (*подходит к шкафу*). Гм... Конечно, далеко. Это вам не шуточки. По моим расчетам (*показывает*

на шкаф), эту эстакаду надо подвинуть ближе к прицельной раме. (Показывает на окно.)

Миша и Люся пододвигают шкаф.

Миша. Сюда?

Петя. Нет, чуть-чуть вперед. Сами должны понимать. Малейшая ошибка, и я стану одиннадцатой планетой Солнца. Только двигайте быстрее, а то дворник дядя Федя увидел меня на крыше, когда я трос привязывал, и говорит: «Я тебе покажу кузькину мать!» А я сказал, что это трос для белья. Как бы он сюда не пришел.

Миша и Люся пододвигают шкаф.

Вот так! А теперь приступайте к монтажу стартовой площадки!

Ребята поднимают с пола длинную доску и кладут ее одним концом на подоконник, другим на шкаф. Чуть правее, нет, чуть левее, на два микрона! Закрепить болты!

За окном голоса: «Петька, давай!». «Ну, скоро вы там!». Кто-то стучит в дверь.

(Испуганно, шепотом.) Дворник! Дядя Федя! Тс-тс! Гробовое молчание!

Голос Майки: «Мальчики, откройте!»

Слава аллаху! Пронесло! Никого не впускать в секретное помещение!

Майка. Вы только на секундочку откройте! Я вам что скажу!

Петя (Майке). Ну, что там такое?

Миша приоткрывает дверь. Майка с букетом цветов. Она просовывает в комнату голову.

Майка. Ребята, а народу там! А народу! Все девочки пришли с соседнего двора. И все мальчишки вам так завидуют, так завидуют! А вы что, Луну ждете? (Хочет влезть в комнату.)

Миша (Майке). А ну-ка, давай отсюда! Товарищ икс должен сейчас сосредоточиться! (Вытолкнув Майку, закрывает дверь на ключ.)

*Мальчишки,
откройте!*

Люся (*волнуясь, Пете*). Товарищ икс, а может быть, мы отложим полет? (*Пауза. Роеся в санитарной сумке, которая висит у нее на плече.*) У меня вот тут еще лекарств маловато.

Петя (*величественно*). Мне уже никакие лекарства не помогут. Мое решение окончательное и отмене не подлежит. Сегодня или никогда!

Люся. Ну, Петь, я так волнуюсь! А вдруг стратоплан подведет?

Петя (*вскипает*). Стратоплан сделан по последнему слову техники. На его изготовление были брошены все самые лучшие материалы!

Люся. Знаю я — «лучшие»! Старые простыни. А этот фонарный столб в переулке? Стукнешься — своих не узнаешь!

Петя (*Люсе, возмущенно*). Товарищ зет, вы все-таки думайте, прежде чем говорить! Какой фонарный столб? Это космическое тело! Но опасность встречи с ним нам не грозит. Мы его минуем. Я все рассчитал. (*К Мише.*) Товарищ, приготовить скафандр!

Миша. Есть приготовить!

Петя (*Люсе*). А разгонные тележки проверены?

Люся. Проверены. (*Достает из шкафа беговые ролики.*) Петь, а может быть, отменим полет...

Петя (*возмущенно*). Я тебя просто не понимаю! Ты меня должна морально поддерживать перед ответственным полетом, а ты? Ну к чему все эти ахи и вздохи?

Люся (*жалобно*). Ну, Петь, я тебя очень прошу...

Стук в дверь.

Петя (*испуганно*). Дворник! (*Пауза.*)

Миша (робко). Кто там?

Голос Гены: «Это мы!»

(Сердито.) А чего вам надо?

Шурик. Петьку!

Миша (подмигивая Петьке). Тоже мне, когда схватились! Его уже нет!

Гена (взволнованно). Мы тебя серьезно спрашиваем!

Шурик. Мы пришли как совет отряда... Как дипломатическая миссия!

Миша. А нас не интересует ни миссия, ни комиссия!

Гена. Мишка, брось дурить! Мы же тебя по-человечески спрашиваем.

Шурик (взволнованно). А Петька жив?

Петя (шепотом Мише). Вот привязались! Скажи, что жив.

Миша (с иронией). Жив, здоров и чай попивает!

Гена. Пускай он голос подаст.

Петя (с достоинством). Международные переговоры прерваны!

Миша (подойдя к двери, прислушивается). Кажется, ушли!

За окном нарастает шум голосов: «Петька, начинай!»

Петя (Мише, бодро). Скафандр! (Разбрасывает в стороны руки.)

Миша надевает на Петю темно-серебристый плащ из хлорвинила, потом опоясывает его пожарным поясом, к которому прикреплен тросик с кольцом-карабином. Люся надевает на Петю маску от акваланга и пожарную каску, к которой припаяны две короткие антенны. У Пети вид космонавта. Он медленно по лестнице поднимается на шкаф и пристегивает себя кольцом-карабином к тросу, выходящему в окно.

Люся (Пете). А ты не боишься такой высоты?

Петя (гордо). Нет! У меня отец пожарный. Это по наследству. Надеть разгонные тележки!

Миша и Люся прикрепляют к Петиным ногам ро-
лики.

Люся. Ой, я так боюсь!

Миша (*тоже стухнув, к Пете*). Слушай, а может быть, вместо тебя мешок выпустим через окно или я сейчас какую-нибудь собаку приведу?

Петя. Никаких собак! Только я! Прикрепить стратопланы!

Миша и Люся вытаскивают спрятанные за гардинами два серебристых крыла и прикрепляют их к Петькиным рукам.

(*Дрогнувшим голосом.*) Ну, ребята, кажется, все готово! По моим расчетам, все должно быть в порядке. Но если что случится... (*Пауза.*) Ты тогда, Мишка, возьми себе одно крыло на память, а ты, Люся, дру-гое! А ролики и эту стартовую площадку вы отдайте в школу. Пусть они стоят, как в музее. Шурке передайте, что я его прощаю, а Генку я не прощаю! Физоргом в классе пусть будет мой верный друг Мишка. Ты свято храни, Мишка, мои традиции и приумножай их! (*Протягивает Люсе руку.*) Прощай, Люся!

Люся (*жалобно*). Петя, а может быть, не надо?..

Петя (*решительно*). Нет, надо! (*К Мише.*) Мишка, речь!

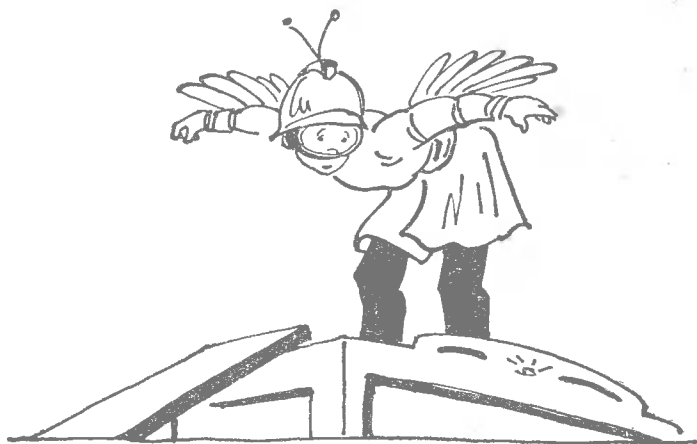
Миша (*вскакивает на подоконник, достает из кармана бумажку и говорит, обращаясь к собравшимся на дворе зрителям*). Товарищи! Сегодня мы с вами отправляем в неизведанные миры нашего славного Петра Ивановича Махрютина. Он сейчас отключится от силы земного притяжения и по своей антигравитонной теории начнет бороздить воздушные океаны. Пусть все телескопы мира будут... (*К Пете.*) Что-то тут у тебя... не разберу...

Петя (*подсказывая*)... направлены.

Миша (*продолжая речь*). Пусть все телескопы мира будут направлены на этого безумного храбреца, равного которому не было ни в доисторическую эпоху, ни в историческую эпоху. Сегодня впервые в направлении Луны полетит человек!

Микаких собак! Только я!..

За окном аплодисменты. Мишка включает магнитофон. Звучит бравурная музыка. На сцене уменьшается свет, прожекторы направлены на Петю. Люся выбегает на улицу.

*Петя (командуя). Включить атомные реакторы!
Миша (дает «дробь» на барабане). Есть включить атомные реакторы!*

Петя. Включить кислород!

Миша (барабаня). Есть включить кислород!

Петя. Контакт!

Миша (барабаня). Есть контакт!

Миша сильно ударяет по барабану. Петя катится вниз на роликах по наклонной плоскости и исчезает за окном. В переулке крики «ура», аплодисменты.

*Ура! Петька в космосе! Полетел! (Глядит в окно.)
Ой, что он делает? Выше крылья! Фонарный столб!*

За окном шум, крики.

Голоса: «Эй, ты куда летел? Смотреть надо!»

(Отворачивается от окна, с ужасом.) Петька за фонарный столб крыльями зацепился! О столб трахнулся!

В комнату вбегают Гена, Шурик, Люся и Майка.

Майка. Ой, что случилось! Что случилось! Петька над переулком висит!

Гена. Быстрее веревку!

Шурик. А где ее взять?

Миша (удрученно). Кажется, на кухне была.

Шурик бежит на кухню.

Гена (в окно). Петька, держись! Сейчас спасем!
Вбегает Шурик с веревкой. Гена берет веревку и бросает ее Петьке.

(В окно.) Петька, хватайся!

Петя (за окном). Ой, не могу! У меня крылья!

Гена (в окно). Да какие у тебя крылья? Сбрось их вниз!

Петя (за окном). Сейчас!

Гена (кидает еще раз в окно веревку). Поймал?

Петя. Нет.

Гена. Эх ты, растяпа! (Кричит вниз, на улицу.) Эй, ребята! Подкиньте ему снизу веревку.

Голоса за окном: «Сейчас подкинем!», «Давай правее!», «Эх, не дотянули!» Наконец одобрительный гул голосов.

(Пете.) Поймал?

Петя. Поймал!

Гена. Держись!

Ребята, ухватившись за конец веревки, дружно тянут Петьку в окно. Петя бледный, растерянный и жалкий. Ребята отстегивают кольцо-карабин от троса, сажая Петю на стул, обмахивают полотенцем. Люся ему дает капли.

Майка. Ой, обморок! Надо немедленно позвонить Андрею Петровичу! (Убегает из комнаты.)

Гена (смеясь). Вот так полет вверх тормашками! Дайте ему нашатыря понюхать.

Ура! Прилетел!

Люся. А ты, Гена, не смейся. Ну, подумаешь: он неправильно рассчитал. А ты бы вот так никогда не решился.

Гена (*поблднев*). Я бы не решился!

Люся. Да! Ты даже на брусья не можешь забраться в физкультурном зале!

Петя (*слабым голосом*). Правильно, Люська! (*К Генке.*) У-у, Архимедина, не дал мне формулу! Трус!

Шурик. Кто трус?

Гена. Я трус?! Я вам сейчас докажу. Смотрите! (*К Пете.*) Дай сюда пояс! (*Берет пояс и решительно надевает его на себя.*) А формулы я тебе специально не дал! Ты сам должен был разобраться в физике, если о космосе думаешь!

Люся (*вдруг*). Гена, не надо! Я тебя очень прошу! Ну, мы верим, что ты храбрый!

Миша. Храбрый! Знаем, какой храбрый! Вы только чайники по воздуху можете пускать! (*Показывает на окно.*) Пожалуйста, космос свободен!

Люся. Генка, отдай пояс немедленно!

Шурик. Генка, лети! *(Не пускает Люсю к Гене.)*

Петя *(слабым голосом)*. Рожденный ползать летать не может...

Гена *(застегивает пожарный пояс; проникновенно, к Люсе)*. Вот если что случится, ты все узнаешь у Шурики. Он тебе все расскажет. *(Лезет на шкаф.)*

Люся *(жалобно)*. Я тебя прошу, не лезь на шкаф! Я просто умоляю!

Гена *(лезет на шкаф)*. Я не жалею, что я за тебя пил рыбий жир! *(Кольцом-карабином пристегивает себя к тросу.)*

Распахивается дверь, в комнату вбегают Андрей Петрович и Майка.

Андрей Петрович *(видя Гену, стоящего на шкафу)*. Гена, ты что?

Гена *(радостно)*. Здравствуйте, Андрей Петрович! *(Взмахивает руками, отталкивается от шкафа и «улетает» в окно.)*

Все кидаются к окну, кричат: «Столб!», «Столб!»

Майка. Он же разобьется!

За окном крики: «Ура!», «Прилетел!»

Андрей Петрович. Миша, Люся и Шурик, а ну-ка, бегите к Генке, может, ему помочь в чем надо.

Миша, Люся и Шурик убегают на улицу.

Майка. Андрей Петрович! Андрей Петрович! Это ужас! Махрютин полетел на Луну и на полдороге застрял! А у Генки голова кружится, но он перелетел с Земли на Луну. А что тут было раньше! Что тут было! Петька с Генкой дрались. Из-за космоса дрались. Кому лететь. Вы подумайте только, Андрей Петрович!

Андрей Петрович *(к Пете)*. Значит, ты уже слетал в космос?

Петя *(вздыхая)*. Не вышел на орбиту.

Андрей Петрович *(с иронией)*. Ну? Конечно, с такими знаниями ты далеко не улетишь!

Не вышел на орбиту...

Миша и Шурик вводят в комнату бледного Гену. Его сажают рядом с Петей. Шурик победно включает магнитофон. Звучит бравурная музыка, Майка дарит Гене цветы.

Люся (к Пете и Гене). Ну помиритесь, ребята! Вот я не понимаю: Петя хочет, чтобы я дружила только с ним, а Гена хочет — только с ним. А я хочу с вами обоими дружить! Будем, ребята, а?

Гена. Шурка, огласи нашу дипломатическую ноту!

Шурик (достаёт из-за пазухи ноту, торжественно). Настоящим имеем честь уведомить вас, что в силу сложившихся чрезвычайных обстоятельств, могущих повлечь за собой кровопролитие, мы, памятуя о необходимости поддержания мира и согласия, приглашаем вас на межквартирные переговоры в связи с нашим решением помочь Петру Махрютину, как будущему космонавту, в ряде физических и математических проблем. Примите уверения в совершеннейшем к вам почтении и прочее и прочее.

Петя (победно). А-а, к моим проблемам подлизываться пришли! Миссия-комиссия!

Андрей Петрович. Петя, дипломатическим представителям нельзя грубить!

Петя. А какие они представители — ни одного иностранного языка не знают!

Гена (*поднимаясь со стула, с достоинством*). Вен верден зи антвортен?

Шурик. Ай бег ю, гив ми ансве!

Петя. Чего? Чего? Чего вы там залопотали?

Андрей Петрович. Они спрашивают, когда будет ответ!

Петя (*с деланным достоинством*). Ацы, бацы, трицацацы! Люська, переведи на русский!

Люся. Петя сказал, что они с Мишкой придут на переговоры.

Гена (*Пете, обрадованно*). Да, придете?

Петя (*добродушно*). А что ж, можно и прийти! Будем помогать вам в решении физкультурных проблем.

Гена (*Пете*). А с восьмого этажа полетим?

Петя. Можно и с двадцатого! Только, чур, по формулам!

Андрей Петрович. Э-э, вы мне тут об этажах бросьте договариваться! (*Берет за руки Гену и Петю.*) А ну-ка, дайте ваши руки, ребята!

На сцене гаснет свет, и вот уже через минуту перед зрителем появляется темно-синее небо с мигающими звездами, с падающими метеорами. Звучит тихая музыка. Иногда она прерывается звуками позывных со спутников.

Вот она, вселенная, перед вами, ребята! Смотрите, какая красота, какой простор!

Миша (*Пете*). Во-он она, твоя Большая Медведица!

Люся. И вон Псы Гончие!

Гена. Вот уже и до Луны рукой подать!

Люся. Только что-то не видно там Петькиного кола!

Андрей Петрович (*Люсе*). А он хотел в Луну кол вбить?

Миша. Ага!

Андрей Петрович. Ну и фантазер! Но современным вобьет! Вобьет, я уверен!

Шурик. Только пусть он сначала выбьет «колы» и двойки из своего дневника.

Петя (*смешно хлопает Шурика по макушке*). Ну чего ты про них вспомнил? Я сам знаю, что мне теперь делать!

Миша (*к залу*). А я вам всем желаю, чтобы у вас были такие же мускулы, как у моего могучего друга Петьки!

Шурик (*отталкивая Мишу, к залу*). И такая же умная голова, как у моего самого лучшего друга Генки!

Занавес

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Манная каша	5
Пирог с начинкой	6
Находка	9
Железная воля	16
Хитрющий парень	19
Ответственный редактор	25
Девчонки и мальчишки	30
Тяп-ляп	41
Первый взлет	42
Мой учитель	49
Как утонул Гога	53
«Счастливая» ручка	54
Дуб	56
Чудо-чудеса	58
В дебрях Кара-Бумбы (повесть)	67
Петька в космосе (пьеса)	161

Дик Иосиф Иванович

ДЕВЧОНКИ И МАЛЬЧИШКИ

*Для детей младшего и среднего
школьного возраста*

Редактор *Н. Шашерина*

Оформление художника *А. Семенцова-Огиевского*

Худож. редактор *В. Плешко*

Техн. редактор *Г. Голубкова*

A03670

Подп. к печ. 28/VI 1960 г.

Бум. 84×1081/32. Печ. л. 7(11,48). Уч. изд. л. 10,8

Тираж 115 000 экз. Заказ 898 Цена 4 р. 75 к.

Типография «Красное знамя»

изд-ва «Молодая гвардия»

Москва, А-55, Суцевская, 21.

4 р. 75 к.

• МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ •

ДЕВЧОНКИ И МАЛЬЧИШКИ *

Москва Директ

*